

Сооронбай Жусуев

СУДЬБА РАЗЗАКОВА

Роман в стихах

*Художественный перевод
Светланы Суловой*

Издательство «ЖЗЛК», 2013

УДК 82/821
ББК 84 Р7-4
Т 20

Библиотека «Жизнь замечательных людей Кыргызстана»

Судьба Раззакова. – Бишкек: Жизнь замечательных людей
Кыргызстана, 2013. – 440 с.

ISBN 5-86254-049-0

Судьба выдающегося политического деятеля Искака Раззакова занимает центральное место в большом поэтическом полотне Народного поэта Кыргызстана Сооронбая Жусуева. В этом романе, впервые переведенном на русский язык, читатель увидит срез целой эпохи родной страны, познакомится с деятелями культуры, науки Кыргызстана, героями труда, глазами автора увидит Сталина, Хрущева, других известных политических лидеров, ближе узнает всю Среднюю Азию с ее неповторимыми обычаями и традициями, а также с головой окунется в борьбу Добра и Зла, Чести и Зависти, Лжи и Правды, где нередко высокое и низкое меняется местами, - чему примером судьба Раззакова, который так много сделал для Родины и умер в изгнании...

Главный редактор

ИВАНОВ Александр

Редакционная коллегия:

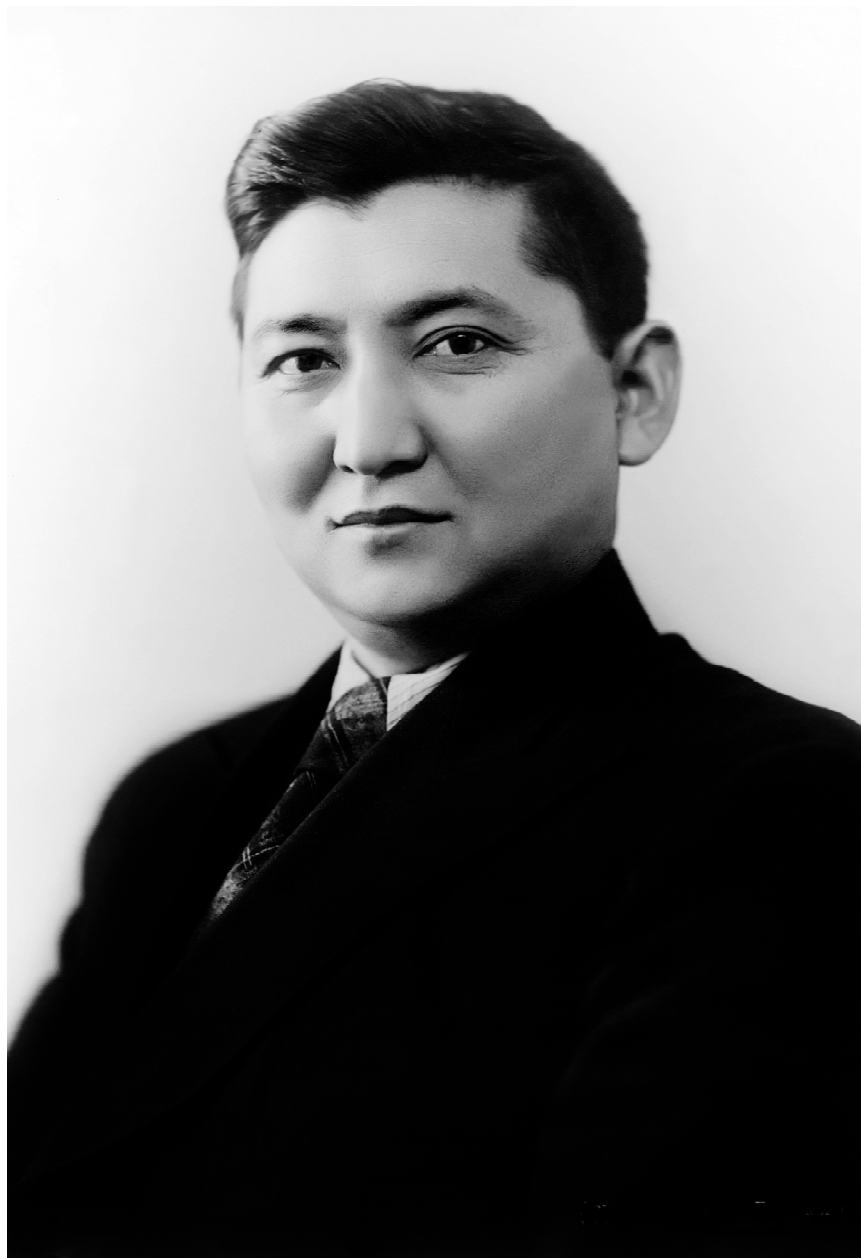
АКМАТОВ Казат
БАЗАРОВ Геннадий
КОЙЧУЕВ Турар
ПЛОСКИХ Владимир
РУДОВ Михаил

Т 4702010201-06

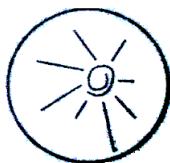
**УДК 82/821
ББК 84 Р7-4**

ISBN 5-86254-049-0

© Издательство «ЖЗЛК», 2013

«Канат менен Зарина»
коомдук фонду

Общественный фонд
«Канат менен Зарина»

Общественный фонд «Канат менен Зарина» выражает глубокую признательность и огромную благодарность партнерам и спонсорам, оказавшим поддержку в реализации проекта по переводу и выпуску в свет романа в стихах Сооронбая Жусуева «Судьба Раззакова» на русском языке:

- председателю Комитета по транспорту, коммуникации, архитектуре и строительству ЖК КР *Исаеву Жусупали Калматовичу*;
- заведующей отделом социального развития Аппарата Правительства КР *Джолдошевой Нурийле Кимсановне*;
- общественному деятелю *Масалиеву Исаку Апсаматовичу*;
- главному редактору журнала «Жетиген» *Жумашеву Абдиламиту Мажитовичу*;
- президенту ОсОО «Коннекш Френдс» *Оморовой Лоле Чыраковне*;
- учредителям ОсОО «AT Empire» *Боталиеву Айбеку Ырысбековичу* и *Осмонкулову Тимуру Болотбековичу*;
- предпринимателю *Бектеналиеву Самату Дуйшенбековичу*;
- сотрудикам Дома-музея И.Раззакова.

Президент ОФ: Кыдыршаева Клара Досматовна

ЛИЦО ЭПОХИ БЕЗ ПРИКРАС

Поучительная судьба выдающегося политического деятеля Кыргызстана Искака Раззакова занимает центральное место в большом поэтическом полотне Народного поэта и Героя Кыргызской Республики Сооронбая Жусуева.

Не случайно Народный поэт Кыргызстана выбрал для своего поэтического повествования столь сложный жанр как роман в стихах. Судьба первого руководителя Кыргызской Республики столь тесно переплетена с судьбами десятков и сотен людей, вольно и невольно вовлекающих в повествование целые пласты культуры, философии, истории, что никакой другой жанр просто не вместил бы этого изобилия имен, времен и народов.

В романе читатель увидит срез политической жизни родной страны, начиная с образования Киргизской ССР и почти до наших дней, а также познакомится с выдающимися деятелями культуры, науки Кыргызстана, героями труда, глазами автора увидит Сталина, Хрущева, других известных политических лидеров, ближе узнает всю Среднюю Азию и особенно Кыргызстан с его неповторимыми обычаями и традициями, а также с головой окунется в борьбу Добра и Зла, Чести и Зависти, Лжи и Правды... Увы, в этой борьбе нередко высокое и низкое

меняется местами, — чему примером судьба Искака Раззакова, четырежды кавалера Ордена Ленина, мудрого руководителя республики, который за шестнадцать лет безупречной работы так много сделал для Родины и умер в изгнании, несправедливо отвергнутый властью и преданный забвению.

Лишь в его столетие Указом Президента Кыргызской Республики Искаку Раззакову было посмертно присвоено звание Героя Кыргызской Республики с вручением высшего отличия — Ордена «Ак-Шумкар». Вот что написал об этом Сооронбай Жусуев:

Когда Искаку Раззакову присвоили высшую степень отличия «Герой Кыргызстан»

*Десятилетье новое как раз
К исходу шло, когда издал Указ
Наш Президент: «Героя Кыргызстана»
Раззакову присвоив напоказ.*

*Для всех людей давно Раззаков был
Героем: так он Родину любил!
Он не стрелял в народ: берег, лелеял,
На благо всех растрачивая пыл.*

*Мечта людей свершилась, наконец:
Заслуженное звание мудреца
Посмертно приобрел в родной Отчизне,
Хоть на чужбине встретил свой конец.*

*Он обвинен был в прошлом без вины.
Его свершенья были всем видны,*

*Но он в пучине бед без всякой лодки
Остался – без народа, без страны.*

*Ему полвека минуло – с тех пор
В тоске смертельной жил вдали от гор,
И лишь в его столетье был отринут
С его судьбы забвения позор.*

*Простой народ его не забывал.
Да, он был вождь – но слезы проливал.
Четырежды он был орденоносец,
Но после смерти лишь Героем стал.*

*При жизни бы!.. И множество сердец
От счастья бы забились: наконец
Искак Раззаков Орден «Ак шумкара»
Надел на грудь, как нации отец!*

Эти стихи не вошли в издание романа на кыргызском языке – роман был издан раньше, нежели произошло это знаковое событие посмертного присвоения звания Героя республики его лучшему представителю. (Роман написан в 1995-1997, 1999-2009 гг., впервые переведен на русский язык в 2013 г.).

Вот что поэт с болью писал о Раззакове в предшествующие этому событию годы:

*«...Проходит все. Закончен и дастан.
Спросить осталось только Кыргызстан:
Из всех людей, пришедших к высшей власти,
Кто, как Раззаков, дал нам столько счастья?»*

Кто жил для всех, а не кормил свой клан?

*Он, сирота, сумел подняться ввысь,
Вооружил он знаниями мысль
И честь свою он сделал смыслом жизни;
Он первой был звездой в своей Отчизне,
Такие люди – редкий божий приз. (...)*

*... Жизнь посвятил народу он; народ
В нем видел мудрость, славу и оплот,
Но излечить не смог при всем старанье
От ностальгии – следствия изгнания,
Что не один, увы, тянулось год;*

*Его болезнь – болезнь всей страны;
Да, – как один, мы были все больны
Душевной глухотою, слепотою;
Мы занимались только лишь собою,
Не понимая собственной вины.*

*Так Кыргызстана лучший человек,
На нас, любя, растративший свой век,
Стал жертвой равнодушия, лжи и страха.
Людская совесть – это наша плаха.
Бег времени – он от себя лишь бег...»*

Роман начинается с рассказа о семье, в которой родился Искак (Ысаак – сын Ыразака – так его имя звучало при рождении в кыргызской глубинке – селе Коросон Лейлекского края). Семья бедняка-труженика, скромный быт и полуголодное существование маленького мальчика после смерти его матери, а потом – и отца, что случилось в их странствиях

по чужбине, с малых лет дали сироте умение сопереживать обездоленным, ценить каждое проявление человечности и выживать через почти непосильный, на грани возможностей, труд. К этому остается прибавить неумную жажду знаний молодого Ысаака и несомненные способности, которыми он был одарен самим Творцом.

Автор романа любовно и тщательно выписывает кыргызский сельский быт времени молодой советской страны, обычаи, культуру родного края героя, столь же детально и со знанием дела по мере повествования раскрывая особенности таджикской и узбекской культур, погружая читателя в блистательное путешествие по древним городам Азии – Самарканду, Узгену, Бухаре, любимому его героем Ташкенту, нередко используя как бы машину времени – через обширные познания мальчика-сироты, которому детский дом дал главную привилегию: учиться...

*«...Искак сквозь призму знаний видел мир,
Он подмечал, где – правда, где же – миф,
И думал он, у мавзолея стоя,
Об арбаке¹ великого героя,
Что жив, хотя разрушился кумир...»*

Первая любовь, трогательно и чисто переданная автором романа, ставшая любовью всей жизни героя, его учеба в Москве, знакомство с Ленинградом, русской культурой, языком, сокровищницей литературы, искусства, первая встреча со Сталиным... Палитра автора романа столь же красочна и размашиста, как красочна и размашиста сама человеческая

¹ Арбак – по мусульманскому верованию: дух умершего, который остается всегда живым.

юность. Но при том все резче, четче вырисовывается образ главного героя – Исаака Раззакова, – честного, умного, обязательного человека, живущего во всей полноте своей неутомимой натуры, стремящегося отдавать людям, работе всего себя. При этом образ этот не грешит тем совершенством, которое недостижимо в жизни: герой Сооронбая Жусуева живой человек, ему присущи многие человеческие качества – робость, стеснительность, метания... Но главная сила человека – в преодолении своих слабостей и недостатков, и это особенно четко прослеживается в философской подоплеке романа.

Годы войны описаны автором скупой, но очень зримо: Сооронбай Жусуев сам был солдатом этой Великой Войны, он в числе других героев-панфиловцев стоял насмерть у разъезда Дубосеково на подступах к Москве и не жалел своей жизни, чтобы не допустить врага к сердцу Родины. Для него тема войны – святая, и сдержанная манера повествования как бы подчеркивает это. Совсем по-другому звучит голос автора при описании послевоенных лет: живая незатихающая боль обильно передается через события, образы, речи людей, мысли и слова главного героя... Именно в это сложное противоречивое время Раззаков встает во главе молодой Кыргызской Республики, перешагнувшей из автономии в самостоятельность. Он, уже прошедший школу управления в довоенной богатой Ферганской области, хватается за голову из-за тотальной нехватки самого необходимого, из-за страшной разрухи и нищеты, из-за истощенных войною человеческих ресурсов. Автор романа почти день за днем описывает трудное, нелегкое восхождение Республики к процветанию, всеобщему среднему и специальному образованию, к ВУЗам, театрам, музеям, Академии Наук...

Рядом с Добром, со свершениями, победами, взлетами и

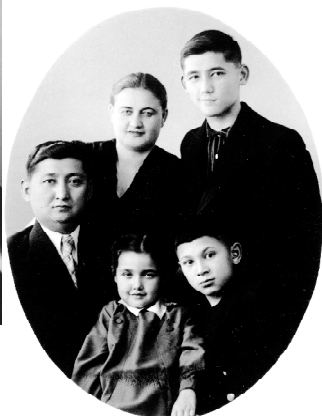
праздниками труда и бескорыстной дружбы, уже пускает свои пока слабенькие, но быстро крепнущие ростки ядовитая человеческая зависть, Зло, которое впоследствии перечеркнет все заслуги Исаака Раззакова и отправит его в пожизненное изгнание...

Честное слово, я бы посоветовала всем руководителям самых разных ветвей власти, вплоть до высших, эту книгу постоянно держать под рукой – как учебник, как компас правильно выбранного пути, как мудрую подсказку в лабиринтах человеческих взаимоотношений... Впрочем, и простым читателям эта книга, пронизанная доброй философией бытия, написанная простым и певучим поэтическим языком, принесет немало пользы – приподнимет над обыденностью, обогатит знаниями о собственных исторических истоках, подарит знакомство с целым каскадом великих имен – корифеев литературы и искусства, политических и общественных деятелей, просто очень хороших людей, оставивших в истории страны заметный след.

Работая над переводом этой удивительной книги, я сама не заметила, как стала немного другою: более сдержанной, более ответственной, более чувствительной к чужой боли... И я счастлива, что соприкоснулась душой с судьбою замечательного человека, настоящего Героя – Исаака Раззакова, и преломила через свое сознание многомерный образ целой эпохи – без грима, лака и прикрас, словно в машине времени совершила путешествие в глубину недавнего прошлого...

Счастливого путешествия и тебе, читатель!

Светлана Сулова, поэт, переводчик

МАТЬ

Лейлек, Ляйляк... Быть может, важно знать:
Его Илек-Илеком¹ было звать.

Здесь по весне бушуют птичьи распри:
Ведь даже птаха снова ищет счастья
В краю, где испытала благодать.

Народ и здесь трудился, как везде:
И день, и ночь, и вновь потом – весь день...
Народный дух в названье поселения
Постичь уже не смогут поколения:
В былом осталась тайна, как в гнезде.

¹ Илек – аист

Здесь сонм цветов, вбирая солнца сок,
Ласкают небо; каждый лепесток
О кладах недр глаголет ярким цветом.
Святой всех птиц здесь обитал, и это
В название мест вписалось, как исток.

Земли щедрей, пожалуй, не найти:
Холмы, долины, горы на пути
Встают в снегах, зато во мгле ущелий
Услышишь звон ручьев, деревьев шелест;
Но степь – суха: коня не попасть...

В той местности затеряно село.
Ему блистать ничем не повезло:
Все жители его живут неспешно,
Вершат свой труд, порою безуспешно
Пытаясь от Добра отсеять Зло.

Кто первым здесь остался с тех времен,
Что кажутся неявными, как сон?
Кем был он? И зачем в горах скрывался?
Святой? Отшельник? От кого спасался?..
Его ли имя было – Коросон?

На всем скаку проходят времена,
В скрижаль следы впечатав – имена:
Название Коросон прилипло крепко,
Как к скакуну – тавро: хозяев метка,
Такая, что любому вмиг видна.

¹ Мардикер – устаревшее: поденный рабочий, поденщик, бедный крестьянин, который в нанимался на работу к богатым людям.

Вот здесь, в селе, родился Ыразак
И прожил жизнь, не зная – так, не так
Зовется край и горное селенье;
Он зной и холод выносил с терпеньем,
И труд любил, и все же был бедняк.

Он, не ропща на голод, нищету,
Трудился то по дому, то в саду:
Был скотником, поденным *мардикером*¹ ...
Копал и уголь – в те года, наверно,
Крепились шахты хлипко, на ходу.

На зорьке он спешил свой день начать:
Восходы можно было с ним сверять.
Дом Ыразака ждал – скучая, веря:
Он не пустой вернется в эти двери, –
Лепешкой теплой сам спеша встречать;

Пеклась лепешка, словно солнца диск.
Взгляд Жамийлы был полон теплых искр,
Одернет лишь, слегка робея, платье;
Зато сестра бросалась вмиг в объятия,
От радости исторгнув детский писк.

Но где найдешь – вблизи ищи, вдали, –
Чтоб без запинок дни людские шли?
Мечта их жгла – вполне осуществима:
Не пролетел бы с сыном аист мимо,
Чтоб малыша понянчить здесь смогли.

И бедняков дарует бог детьми.
Надежды свет, попробуй, отними,
У тех, кто гол, зато любим и молод:
Пусть жизнь трудна, терзает голод, холод,
И сон нейдет от злых угроз зимы...

Как Ыразак, трудилась Жамийла:
На ней порой держалась вся семья,
Домашний *пир*²! – шутили понарошку:
В доме горел очаг, пеклась лепешка,
И прямо шла всей жизни колея.

Стирает ли, копает огород,
Готовит ли еду, одежду шьет –
Не перечсть забот, а ждет дитяню, –
Дочь или сын? Любой ребенок – кстати...
Мешает ей, раздавшись вширь, живот.

Мечтала Жамийла: настанут дни –
В богатстве жить сумеют и они;
И муж мечтал, что вот родится мальчик –
Опора в жизни, – станет все иначе...
Он сына ждал от бога и жены:

«Наследник в дом придет, – и пусть шалун
Вначале будет он... Немного лун
Осталось ждать – наш сын уже в дороге...», –
Так Ыразак всю ночь не спал, в тревоге,
Что сглазит их какой-нибудь колдун.

² Пир – согласно национальной мифологии: бог, богиня.

Но вот рассвет рассеял тьму и мрак.
И вспыхнул Коросон, как внешний мак,
И в этот миг раздался плач ребенка...
Как первый крик летит над миром звонко!
Не зря мечтал о сыне Ыразак.

А Жамийла, от мук едва дыша,
Едва увидев только малыша,
Заплакала, моля о счастье сына:
«Пусть будет жизнь его, как он, красивой –
Смутлей зари, в глазах – огонь-душа!»

Отец то выйдет, то вернется в дом,
Любому видно, что в блаженстве он:
Твердят о *суйунчу*³ вокруг со смехом,
Он вторит всем согласным верным эхом,
Сам к небесам как будто вознесен.

Весть обошла рассветный Коросон:
«Родился мальчик! Очень славный он!»
И млад, и стар собрались за *жентеком*⁴:
Поздравили отца и мать с успехом,
Да и сына – за то, что в свет рожден.

И вот уж в спор ввязались старики:
Родился сын – всем бедам вопреки, –
Родился, чтоб затеять бой с судьбою?
А, может, чтобы стать самим собою,
Хоть поиски себя и нележки?

³ Суйунчу – вознаграждение за радостную весть.

⁴ Жентек – пиршество в честь новорожденного.

Иль куудул⁵ проснется в нем в свой час,
Чтоб зажигать весельем напоказ?
Пойдет ли он дорогой углекопа,
Как Ыразак? Трудиться будут оба,
Чтоб дом стоял и чтоб очаг не гас?

– Судьба у всех своя, при чем семья?
Стань он казы⁶ – как Абрасул-судья,
Иль как Амир-хаджа – такой персоной
Что здесь дворец воздвигнет, в Коросоне,
Кто скажет, мол, порода – не моя?..

Под потолок разросся мыслей рой:
Один твердит – «бедняк!» и «бий⁷», – другой...
Но Жамийла вмиг прекратила споры:
«Пусть будет жив, пусть любит наши горы,
Чтоб век спустя белел здесь бородой!».

Закончились и споры, и еда.
Затихла на подворьях суета.
Соседи к небу вознесли ладони,
Чтоб пожеланья не застряли в доме,
Чтоб Исаака берегла звезда.

С молитвой Ыразак подвел итог:
– Пусть будет счастлив в жизни мой сынок,
Не знает пусть, как жизнь берет измором,
Как входит голод в дом нахальным вором...
Пусть мой Ысак свершит, что я не смог!

⁵ Куудул – комик, имитатор.

⁶ Казы – знать, представитель власти в феодальном обществе, в обязанности которого входит решение всех спорных вопросов.

⁷ Бий – представитель знати в феодальном обществе.

Жена возилась с сыном от души, —
Так радовать умеют малыши! —
Ей даже плач казался нежным пеньем,
Мелодией, духовным пробуждением...
Отец втройне трудился ...за гроши.

Вот год прошел. Ысак на ножки встал,
По травке побежал и вдруг упал,
Но молча встал и вновь — шагнул к победе...
Что за малыш! — не как другие дети:
Над ним, казалось, свет всегда мерцал.

Он падал часто, но, жалея мать,
Вставал без слез, чтоб снова вдаль шагать,
Оставив в первых днях своих рыдания...
«От Бога — суть, привычки — воспитанье», —
Так Жамийла любила повторять.

Он был непрост, все замечали в нем
Уменье с малых лет блистать умом.
И Жамийла, переживая сплетни,
Все думала, что дан им шанс последний:
Сыночек еще возвысит отчий дом.

Ысак освоил речь и начал петь,
Как бы спеша порадовать успеть
Отца и мать — ее любя особо,
Как будто чуял он: недолго оба
Стараются сердца друг другу греть...

Болезнь вдруг сразила Жамийлу.
Как будто тень, живущая в углу,
Вдруг разрослась, и дом погряз во мраке...
Теперь любой узрел бы в Ыразаке
Иссохший пенёк, что прогорел в золу.

Похоронил супругу Ыразак.
Без сна рыдал за ночью ночь бедняк,
В душе его разверзлась пропасть словно:
Вдруг из-под ног ушла судьбы основа,
А без нее любой почин – пустяк.

От малыша несчастный скрыл отец,
Что на поминки с горя он, вдовец,
Зарезал их кормилицу-корову:
«Пусть Жамийлу помянут добрым словом
За *досторканом*⁸ – сытным, наконец...»

Отец и сын вдвоем ложились спать,
Чтоб до рассвета снова вместе встать,
Что добывал отец – лишь то и ели...
Ысаку было три, но еле-еле
Он мог понять, куда девалась мать.

Его отныне звали сиротой
И объясняли: мать – в земле сырой...
Но в детском сердце весть непрочна злая.
Он юрты обходил, не понимая,
За что опять живот его пустой.

⁸ Досторхан, досторкан – накрытый для угощения стол.

Соседки уважали Жамийлу
И приглашали мальчика к столу,
И спрашивали: «А кого ты ищешь?»
«Конечно, маму!»... И слезами пишу
Солили молодухи по селу.

Ысак вырослел, и стал он привыкать,
Что никогда нигде не встретит мать,
Хотя бродил, едва лишь встав с постели.
Подошвы ног босых к зиме грубели.
И все ж была видна в парнишке стать...

ЫРАЗАК И ЫСАК

К востоку тучи мчатся, торопясь,
Как день за днем – их неразрывна связь,
И друг за другом бегают вдогонку...
Ысак подрос, младенческая пленка
Навек упала с ясных детских глаз.

Как все мальчишки горного села
Он ростом стал, судьба его вела
По всем ухабам – сильным вырос чтобы.
Порвав одежду, сам ее он штопал,
Перешивал – когда была мала.

Отца старался он не огорчать,
Чтоб и его, как мать, не потерять.
Он суть речей ловил на полуслове,

Сам не болтал, и зерна не в полове,
А на корню всегда умел сыскать.
Да, – не по летам мудрым был Ысак:
Он никогда не попадал впросак,
И, старших уважая, он порою
Пренебрегал досугом ли, игрою,
Чтоб, как просили, сделать дело так.

Как будто кто-то мысль ему внушал:
«Стремись лишь к цели – как бы ни был мал!»
О том, о сем судача, айльчане
Ысака добрым словом отмечали.
Он для других детей примером стал.

Ответить было мальчику дано
На все вопросы точно и умно,
Как будто проницательность и мудрость,
Что с колыбели зрели в нем подспудно,
В его речах нашли себе окно.

Так сын платил отцу за доброту...
Однажды, взяв ребенка в Сулюкту,
Игру с мячом Ысаку показал он:
Бросали дети мяч, кружась по залу,
И вновь его ловили на ходу.

Стал о мяче с тех пор мечтать Ысак.
Переплатив, игрушку Ыразак
Купил-таки ребенку; в Коросоне
Никто не знал про мяч, и стал персоной
Из-за мяча сиротка и бедняк.

Он днем ходил, лаская мяч в руках,
Его лишиться мучил парня страх:
Он даже ночью клал под одеяло
К себе в постель – не много и не мало, –
Веселый мяч, что пылью весь пропах.

Стоял в безводных землях Коросон:
Ручьи из соли шли со всех сторон,
А вот родник, что пресным был, – Агача, –
Был далеко: по скалам, не иначе,
К нему взбирались люди всех времен.

Что ж, Коросон – суровый горный край,
А горы любят сильных, так и знай...
Был у Ысака друг – Жайнак, ровесник,
Они игру и труд делили вместе,
И хлеб, а в холод – даже *малахай*⁹.

Жайнак проснулся рано поутру,
Предчувствуя занятную игру:
Пришел Ысак, и оба, как мужчины,
Навьючили на ослика кувшины
И двинулись к Агачу на ветру.

И пусть была дорога нелегка:
На ослике вдвоем до родника
Они добрались быстро – по советам
Родителей, снабжая их все лето
Живой водой, что так была сладка!

⁹ Малахай – мужская меховая шапка без полей и отворотов.

Когда дружок, здороваясь, с утра
На волю вызывая со двора,
Давал Ысаку альчики, ответно
Ысак Жайнаку мячик свой заветный
Протягивал: «Играй! – твоя пора!»

Ровесники Ысака – не в укор,
Они ведь были просто дети гор, –
Речистостью, увы, не отличались;
Ысак же – словно пел он, не печалась,
Слова какие вставить в разговор.

И взрослые порой настороже
Себя вели с Ысаком – им уже
Мерещилось, что их слова никчемны...
Отец боялся: «Он растет *чеченом*¹⁰,
А ну как сглазят!», – страх тая в душе.

Тихонько поговаривал народ
О том, что был свершен переворот
И свергнут царь в далеком Петербурге;
Но здесь, в забытом горном закоулке,
Все шло, как встарь, в кругу былых забот.

Здесь время не бежало, а текло,
Как муха билось в сонное стекло...
Жил Ыразак как прежде всухомятку:
Работая на баев до упадку...
А, впрочем, как и все почти село.

¹⁰ Чечен – кирг.: оратор, трибун, человек, умеющий отменно выступать.

Вот почему хотел бы Ыразак,
Чтоб не таким речистым был Ысак:
Слова, увы, вовек не станут пищей,
Пусть был бы сытым сын да при жилище,
Все остальное, в общем-то, – пустяк.

В полях тогда случился недород,
Стучался в двери голод в этот год,
И весь Лейлек был этим озабочен, –
Что бедняки могли поделатъ, впрочем,
Коль нечем накормить детей и скот?

Ночами грустно думал Ыразак:
«До Курамы бы нам добратся... Как?!
Ташкент бы спас меня, сестер и сына;
А здесь? В поминки съедена скотина,
И сам тружусь давно уже за так;

Там Абдылда-тага¹¹ помог бы мне...
Пойти вослед хромому дубане¹²?
Жить в Кураме, рискнув, с семьей в достатке
Иль здесь погибнуть, сторожа манатки?»...
Пришло решение мудрое во сне.

Сестра Гулкан с малышкой Жанылай
И мать Сайра в чужой решили край
Отправиться, доверяясь Ыразаку

¹¹ Тага – кирг.: племянник, родной брат матери.

¹² Дубана – странник, дервиш, путешествующий нищий.

И не по летам мудрому Ысаку, –
Мужчин семье не зря ведь дал *кудай*¹³ !

Но все сердца печаль нещадно жгла,
Когда шагали молча вдоль села.
Ысак понуро плелся, словно сонный.
Шел под уклон их путь из Коросона:
Земля родная словно прочь гнала.

Все молча шли, роняя слезы в пыль
Степи, сухой и бедной, словно быть.
До Сыр-Дарьи добрались чуть живые,
Вот на паром взошли они впервые:
Вода качалась мерно, как ковыль.

Ысак рекой был сильно поражен,
Так много вод еще не видел он:
Река текла широкою долиной,
Как золотом окрашенная глиной;
Припали к ней поля со всех сторон.

Через Ходжент прошли они уже.
Здесь местный люд, жалея их в душе,
Невольно сторонился – не таджики,
Голодные, несут в узлах пожитки,
Спеша, как на последнем рубеже...

Ысак как иноходец шел вперед.
Нет, не смущал его чужой народ –
Он не на них глядел, а на природу;

¹³ Кудай – господь Бог.

Он от жары разделся, чтобы ходу
Не помешал одежды тяжкий гнет.

До Исфасара путники дошли –
Измученные, грустные, в пыли...
Таджик в чалме белейшей их приветил,
Пожал им руки, проводил в мечеть их,
Чтоб отдохнуть там путники могли.

Казалось, добрый знак – такой ночлег,
Любой бы так подумал человек:
Мол, *азанчы*¹⁴ лишь здесь глаголит сутры!
Они легли, чтоб встать пораньше утром,
Покуда день не начал свой разбег...

Но Ыразак, увы, не смог заснуть:
Его в болезнь вверх тяжелый путь,
Лежал, стонал – неслышно, чтоб Ысака
Не разбудить... От боли молча плакал,
Что вновь и вновь вонзалась жалом в грудь.

Похоже было, здесь, в мечети, он
На смерть свою Всевышним обречен...
Он как в огне горел, но рядом с сыном
Рукою пот стереть он был бессилен:
– Пусть спит сынок... пусть сладок будет сон....

Он лишь молился богу, ослабев.
Нет, не терзал его ни страх, ни гнев,

¹⁴ Азанчы – человек, возвещающий с минарета мечети о времени молитвы.

«Прощай, сынок!» – смиренно прошептал он
И в смерть ушел – как лист осенний палый,
Как за горой умолкнувший напев...

Настало утро – сладких снов палач,
И над мечетью вспыхнул громкий плач:
– Забрал к себе Создатель Ыразака!
За что карает небо так внезапно?!
Не будет больше в жизни нам удач!..

Как туча с неба, горе к ним пришло,
И придавило тяжким камнем зло
Родник надежд о лучшей в жизни доле.
Ысак рыдал взахлеб, трясясь от боли,
Такой, что тело было ей мало...

«Отец, я думал – завтра повезет,
Уснул, а стало все наоборот:
Мой сон моим врагом мне стал заклятым?
Когда болезнью, как огнем объятый,
Ты пить хотел, – я спал без чувств как скот!...»

Обмыли тело, в саван словно в сан
Укутали, и муллы *жаназа*¹⁵
Вдвоем читать взялись по Ыразаку:
Ведь он в мечети умер, верьте знаку
Двойному – нынче месяц рамазан.

– Был свят отец твой, слышишь, сирота?
Молись и помни этот день всегда!

¹⁵ Жаназа – по мусульманскому верованию: молитва на упокой души.

Ты горсть земли на прах отца положишь –
Земли святой ты святость приумножишь,
Отец с землей сольется без труда.

Пришли таджики местные на зов,
Оплакали на сотни голосов,
С почетом Ыразака схоронили:
В чужой земле, в неведомой могиле –
Без окруженья предков-праотцов.

Без матери оставшись, без отца
Ысак – еще похожий на птенца,
Ведь только восемь минуло парнишке, –
Предался горю не по-детски слишком:
Рыдая как безумный без конца.

Ребенка поручили *дубане*:
Мол, ты привык шататься по стране,
Так в Кураму доставь к *тага* Ысака,
Тот наградит тебя, пожалуй, всяко...
Что ж, *дубана* согласен был вдвойне.

А женщины, промаявшись без сна,
Решив: теперь дорога им одна –
Да, в Коросон, а где их знают кроме? –
По Сыр-Дарье поплыли на пароме...
В Ходжент повел сиротку *дубана*.

В ПРИЮТЕ ДЛЯ СИРОТ

Два путника – оборванных, в пыли, –
Прося на хлеб у встречных, вдаль брели...
– Откуда вы, – спросил таджик, – куда вы?
Давно в пути? Ваш вид такой усталый...
– Да, из кыргызской дальней мы земли;

Мы в Кураму, увы, пешком идем,
Спешим к *тага*, в его приветный дом.
Таджик сказал: – Отчаянные люди!
Вам год идти – дороги не убудет!
Ты – хром, он – мал, и очень тощ при том...

Да, мальчик худ, – признался *дубана*, –
Трудна дорога наша и длинна...
... Так до Ходжента шли, на все расспросы
Ысак вздыхал, роняя только слезы, –
Для милостыни точная цена.

Однако вдруг в Ходженте на вопрос –
«Отец твой – этот спутник?» – он без слез
Ответил «Нет! Отец мой умер, что вы!»
Хоть *дубана*, прибить мальчика готовый,
Пытался рот заткнуть ему всерьез.

Но повторил Ысак: «Мой спутник врет!»
Он в Кураму пешком меня ведет.
Отец в дороге умер вдруг внезапно
И не успел продумать наше завтра...»
Вокруг молчал, сочувствуя, народ.

Один таджик, что оказался тут,
Сказал Ысаку: «Слезы не спасут!
Я знаю дом, что мальчиков таких же
К себе сзывает и повсюду ищет:
В сиротский отведу тебя приют!»

Он за руку Ысака взял, ему
В пути поведал, что в таком дому
Одежду, кров – и все весьма не бедно, –
Правительство оплачивает щедро,
Даруя пищу телу и уму.

– «Учиться будешь! Знания – это клад,
Никто не может знания взять назад!...»
Вот так Ысак пришел в таджикский город,
Уже познав утраты, холод, голод, –
Ребенок гор, попавший в щедрый сад.

Его как будто ждали, – секретарь
Его персоне сделал календарь:
Когда и где родился, кто, мол, предки...
«Ты не сбежишь? – спросил, – бегут нередко,
Сбежишь – погибнешь, будет очень жаль...»

Ысак ответил: «Нет, – куда бежать?
Ушли из жизни и отец, и мать,
Хочу их память я почтить ученьем,
Учиться буду я с большим терпеньем,
Что род мой люди стали уважать!»

Что ж, счастье повернулось к сироте:
Стал жить Ысак в тепле и в чистоте,
Его одели в новую одежду,
И дали в жизни главное – надежду,
Что зиждется всегда на доброте.

А дубана? – пошел, хромая, прочь,
Надеясь – сможет бог ему помочь,
С Ысаком попрощавшись беззаботно,
От обещаний выданных свободный,
Пошел искать ночлег на эту ночь...

А секретарь закончил список свой:
– «Вот, соколенок, ты пришел домой!
Тебя Искак мы будем звать, Раззаков –
На южный лад, на вкус его, на запах, –
Здесь выговор у всех чуть-чуть иной...»

Откладывая ручку, на юнца
Взглянул он взглядом строгого отца:
– «Коль не согласен – можешь возвращаться
В свое село – искать былое счастье...»
Ысак решил остаться – до конца.

«Искак!» – спустя три дня на этот зов
Откликнуться мальчишка был готов,
Он снова стал речистым, как когда-то,
С ним подружились многие ребята,
Ведь суть души сильнее формы слов.

То был большой и шумный светлый дом,
Детей немало жило в доме том –
Кыргызы, и узбеки, и таджики...
А главное, что свет любви великий
Всегда горел, не затухая, в нем.

И будь татарин, русский ли, казах –
Любой ребенок – здесь, отбросив страх,
Учился, рос и наливался силой.
В глазах сирот опять горел счастливый
Тот огонек, что вроде бы иссяк.

Вот так Ысак: лил слезы без конца,
Лишившись вдруг любимого отца;
Но здесь, живя в приюте по соседству
С детьми, что – как и он – лишились детства,
Он вновь обрел былую прыть юнца.

Ысак освоил быстро языки –
Узбекский и таджикский, – так легки
Они ему казались за певучесть,
Еще за то, что выпавшую участь
Они поили, словно родники.

Все удивлялись, глядя на него:
Он знания пил, как кошка молоко –
До капельки вбирая в память, словно
Душа его была для них основой,
И ей жилось без знаний нелегко.

Нет тяжелее участи сирот,
Не знает горше участи народ –
Их жизнь, увы, сплошное унижение...
Но эти дети стоят уваженья,
Когда трудом доходят до высот!

А здесь, в приюте, было их – не счесть:
Отца и мать утратив, в жизни честь
Свою трудом отстаивали дети,
В одну семью сплотившись, – им на свете
Иначе было б нечего и есть...

Прошел лишь год, как сверг народ царя,
И юной революции заря
Была еще нестойкой и кровавой;
Но поколение сирот на потраву
Народ не отдал – в жизни все не зря!

Пристанище свое приобрели
Здесь сироты со всех концов земли;
Благодаря правительство сердечно,
Они учились, жили – не беспечно,
А к светлой цели ровным строем шли.

Когда отец Ысака заболел,
И уходил от боли за предел,
Он думал лишь о сыне – что с ним будет?
Приют в Ходженте – праздник между буден, –
Ысаку дал совсем другой удел:

Одел, обул, дал пищу, кров, уют...
Хоть позже всех он появился тут,
Ысак догнал всех сверстников в учебе,
Он прилагал всю старанья, чтобы
Свою судьбу сберечь от новых смут.

Он грамоту освоил лучше всех,
В душе открытой был его успех:
Не ведал он про хитрость и коварство,
Он всех любил и всем помочь старался,
Всех грели речь его и звонкий смех.

Он на зарядке первым был всегда,
Взошла его спортивная звезда
Здесь, в школьных стенах, – рос он сильным, крепким,
Как будто птицу счастья в тесной клетке
Своей груди держал он в те года.

Любя Ходжент, не смог и Коросон
Ысак забыть: как будто зыбкий сон
Вставал частенько он перед глазами...
Что ж, ностальгия – как тоска по маме, –
Жива в душе среди любых времен.

В земле таджикской шанс был парню дан
Свершить судьбу, как будто спеть *дастан*¹⁶, –
Щедра на то Ферганская долина;
Но вот тоска... Как боль из пуповины
Его томил далекий Кыргызстан.

¹⁶ Дастан – героическое сказание, поэма, роман в стихах.

Но к счастью здесь, в приюте, эту связь –
Нет, не ослабив, лишь смягчив на часть, –
Сумела в нежность новую укутать,
Вторая мама – няня из приюта, –
Что все могла: готовить, шить и пряхть...

Хадичахан – все звали так её,
Она сумела скрасить бытие
Сиротам всем – с любых краев далеких,
Она легко читала в душах строки
Надежд, обид, желаний – как своё;

Своей душой, распахнутой всегда,
Услышав вмиг, что в дом идет беда,
Она спасти ребенка торопилась...
Ысак не раз ее благую милость,
Чуть заболев, испытывал тогда.

В *тандыре*¹⁷ испеченный хлеб ему
И молоко, согретое в дыму,
Напоминало детство, дом и маму...
Ысак порою плакал, правда – мало,
Чтоб слез не видно было никому.

Он Хадичу сердечно уважал
И как другие тоже «мамой» звал,
Она, его лаская, – «Искакжаном»:
Так ворковать умеют лишь южане,
Им бог такой язык нежнейший дал.

¹⁷ Тандыр – глиняное приспособление-очаг, в котором пекут лепешки.

Ходжент Ысаку так поставил взор,
Каким похвастать могут птицы гор:
Он вышел в жизнь, уверенно шагая,
И, новые границы покоряя,
Он шел вперед, и только, с этих пор.

Читал он бегло, без запинок речь
Его могла в любых пределах течь –
На русском ли, таджикском ли, узбекском...
На материнском – незабвенном детском, –
Умела память лучшее беречь.

Он русской речи русских мог учить,
Он мог в других науках смело плыть
В тот океан, где знания – оружие...
Теперь не мяч, а книга под подушкой
Могла его и ночью разбудить.

В учебе слыл он первым, хоть еще
Подростком был – с румянцем смуглых щек,
А в голосе – со срывом петушиным;
Но сам Ысак считал себя мужчиной
И в жизни только цель он брал в расчет.

Придал ли вдохновенья Дом сирот,
А, может быть, совсем наоборот?
Но, главное, в Ташкент учиться дальше,
Чтоб делать жизнь счастливее и краше,
Его послал как лучшего народ.

Свое услышав имя, сгоряча
Ысак всплакнул; а мама Хадича,
Обняв его, и тоже со слезами —
Как провожать дитя и надо маме, —
Ласкала, вслух напутствия шепча.

Сиротки, как подросшие птенцы.
Распределялись вдаль — во все концы
Своей огромной Родины бурлящей, —
Чтоб в каждом завтра стало Настоящим,
Чтоб знания в мир теперь несли юнцы.

Отныне по различным городам
Любой из них, судьбу решая сам,
Шел на завод, на стройку, на учебу...
Искак в Ташкент как лучший ехал, чтобы
Науки грызть, учиться чудесам.

Он в техникуме, цель поставив, вновь
Забыв про развлечения и любовь,
Учебе отдавался безраздельно;
Он ненавидел всякое безделье, —
В нем Ыразака чувствовалась кровь.

Хотя, конечно, юность в нем не раз
Пыталась выйти в люди напоказ:
Задорным смехом, матовостью кожи;
Его глаза, что с черной вишней схожи,
Ласкало много восхищенных глаз...

Но стал Искак ташкентцем неспроста:
Его признали лучшим! – чистота
Его души трудиться заставляла,
Ведь техникум – не много и не мало –
Именовался именем вождя!

Ташкент красой пленял Искака взор,
Он по-таджикски думал с оных пор,
Теперь же речь узбекская вливалась
И в ум, и в сердце, струн души касалась
Ребенка молчаливых дальних гор.

Но цель была ясна: учиться так,
Чтоб честь свою поднять, как алый стяг,
Что на ветру полощет, словно пламя;
«Учиться! – вот моей надежды знамя, –
Собрать все знанья мира в свой кулак!»

Усердней всех на лекциях порой
Он, увлеченный будто бы игрой,
С горящим взором слушал откровенья
Учителей, что многим поколениям
Пытались знанья жар отдать с душой.

Легко запоминая имена,
Легенды, даты – где, когда война
Людей косила в этом мире древнем, –
Искак и здесь среди студентов первым
По знаньям шел... И в этом чья вина?

Заполдень, только косо тень падет,
Искак с занятий медленно идет,
Услышанное в памяти тасуя;
Остаток дня не проживался все:
В библиотеку он вершил поход,

Чтоб там сидеть за книгой допоздна...
И полная ташкентская луна
За ним вверху бежала до общаги,
И ночь хрустела, словно лист бумаги,
Исчерканный почти что дочерна...

Рассвет в Ташкенте – чудо из чудес:
Все краски зажигают ширь небес,
Даруя радость тем, кто с солнцем вместе,
Как наш Искак, встает, бодрее вести
Из благодатных райских божьих мест.

С утра спешит, резвится молодняк;
Среди студентов радостный Искак
Идёт – опять за новым откровеньем,
Прозреньем, искрометным вдохновеньем, –
Воспринимал он лекции лишь так.

Он думал, всем соблазнам вопреки:
«Безделье, равнодушие, лень – враги...»,
Друзей вернее книг найти не тщился,
Хотя в приюте дружбе научился
Такой, где все деянья высоки.

За книгами промчался год, другой.
Искак вырослел и чувствовал порой,
Как тянет хоть на миг в село вернуться,
В свое былое снова окунуться...
Он восемнадцать встретил сам не свой.

Жил Коросон в душе его всегда,
Лишь грея память в детские года,
Теперь же, на пороге взрослой жизни,
Явилась цель: пожить в родной отчизне,
На время лишь, – нет-нет! – не навсегда.

Все тяготы, все беды, что ему
Судьба дала – по сердцу и уму, –
Случились там, на родине далекой;
Мы любим мать – пусть к нам была жестокой,
И, может быть, сильнее потому...

Случились тут каникулы, и он
Сумел найти дорогу в Коросон...
Сестра Гулкан его в объятьях жала,
Роня слезы, снова обнимала,
Два сердца их стучали в унисон.

Их дом родной развалинами стал.
Здесь Ыразак был ранен наповал
Безвременной кончиною супруги;
Впервые здесь он сына взял на руки,
Со всей семьей, счастливый, ликовал...

На склон Гулкан Искака привела,
Чтоб здесь, присев, поведать про дела;
Гулкан была искусной поэтессой,
А также мастерицей не безвестной:
Учила ткать ковры девиц села.

Она сказала: «Братик мой, Ысак,
В разлуке я была несчастна так,
Нет дня, чтоб про тебя не вспоминала!
Судьба у нас бездушна, как сквозняк.

Но ты нашелся, милый, не пропал!
Как я мечтала, если б только знал,
Чтоб ты скорей в село свое вернулся...
Да, ты не мог... Ты был и слаб, и мал.

Я не могла поехать за тобой.
Разлука нам назначена судьбой.
Прости меня! – я женщина всего лишь,
Могла мечтать я только быть с тобой!

Как хорошо, что ты вернулся сам,
Что показался людям и горам
И матери смиренно поклонился,
Чей дух с небес слетел сегодня к нам.

Я на родной земле жила, о да,
А ты – как с неба павшая звезда, –
Исчез почти навек... Но вот вернулся!
Теперь я буду счастлива всегда!...»

Так много лет Искак мечтал о том,
Как он вернется взрослым в отчий дом,
И вот теперь мечта явилась былью!
Он пил, как в детстве, молоко кобылье,
Ходил по росным травам босиком,

Все склоны, все долины обошел,
Примет былого множество нашел –
В камнях, деревьях, песенках сестрицы...
Душа наполнилась как живой водицы
Воспоминаний, нежных, словно шелк.

И понял он: родимый Коросон –
Не просто мир, в котором он рожден,
А свет его души, его основа,
Его начало, вечное, как Слово,
Его судьбы таинственный *обон*¹⁸.

Он вспомнил, как с Жайнаком на осле
Скакали, сидя стопкою в седле,
Дрались – кто сядет первым – как иначе?!
Ухабиста дорога до Агачи,
А воду люди ждали на селе...

Как в мяч играли после, прочь гоня
Обиды, споры на исходе дня,
И никогда они не знали скуки,
Быть может, чуя таинство разлуки,
Но все же бога в этом не виня...

¹⁸ Обон – напев, мотив, мелодия.

Вот что такое Родина – Искак
Вдали десятилетье жил, бедняк,
И эта пыль бесцветная казалась
Ему, когда особо тосковалось,
Лебяжьим пухом, золотом – кизяк.

Здесь, в Коросоне, жизни был исток,
И отменить того никто не мог.
Родные души встретились, обнялись,
Теплом своим друг с другом обменялись,
Чтоб разделил их снова зов дорог.

САМАРКАНД – ЦАРИЦА ГОРОДОВ

В Ташкент вернувшись, стал Искак другим:
Веселым, как и нужно молодым,
Характер стал душевным и открытым,
Как будто все, что было им забыто,
Теперь явилось солнцем через дым.

Но видел цель еще яснее он,
Вдохнул в него как будто Коросон
Свои неиссякающие силы;
И все, о чем Гулкан его просила,
В мечты вплеталось, в помыслы и сон.

С сестрой мечтая встретиться опять,
Он вспоминал и смех ее, и стать.

Как вдруг примчалась весть, ночи чернее:
Мол, умерла Гулкан... Проститься с нею
Он не успел. Осталось лишь рыдать...

А жизнь все так же шла себе вперед.
Искак окончил техникум, и вот
Диплом ему вручили с коркой красной, –
Он лучше всех учился не напрасно:
Сам став преподавателем в тот год.

Их техникум тогда перевели
В один из лучших городов земли –
Да, в Самарканд, столицу древних знаний,
Столицу фресок, книг, прекрасных зданий,
Куда пути из многих стран вели.

Сбылась Искака давняя мечта,
Взошла его счастливая звезда:
Он столько раз в пыли библиотечной
Читал о Самарканде – гордом, вечном
Дворце времен, где правит красота;

Здесь памятники этой красоте
Воочью мог увидеть он везде,
Лишь только шаг из общежитья сделав:
Вот мавзолей Тимура сине-белый, –
Огонь в оковах, небо в мерзлоте;

Да, Тамерлан-Тимур в свои века
Прославился: тверда была рука

Казнить людей – виновных и невинных, –
В войне решений нету половинных,
Немилосерден тот наверняка,

Кто за победой войско в бой ведет,
Чтоб только славой увенчать поход...
А, впрочем, по преданьям, был он мудрым
Настолько, чтоб спасти от всякой смуты
В походе покоренный им народ.

Он, разорив полмира, заболел,
Когда в Китай пойти решил – предел,
Должно быть, свой превысил он внезапно.
Он семь десятков лет бы справил завтра,
Когда бы с солнцем встретиться успел.

Искал сквозь призму знаний видел мир,
Он подмечал, где – правда, где же – миф,
И думал он, у мавзолея стоя,
Об *арбаке*¹⁹ великого героя,
Что жив, хотя разрушился кумир.

Вот площадь Регистана – зодчих гимн,
Что приговором смертным стала им:
Из вешних зорь они ее творили,
Три здания подняв из звездной пыли,
Чей взлет веками долгими храним.

¹⁹ Арбак – по мусульманскому верованию: дух умершего, который остается всегда живым.

Здесь *Улукбек со звездами*²⁰ в ночи
Беседы вел о тысяче причин
Земных свершений, войн, неурожая,
Простых людей безмерно поражая,
Как смог он к тайнам подобрать ключи;

Не он один в царице городов,
А множество великих мастеров –
Философов, поэтов, музыкантов,
И прочих всеми признанных талантов, –
Мир потрясали часто до основ.

Нередко здесь ходил Омар Хайям
И рубаи слагал он в такт шагам,
Здесь для него всегда была отрада
Отведать и хурмы, и винограда,
А к ним *шарап*²¹ уже просился сам...

Искак был Самаркандом опьянен.
Как много книг нашел в читальне он –
И новых, и уже ему знакомых,
Но здесь они читались по-другому –
Как «Шахнамэ», к примеру, был прочтен.

Фирдоуси стихи и Рудаки,
И Низами, и множества других
Мыслителей-поэтов, здесь возросших,
Воспринимались им понятней, проще,
Танцуя в сердце, словно мотыльки;

²⁰ Здесь речь идет об обсерватории Улукбека.

²¹ Шарап – древний спиртной напиток, наподобие вина.

Он, обо всем на время позабыв,
И день, и ночь в одно сиянье слив,
Читал Руми, Бедила и Хафиза,
И Саади, чей слог весной пронизан,
И Навои, чей так высок призыв...

Духовный мир Искака расцветал.
Сам бог его привел в читальный зал,
Приняв на время облик книгочея –
Глазастый, бородатый, длинношей, –
Народ его Машрабом просто звал.

Машраб специалистом был большим
Здесь, в море книг, – он вмиг заворожил
Искака разговорами о главном –
О судьбах книг и о поэтах славных,
Властителях любой людской души.

Машраб давно заметил, что Искак
Берет любую книгу в руки так,
Как будто встречи ждет с любимым братом,
Потерянным к несчастью когда-то...
К нему решил он первым сделать шаг.

Редчайшие издания в дому
Машраб держал, но приносил ему –
Свое богатство главное на свете;
Так делятся сокровищами дети
И – равные по сердцу и уму.

Машраб был мудр к тому, что был умен:
Всегда неспешно вел беседу он
О мудрецах, ученых и поэтах –
Как будто вместе с ними жил, при этом
Свое стерев из тысячи имен.

Душой всегда открытый для людей,
Делясь охотно множеством идей,
Он не навязчив в спорах был, но все же
Как лев сражался с самой мелкой ложью,
Невежд клеймя названием «злодей».

Искак любил, когда ученый друг,
Бородки клин слегка погладив, вдруг
Читал на память оды и газели,
Как будто на язык его слетели
Они с небес в ответ на сердца стук.

Машраб и сам так в руки книгу брал,
Как будто клятву верности давал;
Искал он книги редкие с азартом –
То в Бухаре толкался по базарам,
То в Самарканде рыскал у менял.

То в переплете плюшевом, то – без,
Он находил собрания чудес,
Делясь с Искаком каждою находкой,
Рассказывая так же неторопко,
Что в Бухаре он видел в свой заезд:

Там памятников столько! – несть числа,
Там *медресе*²², мечетей купола
В лучах небесных взгляд глазурью слепят;
И башня там – Калян – пронзает небо
Как к богу устремленная стрела;

Да, – город рукодельниц, мудрецов...
Он отстоял себя, в конце концов,
В сражениях бессчетных, беспощадных;
Здесь каждый камень маленький, площадный,
Прекрасно помнит поступь праотцов;

Вот почему и ныне Бухара
Стоит, как корень или как гора,
Традиции все так же соблюдая –
Да, древняя и вечно молодая:
Юна с утра и к вечеру – стара...

Да, *быть* легко, труднее кем-то *стать*...
Искак и сам стремился все объять,
И Бухаре отдал с поклоном отпуск,
И красоту ее впитал как воздух,
Все оценив по чести – дух и стать.

Затем в Хиву он съездил на поклон.
Здесь наслаждался в полной мере он
Музейными сокровищами древних,
Твореньем старых зодчих, самых первых,
И тех, кто следом шел во мгле времен.

²² Медресе – мусульманские учебные заведения.

Хива была когда-то как розан...
Сменялся часто здесь за ханом хан,
Была, конечно, смена не бескровной;
Хива прекрасна ныне, безусловно,
И фору даст бессчетным городам;

Но главное – вместилищем легенд
Она слывет, и в этом спору нет.
Сюда и ныне рвутся с вожделеньем
Учиться – как бывшие поколения,
Кому Хива дарила знаний свет.

Учились здесь поэты, мудрецы...
В Туркмении не знают лишь юнцы,
Что Зелили с Махтумкули великим
В Хиве учились, и тому улики
В своих трудах оставили творцы.

...Искак, дивясь, смотрел на минарет, –
Ему вверху конца, казалось, нет;
И слышит вдруг вопрос одной девицы:
– «Что, вверх слабо? Джигит, а как боится...
Да, высоко, конечно, – спору нет!..»

Нисколько не обидевшись, Искак
Сказал в ответ, что вверх взойти – пустяк,
И по ступенькам лестницы истертым
Взобрался он наверх походкой твердой,
Как будто нес к вершине мира флаг.

Ему Хива раскрылась с высоты,
Как в вазе раскрываются цветы:
Жилых кварталов теплые соцветья,
Где ходят люди, где играют дети,
Где шелестят прекрасные сады...

Он думал, взглядом впитывая даль:
«Как много судеб! – радость и печаль
В один ковер сплелись многоаршинный;
И счастлив побывавший на вершине,
Вдохнувший воздух, пряный как миндаль;

Как высота красива!» – и тотчас
Заволокла мечта сиянье глаз:
«Смогу ли я вершин достигнуть цели?
Как сделать, чтоб интриги не успели
Мне помешать, как было то не раз?..»

Сомненья не присущи молодым,
Они бесследно тают, словно дым.
Искак домой вернулся окрыленный
Хивой, мечтой – как вешний сад зеленой,
Что в срок, конечно, даст свои плоды.

Машраб был рад рассказам о Хиве,
Он видел, сколько мыслей в голове
У друга появилось от поездки;
И это был, конечно, довод веский,
Чтоб выткать спор по заданной канве.

Друзья сидели в старой чайхане.
Был Самарканд прекрасен по весне,
И люди все приветливее, что ли,
Вели беседы – о работах в поле,
О ценах, о поездках по стране...

Ах, в Самарканде столько разных мест,
Где передать приятно другу весть,
Чай попивая с теплою лепешкой,
Беря изюм по ягодке из плошки,
Чтоб до конца беседы все не съесть...

Искак с Машрабом выбрали давно
Местечко, где в жару от лоз темно,
Где прямо с крыши кисти винограда
Свисают вниз, к столу, неся прохладу,
Где пышен хлеб и сладостно вино.

Машраб спустился в прошлое опять,
Искака в древность и не надо звать –
Вдвоем листают в памяти эпохи...
С других столов склевали птицы крохи,
Они сидят – не всё успев сказать;

Здесь, в Самарканде, в памяти людей
Остался и подвижник, и злодей,
Святой творец и подлый разрушитель,
И ученик неверный, и учитель,
Что смог в камнях взрастить зерно идей...

– «Ты помнишь? – величайший Улутбек
Был словно свет, внесенный в темный век;
И что ж? – враги интригой натравили
Родного сына, чтоб не их винули
За то, что был погублен человек...»

– «Да, помню, – звался сын Абдулатип.
Наверно, недалекий был он тип,
Раз на отца сумел поднять он руку...
С отцом своим он погубил науку,
Себя в аду, пожалуй, не простив...»

– «Кто знает? Меж отцом и сыном клин
Вбивали ложью – ты, мол, не любим,
Отец зазнался, всех смешал он с грязью,
Когда б не он, ты был бы низок разве? –
Ведь ты – никто, пока – зазнайки сын...»

Так можно срезать крылья и Творцу.
Что делать нелюбимому отцу,
Когда дитя заносит нож кровавый?
Отец готов отдать и дом, и славу,
И жизнь свою ребенку-подлецу...

Мой младший брат, ты должен это знать:
Не всем дается в жизни благодать
Тянуться к знаниям, к мудрости великой...
Таких, как ты, сосущей повиликой
Всегда стремится зависть оплетать,

Твои успехи множество врагов
Рождают в жизни... Будь к тому готов!
Но чашу знаний все ж испей сполна ты,
Ныряй поглубже, там, на дне, когда-то
Найдешь ты славу, дружбу и любовь!

Лишь равные по разуму тебе
Всегда помогут в жизни и в судьбе,
Порадуются искренне успехам,
Излечат – где советом, где и смехом
Твои друзья – соратники побед.

Когда на пике славы будешь ты,
Весь мир судя с позиций доброты,
Найдутся и льстецы, и лицемеры:
К тебе стремясь приблизиться без меры,
Тебя замкнут в объятьях клеветы:

– Как жаль! – кусая локти, говорить
Они не станут, чтоб не выдать прыть
С какой они тебя пытались свергнуть
С твоих высот, – но будут портить нервы
И за глаза повсюду поносить;

И сколько б ты ни делал им добра –
Они лишь сором с твоего двора
Все разнесут, истолковав превратно;
А дашь слабинку – целой сворой завтра
Пойдут топтать тебя же на «ура»!

Мой Искакжан! – ты не по летам мудр,
Душа твоя чиста от всяких смут,
Любое слово схватываешь с лету...
Так не поддайся, коль льстецы охоту
Вдруг на тебя когда-нибудь начнут!...»

Искак Машраба слушал, как отца,
Учителя, к тому же – мудреца;
Был чай горяч, душист, мягка лепешка;
Перемещаясь, солнце понемножку
Стирало тени с каждого лица;

Машраб был старше друга, но душой
Он был такой же, в общем, молодой,
Хоть в бороде – серебряные нити...
Но мог помочь не жить в плену наитий
Своим друзьям – как будто брат большой.

А Самарканд тонул в блаженстве весь,
Здесь каждый день – свершений новых весть:
То расцвело, а то – уже созрело...
По небу мчатся тучи-каравеллы,
И все живое ввысь растет окрест.

Вот так же ввысь тянулся сам Искак,
Он возмужал, но пылом не иссяк:
Сидел нередко с книгами до зорьки,
Душой в страницы вглядываясь зорко,
Считая сон и отдых за пустяк.

Любовь он тоже черпал лишь из книг.
Да, Самарканд и в этом был велик:
Красавиц здесь встречали все герои –
Тираны и философы ... порою, –
Красотки в них влюблялись в тот же миг,

Величие сливалось с красотой...
Здесь Тамерлан был так своей женой –
Бюбю-ханум, – пленен душой, настолько,
Что стал поэтом, нежность и жестокость
Исторгнув в мир мятущейся душой;

А потеряв жену, в ее лишь честь
Тиран возвел прекрасную мечеть,
Назвав ее по имени любимой.
(Но сколько жен других как будто мимо
Его судьбы прошли? – числа им несть)...

Да, Самарканд – цветущих чувств оплот,
Любовь здесь зреет в душах словно плод
В людском саду – как в тех садах, что дружно
Несут свою безропотную службу,
Ветвями подпирая небосвод.

Искак красавиц тоже примечал.
Среди студенток он не раз встречал
Душою чистых, совестливых, нежных,
Он им, как мог, оказывал поддержку,
Но ни одной к ногам еще не пал...

И девушки, скосив олений глаз,
За молодым учителем не раз
Исподтишка с любовью наблюдали;
Как он с высот своих – небесной дали, –
Для них сплетал блистательный рассказ.

В его уме рождалось много слов.
Он все студентам выдать был готов,
Но понимал, что время драгоценно,
И надо быть всесильным Авиценной,
Чтоб каждый ум, внимая, был здоров.

Искак набрался опыта уже:
Он не сбивался с ритма на меже
Двух разных тем, нанизывая знания
На лучшую основу мироздания –
Познания дух в неопытной душе.

Того не зная, он без суеты
Взрастил в студентах зерна доброты,
Любви, стремленья к свету, вдохновенье;
Он старше был едва ль на поколение,
Но Мастера обрел в себе черты.

Одна беда – любви Искак не знал,
Не думал он о ней и не искал,
Хотя она была почти что рядом...
Однажды имя девичье отрадой
Ворвалось в сердце как девятый вал.

Он шел по списку: ...Роза... Словно плетъ
Его ожгла. Не мог он в зал смотреть,
Не заливаясь краской от смущенья.
Как будто луч прошел по помещенью,
Воззвав к душе девической: ответь!

А, впрочем, Роза втайне влюблена
Была в Искака, но еще она
И в мыслях не могла признаться в этом,
Когда же он шагал случайно следом,
Она терялась, если шла одна;

Когда Искак сокурсницам, случись,
Втолковывал, пригнувшись ближе, мысль,
Или она пошепчется с парнями –
Обоих грызла ревность, словно к ране
Припали осы – тучею впились!

Уже поняв, что бьются в унисон
Два юных сердца, что, увы, не сон,
А явь играет ими безмятежно,
Искак решил: пора! – и боль, и нежность,
Что до сих пор держал под спудом он,

Нельзя в душе навеки схоронить,
Открыться надо... Очень может быть,
Что девушка ответит на признанья,
Он целый год дарил ей только знания,
Пора – любовью тоже одарить;

Он думал: «Я беспомощней птенца!
И если не откроюсь до конца,
Пройдут недели, месяцы – и Роза,
Не выдержав моей надутой позы,
Уйдет, другого полюбив юнца...»

А Роза, беззаботный вид храня,
Терзалась: «Нет, не любит он меня!
Вокруг девчонки с яркой красотой
Ждут, не дождутся стать его женою...
Мне без него как ночь сиянье дня,

Как я могу отдать его другой?!...»
Вот так терзалась Роза день деньской,
Искака от подруг оберегая,
Соперницу в любой подозревая,
Шепча подушке ночью: «Дорогой...».

«Ведь я все время думаю о ней, –
Искак подумал, – надо быть сильней!
Мне двадцать лет – я по уму и росту
Давным давно стал выглядеть как взрослый,
А как пацан робею... ей-же-ей!...»

Носила Роза имя неспроста:
Нежна была девичья красота,
Как лепестки цветущего миндаля –
Как будто для любви ее создали,
Мерцающей, как первая звезда;

Шестнадцать ей исполнилось всего.
Как солнца луч для дома своего,
Как свет луны, как ласковая песня –
Она была надежды светлый вестник
В семье, где жили все – для одного:

Растить в любви единственный цветок,
Что дал семье татарской щедрый бог...
Из Каракола дальнего приехав,
Любви семейной ласковое эхо,
Запас любви она хранила впрок...

Зима прошла как мягкий ветерок,
Из каждой почки выпорхнул листок,
И облака для первых гроз поспели...
Глаза девчат загадочно блестели,
Улыбку излучая и восторг.

Вот теплый дождь прошлепал по листве,
Как будто вышивая по канве,
Прошел, – девчонки вмиг похорошели
И платьица нарядные надели,
Взбив кудри на победной голове.

Был праздник – Женский День, на всей земле –
Он красовался – снедью на столе,
Тюльпанами, алеющими ярко,
И зеленью веселой в пышных парках, –
Как будто на большом календаре.

Что в этот день упустишь – целый год
В бездействии безрадостном пройдет...
Все парни – свежевыбриты, опрятны,
А девушки! – смотреть на них приятно,
Любая как Луна идет-плывет.

Цветок, признание, просто комплимент
Получат все девчата в свой момент.
Сейчас же все в одном собрались зале.
Джигитов словно к стенкам привязали...
Нет крепче пут, чем блеск атласных лент!

И девушки в стеснение, но они,
Как сквозь туман манящие огни,
То соберутся в группки, то со смехом
Рассыпятся – взволнованы успехом,
В который в этот день вовлечены.

Вот кто-то попросил девчонок спеть,
Чтоб атмосферу робости согреть.
Сперва заминка вышла на минуту...
Решила Роза вмиг развеять смуту
И всю неловкость первую стереть.

Она запела – голос задрожал,
Но зал, захлопав, Розу поддержал;
Она Исака в помощь пригласила,
И песня, словно птица, в небо взмыла,
И, пораженный, смолк огромный зал:

Вдруг вся любовь, что в душах их жила,
Свой выход в песне девушки нашла;
Слова татарской песни той певучей
Искак зачем-то выучил – на случай,
К которому судьба их подвела.

Все поразились – как хорош дуэт!
Дарила песня всем весенний свет
Тех юных чувств, что старость помнит смутно
И то – в такие редкие минуты,
Когда стихом заденет вдруг поэт...

Умолкла песня. Тысяча ладош
Так хлопала, как будто летний дождь
Вдруг разразился в этом теплом зале.
Искак, смеясь, влюбленными глазами
Глядел на Розу, спрятав в сердце дрожь.

Он так хотел ее поцеловать!
Но о любви избраннице сказать
Решил татарским он стихотвореньем, –
Он наизусть учил стихи без лени,
Чтоб лишь она могла его понять:

«Гори, звезда моя, моя надежда!
Тебе одной – любовь моя и нежность,
Тобой одной в огромном этом мире
Всегда люблюсь ласково, прилежно.

Лишь ты одна и холоду, и зною
Преградой будешь, ясною звездою
Лишь ты одна осветишь жизнь, прошу я:
Путь укажи и будь всегда со мною!...»

Теперь запели многие в ответ,
Потягивая изредка *шербет*²³,
Лишь самым голосистым уступая;
За песней песня без конца и края
Цвела, составив праздничный букет.

Закончилось собрание, все уже,
Веселье унося в своей душе,
Пошли домой, взрывая сумрак смехом,
По улицам бродя беспечным эхом
На праздничном невинном кураже.

Но двое отделились от других.
Назвать влюбленных надо ли двоих?
В саду безлюдном замерли в смущенье,
Дрожат у бедных губы и колени,
Как будто робость круто бьет под дых...

Ведь все слова продуманы давно!
Но чувство, как пьянящее вино,
Все мысли спутав, кровь кипеть заставив,
Творит общенье явно против правил...
Но вот объятье их свело в одно.

²³ Шербет – сладкий напиток, фруктовый сок.

Прижавшись тесно — счастьем нет конца! —
Достичь блаженства — самого венца —
Они сумели в первый раз на свете:
Чисты душой, как голуби, как дети,
Они всем сердцем славили Творца.

Вкус поцелуя внове был двоим.
Искак познал любовь как боль, как дым,
Теперь он познавал и наслажденье,
Как взлет души, как новое рождение —
Ведь он, влюбленный, был и сам любим!

От сладких губ — волшебного цветка —
Не мог он оторваться... Высока
Была его душа в мгновенья эти.
И Роза словно в первый раз на свете
Узнала: жизнь воистину сладка!

Надежды их, как тучки, в небесах
Летели на раздутых парусах,
Уже заря играла в самых дальних...
Сказать друг другу просто: «До свиданья»
Двоим мешал разлуки острый страх.

Но вот рассвет все краски размешал.
Расстались. Словно надвое душа
Разорвалась, садня и кровотока...
Теперь Искак те дни судил, как прочерк,
Когда он Розу рядом не встречал.

Всем Роза стала – радостью, мечтой...
Искак стихи слагал и, сам не свой,
Бродил порой по городу часами,
Обшаривая жадными глазами
Знакомый закоулочек любой;

Не раз – внезапной встречей награжден, –
Мог на лице состроить мину он –
Мол, надо же, негаданно-нежданно...
Так день за днем они встречались тайно.
Жить напоказ – дурной и пошлый тон.

Любовь созрела лишь для них двоих.
Богатство чувств – душевных, огневых, –
Они хранили от чужого сглаза,
От злых усмешек, от неловкой фразы, –
Да от всего, что чувства бьет по дых.

Шли дни за днями... Счастье все росло
Былым невзгодам юноши назло.
Прошла весна. Искак и Роза вместе
Решили: быть помолвке! – ведь невесте
К концу учебы время подошло.

Пришла пора экзаменов, и вот
Для всех судьба иная настает:
Дороги разбегаются по свету.
Какую выбрать? – ту? А, может, эту...
Какая жизнь студентов бывших ждет?

А лето в терпких запахах цветов
Кружит, пьянит... На свете городов
Других таких – студенческих – не будет
Для тех, кто здесь учился, вышел в люди
И отдавать себя труду готов.

Искак и Роза в эти дни как раз
Решили дать заявку в местный ЗАГС,
Чтоб Самарканд союз благословил их,
И чтоб друзья поздравили счастливых
И пожелали счастья про запас.

Искак светился ярче, чем свеча.
Не отпуская Розу ни на час,
Из *коймакмала*²⁴ платье ей купил он,
Хоть эти траты не были по силам:
Ученые бедны ведь и сейчас...

Но все ж на угощенье наскребли
Они вдвоем, чтоб все друзья могли
Отведать вместе свадебного плова,
Сказать свое напутственное слово,
Да что б с собой конфеты унесли²⁵.

Искак и Роза пару хоть куда
Составили – как со звездой звезда
Сошлись на небе, чтоб вдвойне светиться;
И бедность их была случайной птицей,
Что залетела в дом не навсегда.

²⁴ Коймакмал – лучший сорт бархата.

²⁵ По обычаю гости должны часть угощения взять с собой после застолья.

Звучали песни, шутки, звонкий смех,
Рождая настроение у всех
Под стать блаженству двух молодоженов;
И каждый их ровесник, пораженный
Любовью их, пророчил им успех.

Но все же то прощальный праздник был,
Кто и хотел бы, это не забыл:
Все расставались, и друг другу счастья
Желали, и еще – чтоб вновь встречаться,
Не растеряв по жизни юный пыл.

Искак грустить пытался, но не смог.
Он был, сюда приехав, одинок,
И вот теперь, супругом Розы ставший,
Хоть всех гостей он был немного старше,
Но ликовал, как маленький щенок:

Он уезжает тоже, но теперь
Он не один! – в былые годы дверь
Захлопнута, остались там все беды,
И пораженья тоже, и – победы,
Что не спасли от множества потерь;

Теперь – вдвоем – осият и печаль...
Да, с Самаркандом расставаться жаль;
Искак и Роза здесь нашли друг друга,
Здесь раскрывала тайны им наука,
И закалялись души, словно сталь.

Не расстояньем дружбы рвется нить...
Машраб пришел супругов проводить
И книгу Мукими принес в подарок;
Он много дней искал ее недаром:
Искак сумел подарок оценить.

Он так любил творенья Мукими,
Искал их всюду, а Машраб: «Возьми!» –
Протягивает томик, улыбаясь...
Искак зашмыгал носом, обнимаясь, –
Легко ль прощаться с близкими людьми?

«Он как ребенок искренен и чист», –
Унес Машраб с собою эту мысль,
Благословив супругов на дорогу
И, погрузив, конечно же, немного,
Перевернул судьбы прожитый лист.

Вот так печаль и радость, грусть, восторг
Смешал как в тигле пламенный Восток.
Из Самарканда древнего дорога
Вела в Ташкент и дальше – волей бога –
В проверку чувств на долгий-долгий срок.

В КРАСАВИЦЕ-МОСКВЕ И ЛЕГЕНДАРНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Он снова – на студенческой скамье,
Отягощенный думой о семье...
Но в Самарканде сам Искак недаром

Вел лекции, занятия, семинары:
В Москве учеба ладилась вдвойне.

«Учет» и «план хозяйства» – те слова,
Что раньше вспоминал-то он едва,
Теперь основой стали снов и мыслей,
Он ими ныне жил и словно присно
В него внедряла это все Москва.

Бывало, что от голода порой
Он отвлекался, теша взор игрой:
Тот, с зычным басом, лектор – волосатый,
Тот, с баритоном, – тощий, но усатый,
А тенор – вовсе с лысой головой, –

В его устах и мысли коротки...
Тому же, с басом, будто не с руки
Обрезать фразу – лепит, словно кудри,
То афоризм, то вывод свой премудрый...
А этот, с тростью, смотрит сквозь очки:

Как будто все, что скажет, – там, вдали,
Порхает, словно в небе – журавли,
А здесь, в рядах, сидят ловцы синицы,
Похоже, им реальность только снится...
Такие мысли в ум Искаку шли.

Но, спохватившись, что ведь он – студент,
Что в Институт пришел он для побед
На ниве знаний, а не развлечений,

Набрасывался снова на ученье,
Как будто в мире лучшей доли нет.

Не все студенты были так честны:
Нередко с нудной лекции они
Сбегали дружной стайкой прогуляться;
Искаку лишь едва зашло за двадцать,
И он кипел соблазнами весны;

Но вот судьбе угодно было в нем
Затеплить дружбу с русским языком:
В сокровищницу эту с головою
Искак зарылся – больше, чем весною,
Был языком великим он пленен.

И добрые, и жгучие слова
Осваивал он – так весной трава
В себя вбирает сок земли и солнца;
Он думал: все великое дается
Когда вступает низкое в права;

Но постепенно зерна от плевел
Отсеивать он все же преуспел
И легковесность он задвинул в угол:
Лишь отлежавшись в недрах, сможет уголь
Дарить тепло, в чем есть его удел.

Искак с людьми беседовать любил.
Чужой язык ему понятен был
В горячих и порой невнятных спорах:

Так скакуна подстегивают шпоры,
Чтоб вдаль скакал, плотая с ветром пыль.

Как хлеб насущный с братьями делить –
Вот так с людьми на-равных говорить
На языке, что им понятен сроду;
И ты в копилку своему народу
*Алтын*²⁶ -другой сумеешь положить:

Ведь суть вещей на свете узнавать
Дает со всех сторон природа-мать,
Всем языкам земли она – предтеча;
Чем больше знаешь их – тем в жизни легче
Одно с другим явление связать,

Увидеть смысл в движении светил –
(Родной язык за сим не уследил):
Назвать нейтроны – значит, их увидеть...
По-новому любить и ненавидеть
Совсем с другим раскладом прежних сил –

Вот что Исаку дал чужой язык!
Он говорить легко на нем привык,
Познав реченьям истинную цену,
Уже умел он, словно Авиценна,
Лечить словами правды смутный миг;

Он насекомых разных различал
И каждого – по-русски величал,

²⁶ Алтын – золото.

Растенья, минералы, все каменья
И всякие природные явления
Он со стараньем страстным изучал.

В учет и план – предмет главнейший свой –
Он погрузился тоже с головой,
Стремясь узнать, как мир внутри устроен,
Он изучил все тонкости раскроя
Истории торговли мировой.

Чем хороша Москва – она ему
Раскрыла все музеи, потому
Что он давно мечтал о пище духа;
Насытив взгляд и дав усладу слуху,
Москва дала немалый взлет уму.

Концертный зал, театр, любой музей,
Куда не вхож случайный ротозей,
Всегда распахнут лишь для душ пытливых –
Внимательных, влюбленных и счастливых
Своей судьбой и трудной жизнью всей.

Встав поутру, Искак ловил себя
На мысли, как щедра его судьба,
И предвкушал, в какой счастливый вечер
Его поход в театр опять намечен,
Уже артистов избранных любя.

Их афоризмы, меткие слова,
Со сцены только вырвавшись едва,

Ему светили, словно наставленья;
И каждое, пожалуй, представленье
Давала как урок ему Москва.

В Театре Малом был он частый гость.
Любой спектакль здесь – сезона гвоздь,
А каждый жест и сказанное слово –
Хоть повторяй их в жизни, право, снова:
Кому – бальзам, кому – и в горло кость...
Здесь русский свой оттачивал Искак,
Он замечал нюансы речи так,
Как невозможно в будничном теченье;
Благодаря актеров за ученье,
Î í âï ï î ëí ÿë äóø è ñâî âé курак²⁷.

Еще одна сердечная любовь
Питала ум его и грела кровь:
Искак влюбился в музыку – такую,
Что окрыляет, в даль зовет иную,
И заставляет слушать вновь и вновь.

Его душа от музыки огнем
Горела так, устроив силы в нем,
Что без нее он словно был голодным...
За годом год в любой момент свободный
Он был в Консерваторию влеком.

Там, на галерке, где за полщены
Купив билеты, грелись пацаны,

²⁷Курак – ковер, составленный из отдельных кусочков, из лоскутков; время, момент; возраст

Он окунался в Моцарта и Брамса;
Шопену, Глюку, Шуману он клялся
В высоких чувствах, что всегда верны;

А Глинка, Берлиоз и Мендельсон
Твореньями расцвечивали сон,
И часто так, в метель с концерта выйдя,
Цветенье вишен он повсюду видел
И ароматом вешним был пленен.

А впрочем, сутью музыка – весна,
Была бы жизнь без музыки пресна.
В Большом театре он услышал чудо:
Пел Лемешев, и длился звук покуда,
Его мечта до неба унесла...

Искак любил не менее балет:
Движенья тела, быстрые, как свет,
Так говорящи, с музыкой сливаясь
И музыке навеки отдаваясь,
Идут за звуком тающим вослед;

В движенье каждом – столько тайн подряд...
Каникулам Искак был очень рад:
Решил он посвятить их балерине –
Улановой Галине, лучшей в мире, –
И, взяв билет, помчался в Ленинград.

Народ о ней судачил: «Равных нет!»
Большими заголовками газет
Земная слава шла за ней повсюду...

Искак сказал, ее увидев: «Чудо!», –
Не зря вложил стипендию в билет.

Уланова в прозрачной кисее
Была – Жизель... Взлетая как во сне
Она, кружась, порхала – легче пуха,
Блистательней возвышенного духа,
Отважнее героя на коне...

Искак сходил назавтра в Эрмитаж.
В полотнах старых он искал типаж
Души и мышц в союзе с вдохновеньем...
Но мастера далеких поколений
В других союзах видели кураж:

И Рубенс, и великий Тициан
Благославляя плодородный стан,
Земное до небес преподносили
И поклонялись массе мышц и силе,
Все остальное кутая в туман.

Искак, переходя из зала в зал,
Уже вещей знакомых не искал,
Он голоса, сердец биенье слышал
И времена, что жили здесь, под крышей...
Он на неделю целую пропал;

Обидно было – сколько красоты
Не допустил он даже до мечты, –
Откуда было знать об Эрмитаже?

Он ощущал ее своей пропажей,
Провалами душевной пустоты...

Он понимал, что мал и смертен он,
Когда был окружен со всех сторон
Бессмертными твореньями великих...
Он застывал на месте, глядя в лики,
Что пережили множество времен.

Он в Коросоне был рожден, увы,
Лишь двадцать лет назад... Здесь даже львы
Его постарше, в общем-то, намного, –
Вот почему глядят надменно, строго,
Застыв над гладью замершей Невы.

Искак возрос на стыке трех земель:
С земли родной, кыргызской, словно сель
Его смела нужда и боль утраты;
Таджикская земля его когда-то
Баюкала, как будто колыбель;

Затем земля узбекская, как мать,
Взялась его растить и баловать...
Ему ль роптать на долю и на бога?!
Вот привела сюда его дорога –
В сам Ленинград, что сердцем русским звать!

Здесь жили люди – те, чьи имена
Вошли в скрижаль истории сполна,
Следы шагов остались здесь, на Невском:

Спешил в своей крылатке Достоевский,
И Блок грустил над золотом вина...

Да что там! – Пушкин сам, румян и млад,
Входил вот так же в белый Летний сад,
Где статуи поеживались зябко,
И луч играл в его курчавой прядке,
И строки в ум врывались невольно...

Искак представил множество людей,
Что, мир наполнив тысячью идей,
Ушли в иные дали словно тени...
Один из них – поэт Сергей Есенин –
Был им любим, как лучший из друзей.

Его творений тонкий нежный нерв
Он ощущал звучаньем высших сфер,
Где ангелы поют в небесной выси...
Он счеты с жизнью свел самоубийством
В гостинице проклятой – «Англетер»!

О, как он мог всего лишь в тридцать лет
Возненавидеть этот белый свет,
Напротив жизни всей поставив прочерк?..
На ум пришли пронзительные строчки,
Что перед смертью написал поэт:

«До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей...

Все до сих пор неясно, весь расклад
Самоубийства – очень странный факт...
Искак стоял в тоске у «Англетера»:
Официальным слухам мало веры,
Но ничего нельзя вернуть назад...

«Он столько строк создал о красоте
Своей страны, он был под стать мечте:
Он Русь любил с надеждой безысходной;
Он, наконец, узрел ее свободной...
Так почему замкнулся в пустоте?!..

А, может быть, он жертвой стал других –
Таких, кто ненавидел дерзкий стих,
Сердца людей бессчетных полонивший?
Но в чьей игре Есенин выпал лишним?...»
...Он испугался мыслей злых своих,

От «Англетера» прочь пошел быстрее,
Как будто бы спасался от людей,
Чьи тени померещились зловеще...
Бывает так, что раскрывают вещи
Гораздо больше, чем трезвон идей.

Он мимо льва, застывшего в прыжке,
Прошел неторопливо, налегке –
Под ритм строки, что вспомнилась внезапно...
Стихи в уме звучали так азартно,
Был жив поэт в любой своей строке!

Москва Исаака, как и Ленинград,
Вооружили знаниями стократ
Наполнив душу новым вдохновеньем, –
Он без того не предавался лени,
Теперь же был любой нагрузке рад.

Искак учился и заметно рос.
Он ко всему поставить мог вопрос,
А жизнь их сполна преподносила;
Он разрешить иные был не в силах,
Но мог зато задуматься всерьез:

Как умерла у Сталина жена?
А Киров, кем гордилась вся страна? –
В расцвете сил прервал он дело жизни...
Творилось много странного в Отчизне,
Пришли такие, видно, времена.

В те дни в Москву со всех земель окрест
Колхозники-ударники на съезд
Приехали; таджики и узбеки,
Засомневались в завтрашнем успехе:
Всем темён русский: все – из сельских мест;

Но земляки нашли Искака, – он
Доверьем был, как властью, облачен;
И, что сказать, – был избранным недаром:
Речь Сталина переводил он с жаром,
Настолько был той речью увлечен.

И сам великий Сталин бросил взгляд,
Как переводчик – слово к слову, в лад, –
Переводил его на два наречья,
Сам упиваясь – трижды! – этой речью,
Восторгом наполняя первый ряд...

... Прошли года, оставив в жизни след.
Искаку день за днем покоя нет:
Рассвет встречает с книгою и вечер,
Хотя усталость гнет и ломит плечи,
Берется вновь за книгу он чуть свет.

Он говорил по-русски так легко,
Как будто с материнским молоком
Вкусил его с рожденья – ёмко, веско;
Но, впрочем, на таджикском и узбекском
Он говорил не менее легко;

И свой родной кыргызский как святой
Любил он, наслаждаясь простотой,
С какою все явленья, все деянья
Определялись в нем как расстоянья
Меж доброю и злобною душой...

В Москве Метро открылось, наконец.
Искак спешил к открытию, как юнец
Торопится на первое свиданье.
Быть первым – исполнял он как заданье,
Чтоб строить жизнь свою – к венцу венец.

Он пассажиром первым стал и здесь,
Не для того совсем, чтоб тешить спесь;
Он торопился все узнать на свете,
Как птицы или маленькие дети,
Чтоб разнести другим благуя весть.

Он так же, как усвоил тайны слов,
Свою науку был нести готов,
Внедряя в жизнь и головы другие;
Года его учебы дорогие
Уже ушли от прежних берегов,

Последний курс остался позади.
Экзамены!.. – сердца дрожат в груди.
Искак забыл о сне, и днем и ночью
Стараясь заложить фундамент прочный
Своей работе, ждущей впереди.

Достоинство, что с малых лет он смог
В себе развить, как собственный исток,
Его толкало твердо, как привычка,
Сдавать экзамен только на «отлично»,
Чтоб выбрать путь прямой из всех дорог.

Ташкент служил началом в том пути,
Что им с женою выпало пройти –
В Москве и Роза тоже отучилась
И, став врачом, уже со счета сбилась:
Мол, сколько дней до дома впереди?

Они в Ташкент вернулись из Москвы
В густую сень взволнованной листвы,
Под синь небес, пронизанную солнцем,
Что северянам редко удается
Увидеть в лучшем городе, увы...

Вприпрыжку шла от радости жена:
Была до слез взволнована она,
Бежала как дитя, платком алея;
В тюльпанах алых длинная аллея
В ногах лежала, как сама весна.

И улочки, кривые, как вопрос,
И лужи в отголосках бледных звезд,
И маки, что камыш на низких крышах
Раскрашивали в цвет нахально-рыжий, –
Все было сердцу дорого до слез.

Как старый друг, их встретил город вновь,
Все сохранив – романтику, любовь...
Ташкент не зря в разлуке мнился раем:
Как будто солнце билось в них, играя,
Огнем желанья разжигая кровь.

В ТАШКЕНТЕ ОН НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ

Искаку вскоре первый пост был дан:
Его служить направили в Госплан.
Он был далек душой от карьеризма
И лишь мечтал служить своей Отчизне,
И был умом силен не по годам.

Конечно, есть советчики везде —
Хоть на луне, хоть где-то на звезде, —
Они Искаку шепотом твердили:
«Ты большего достоин», и учили
Как, унижаясь, быть на высоте:

«Есть покровитель если — путь открыт.
Не упирайся — делай только вид,
Получишь много, если будешь гибким...»
«Иди к начальству с ласковой улыбкой:
Ведь тот, кто ласков, в жизни вдвое сыт...»

Был даже спор: «Мол, должность высока
У молодого, в общем, паренька,
Мол, что он — сразу должен стать Наркомом?!...»
Такие споры были незнакомы
Искаку, что помалкивал пока.

Он думал, что не должность хороша,
А человек, в котором есть душа

И кто трудом свое возвысил кресло...
И все ж ему казалась служба пресной:
Течет, мечты о трудностях круша.

Но как-то раз один из новых друг
Сказал Искаку, догадавшись вдруг,
Как тяготится он работой нудной:
«Твой первый пост – он для тебя не трудный,
Но это не хронический недуг;

Все впереди: работа на разрыв,
Паденья, взлеты, козни, нервный срыв...
Тебе желаю в этих испытаньях
Не быть ни мига жертвой на закланье, –
Все выдержать, душою не остыв...»

И многие заметили: Искак
Умен, талантлив и начитан так,
Что рост ему по службе обеспечен,
И малый пост – большим постам предтеча...
Ну, а службисты знают толк в постах!

И вот нашлась работа посложней.
Искак уже не слышал смены дней:
Он с головой ушел в дела, и счастье,
Что в службе обретается нечасто,
Он ощущал все чаще, все сильней.

Он вновь учился – четкости в словах,
В решеньях, спорах – чтоб, отвергнув страх,

Идти вперед настойчиво, без спешки;
Стал аккуратен, собран, тверд и вежлив,
Что отражалось в мыслях и делах.

Он стал своим среди других людей –
Заметным генератором идей,
К нему пришло по праву уважение,
Сулящее по службе продвижение
Без лести высшим – он не ладил с ней.

Он, как отец когда-то, раньше всех
Спешил начать работу, чтоб успех
Перехватить другие не успели;
В долги не лез, но в долг давал – на цели,
Что вызывают отклики у всех;

А, впрочем, часто он прощал долги –
Не то, чтобы спросить их не с руки,
А видел, как запутался бедняга,
И не на водку брал ведь, а на благо
Семьи, где дети есть и старики...

Все сослуживцы знали: коль Искак
Что обещал, то это будет так,
Пусть даже грянет вдруг землетрясение.
Его любили – он считал везеньем,
Мол, отношения в жизни не пустяк:

Хлебнув немало горя сиротой,
Разделавшись упорством с нищетой,

Пройдя студентом лучшим всю учебу,
Он дорожил лишь дружбой высшей пробы –
Не льстивой, непритворной, – золотой.

Он стал плановиком уже таким,
Что мог давать советы и другим;
О нем руководители узнали,
Внимательней присматриваться стали,
Хоть он считался слишком молодым.

Так год прошел, за ним уже – второй.
Ташкент опять наполнился весной...
Что ж, время расставляет знаки-вехи,
Когда заметит зрячесть в человеке,
Что не пройдет он веху стороной.

Пусть кудри и черны, и высоки,
Без отчества, пожалуй, не с руки
Искака звать отныне сослуживцам:
Начальство окликать ведь не годится,
Хоть оба – одногодки-пареньки.

Искак стеснялся: слишком быстрый взлет,
А выскочек не жалует народ...
Возглавил он комиссию по плану,
Что должен был помочь Узбекистану
Взрастить быстрее валовой доход:

Ответственность доверия страны! –
Весь Облплан огромной Ферганы

Возглавил в двадцать восемь лет Раззаков.
Он от судьбы таких высоких знаков
Не ожидал в разгар своей весны.

Конечно, был он рад: пришпорив мысль,
Его мечты до неба вознеслись;
Но, впрочем, обуздав их очень скоро,
Он путь наметил, чтоб и дальше в гору
Дела, а не мечты, стремились ввысь.

Освоился он быстро в Фергане.
Так, семена посеяв по весне,
Свой урожай снимает земледелец
Не сомневаясь — он его владелец,
Хоть воздала земля ему втройне.

Работал он, не покладая рук, —
Без спеси, без начальственных потуг
Свой ореол создать, посту созвучный;
Он понимал, успех дает не случай,
Все ценное свершается не вдруг;

Глаза его болели от бумаг.
Ошибку подчиненных за пустяк
Он не считал, но при разборке краткой
Всё разъяснял без гнева, по порядку —
Что ими было сделано не так:

«Боишься — то за дело не берись,
А коли взялся — до конца борись...»

Он поговорку эту часто очень
Твердил другим, в итоге напроорочил:
Девизом стала многим эта мысль.

В беседе собеседнику в глаза
Смотрел Искак, ведь иначе нельзя
Как равный с равным искренне общаться;
Воспринимал он круг друзей как братство,
Лжи не терпел, поскольку честен сам.

Он в Фергане на лучшем был счету.
С начальством говорил начистоту,
Оно его испытывало в деле;
Раз на рыбалку – был конец недели, –
Позвали и Раззаковых чету.

Поехали на речку Исфайрам,
На удочку ловили рыбу там,
Улов удачным был; лились остроты,
Рыбачьи рассказы, анекдоты...
Искак для многих был еще – «*балам*»²⁸:

«...С такой работой надо отдыхать! –
Тебя не зря на свет родила мать:
Она тобой должна теперь гордиться...»
Без *тогого*²⁹ орлом, свободной птицей
Искак сумел в работе новой стать.

²⁸ Балам – досл.: «мой мальчик» - теплое обращение к младшему.

²⁹ Тогого – соколиный наглазник, колпачок.

Историю древнейшей Ферганы
Немного забывают в наши дни:
Что Маргиланом новым звался город,
Что Фергани Ахмед здесь жил – астролог,
Умевший в звездах видеть путь страны.

Искак не зря свой трудный хлеб жевал.
Он к Фергане любовью воспылал, –
В Ташкенте ли, в Баткене ли бывая,
В Лейлеке даже, – он, уже скучая,
О Фергане беседы начинал.

Встречался он и с мамой-Хадичой,
Дарил подарки ценные порой,
На берегу высоком сырдарьинском
Они сидели с ней, бывшего искры
Ловили взглядом на волне речной.

Он познакомил с ней свою жену.
Историю припомнив не одну
В сиротском дальнем том десятилетье, –
Они втроем смеялись, словно дети,
Вернувшись вместе в раннюю весну.

На заседание важное в Ташкент
Искак был вызван. Это был момент
Броженья и кипенья в высшей власти, –
Кому паденье, а кому-то счастье
Предназначало время перемен.

В огромном зале все собрались в срок.
Регламент был внушителен и строг:
Вел заседание сам Усман Юсупов –
Он лидером народным, докой, зубром
В делах партийных был не первый срок.

Во время прений, зорко глядя в зал,
Юсупов скрупулезно отмечал
Умеющих построить речь по делу
И черное не перепутать с белым...
Всё замечали умные глаза:

Как выступавший, еле скрывший дрожь,
Сорвал оваций шквал: а то ладош
Друзья в поддержку друга не жалели;
Как кто-то что-то мямлил еле-еле,
С одним намеком: я, мол, был хорош;

Родник словесный был то щедр, то пуст.
Записывал Юсупов, что из уст
Работников он дельного слышал,
Чтоб передать потом гораздо выше
Совет, что выдал местный златоуст.

Не многие осмеливались в речь
Свои задумки тайные облечь;
А были речи бабочкам подобны –
Вспорхнут, блеснут, а в общем-то бесплодны:
Вот так младенцам дарят мягкий меч.

Ковер словесный ткался на ходу.
Те, кто привык светиться на виду,
К трибуне шли, закинув подбородок,
И, говоря от имени народа,
Дудели все же лишь в свою дуду;

Иные возомнили, что отчет
Пора давать за весь истекший год;
Другие усыпляли зал, глаголя
Когда, зачем и чем пахали поле...
Пришел Искаку выступить черед.

Он к микрофону вышел, как струна;
Он речь повел – и будто бы стена
Разрушилась меж залом и трибуной:
Но речь его была не то, что бурной,
Скорей была весомою она:

Ведь ценится всегда среди людей,
Что не жалея пламенных идей
Докладчик щедро делится прозреньем;
Порой аплодисменты выступленье
Вдруг прерывали – нет, не лезть друзей,

А просто зал не слышал слов пустых
И оборотов мутно-непростых;
Узбекские пословицы нередко
Искак вставлял – уместно, хлестко, метко, –
Речь превращая этим в мудрый стих.

Огнем души он мысли оперял.
Порой вздыхал, порой смеялся зал,
Ловя с восторгом истинное слово...
Узбек-оратор – это ли не ново?
Что он – кыргыз, почти никто не знал.

Порою, не теряя речи нить,
Он начинал по-русски говорить,
Все так же веско, чисто, без акцента...
Для русских в зале это было ценно,
Что мог он всем тепло души дарить.

Искак поддержки зала не искал,
Он говорил о том, что твердо знал,
И потому-то речь его звучала
Как нового развития начало,
И этим, в общем, был и тронут зал.

Вот речь Искак закончил, наконец,
Весь зал захлопал, кто-то «молодец»
Кричал в поддержку мудрому трибуну;
Искак не ждал такой поддержки бурной,
И даже растерялся, как юнец.

Усман Юсупов молча похвалил
И речь Искака, и заметный пыл,
С которым Фергану свою он славил.
Во время речи он себе составил
Весомый план по расстановке сил:

Слова Искака, что остры как меч,
Идеи, что поддерживали речь,
Он записал в тетрадь как предложенья,
Что ждали в жизнь прямого продвиженья,
Чтоб их вдвойне умножить и сберечь.

Все те, кто раньше выступил, теперь
Почувствовали горький вкус потерь,
Какими «наградить» могло их завтра;
Вот так Искак обрел врагов внезапно...
Случается такое – верь, не верь.

Зато другие – те, что без потуг
Попасть однажды в самый высший круг, –
Назвав Искака «наш узбек кыргызский»,
Стремились с ним сойтись настолько близко,
Чтоб говорить по праву: «Здравствуй, друг»!

И вот что ценно: люд простой, народ,
Что всякой власти, в общем-то, оплот,
Предчувствуя Искака выдвижение,
Воздал ему теплом и уважением
За все, что он свершил в ферганский год.

ЮСУПОВ. ВОЙНА. ПОБЕДА. СТАЛИН

Искаку повезло, что в нужный час
Он смог себя представить напоказ
Таким, как был, – и знающим, и мудрым,

И что Юсупов сам тем светлым утром
Искака слушал, не спуская глаз;

Отметив и талант его, и пыл,
Он, хоть Искак и слишком молод был,
Решил ему помочь в карьерном росте,
И пригласил в Ташкент, к себе – не в гости,
А претворить наметки эти в быть.

Глава ЦК республики хотел
В беседе расспросить о ходе дел,
Что в выступление в целом прозвучали, –
Как было трудно их вести в начале,
Что Облплан свершить уже успел;

Но при общенье личном точен суд:
Где – ложь, где – правда, речи не спасут...
Но оба были встречей той согреты –
Как равный с равным – в том сходились, в этом,
Родство признав за несколько минут.

Узнав, что собеседник испытал,
Юсупов понял, как и кем он стал:
В сиротской доле испытаний много,
Но, говорят, что тот отмечен богом,
Кто сквозь невзгоды шел на пьедестал.

В Искаке чуя знаний всех объем,
Что не скрывала даже скромность в нем,
Юсупов понял: он не пустомеля,

Не краснобай, а закаленный в деле
Работник, жить умеющий трудом.

Юсупов путь открыл ему во власть,
Где поработать можно было всласть:
Он комитета важного главою
Назначен был, в Ташкент, чтоб в новом строе
Мог кирпичи своих свершений класть.

Искак нашел работу для жены.
Они как прежде были влюблены
Друг в друга, но устала все же Роза
От переездов частых – жизни проза
Не украшала, право, Розы дни.

Но вновь Ташкент в объятья принял их,
И холодок в сердечке Розы стих:
Бодрила многоцветная столица,
Как будто вновь ворвалась счастья птица
В рай немудреный светлых душ двоих.

Ташкент надолго домом стал опять.
И двое быт решились украшать,
Готовясь через тернии – но к звездам;
Что ж, – свить гнездо порою лучше поздно,
Чем гордым небрежением – сломать.

Искак доволен службой был вполне,
С поддержкой же Юсупова – вдвойне:
Успехом начинания венчались,

И дни в работе так волшебнo мчались,
Как будто бы скакал он на коне.

Звезда Искака в этот год взошла.
И даже чьей-то зависти игла
Пока еще ужалить не пыталась;
Друзей былых компания распалась,
А новых жизнь немного им дала.

Искак людей ценил по их делам,
Поскольку был трудолюбивым сам;
В мечтах взлетая, был он в жизни скромнень,
В гостях старался быть со всеми вровень,
Со всеми вместе пел и танцевал.

Как старшим, так и младшим, он всегда,
Не глядя ни на пост, ни на года,
Ни резких слов не говорил, ни горьких, –
Людскую душу он ценил настолько,
Что не хотел поранить никогда.

Чинары корень взглядом не объять,
Но мощь ветвей заставит уважать
Свой корень всех, кто просто рядом будет;
Вот так Искака оценили люди,
Своим кыргызским сыном стали звать.

В нем зрелости прибавился накал,
*Наркомом*³⁰ просвещения он стал –

³⁰ Комиссар – нарком, народный комиссар, так раньше называлась должность министра образования.

Правительства главы всесильным замом;
Что ж, – назначал на пост себя не сам он,
И *туур*³¹ для лучших птиц – не пьедестал.

Хотя, конечно, весь Узбекистан
Теперь его заботой первой стал,
И слава впереди его бежала,
Его в поездках всех опережала –
В район ли ехал, просто на *хирман*³² ...

Он часто ездил – чтобы на местах
Все узнавать за совесть, не за страх;
Земля ему дарила вдохновенье.
Он побывал в заброшенных селеньях,
В больших и самых малых городах.

Он не жалел часов для встреч с людьми.
Порою, весь облепленный детьми,
В каком-нибудь селении безвестном
Расспрашивал с огромным интересом
Как здесь живут, каким им виден мир.

Совсем не развлечение, труд большой
Так относиться к людям – всей душой,
Вникая в беды, горести, желанья;
На том стоит, пожалуй, мирозданье –
В том силы есть, кто их в себе нашел.

³¹ Туур – место посадки для ловчей птицы.

³² Хирман – (узб.) полевой (хлопковый) стан, ток.

Все школы, вузы, техникумы он
Вел к совершенству, властью облачен
Следить не только за самой учебой,
За всем хозяйством просвещения, чтобы
Здесь не нуждались люди бы ни в чем.

Авторитет учителя Искак
Старался поднимать и так, и сяк:
То очень веским выступленьем в прессе,
То поощреньем всяческим на месте,
А то – зарплатой большей хоть на шаг.

Платил народ доверием ему:
Вот тот пример, когда лишь по уму,
Не по одежке, ценят, зная близко:
Народ узбекский весь народ кыргызский
Могли судить с хвалой по одному.

Народ не зря ценил так высоко
Не должность, нет, Исака самого:
Ценил – что он не льстив, что взглядом зорок,
Что с подлецами вспыхнуть мог, как порох,
Но распознать невинного легко.

Его слова порою как *албарс*³³
Разили тех, кого не в первый раз
Он уличил в невежестве и лени;
И – поделом! Зато был ласков с теми,
Кто жил на совесть, а не напоказ.

³³ Албарс – стальной меч.

Настало лето. Запахи цветов
Узбекистан извергнуть был готов
На целый мир – разливом ароматов;
Пора для всех трудолюбивых *сартов*³⁴
Расширить щедро круг своих трудов.

Выпускники ташкентских школ всю ночь
Гулять в цветущем городе непрочь:
Ведь позади экзамены, уроки...
Никто не знал, что грянул миг жестокий –
Что гибнет мир – и некому помочь.

Под утро весть, что грянула война
Всех подняла, задела всех она;
И днем, и ночью люди гибли скопом,
Родня не шла за каждым новым гробом,
Бесследно исчезали имена;

Пришла пора несчастий и невзгод.
Терпел большие бедствия народ.
А фронт все ближе, ближе надвигался...
Глубокий тыл, каким Ташкент казался,
Грозился стать республикой сирот:

Шли эшелоны: тысячи ребят
Они везли и день, и ночь подряд:
Выпускники вчерашние, студенты,
Рвались на фронт, забыв про сантименты –
Про славу, дождь из воинских наград, –

³⁴ Сарты - древнее название узбеков-земледельцев и равнинных таджиков

Любой, кому Отчизна дорога,
На фронт просился, чтобы бить врага
И победить – хотя б ценою жизни;
Отец, что был нередко с сыном призван,
Не за себя боялся – за сынка;

Вот так мелели семьи, и пути,
Что обещали к счастью всех вести,
Слились в тропу лишений и мучений;
Искал страдал: помочь не мог ничем он
Всем тем, кого он вел, за кем следил;

На фронт хотел бы он, но круг забот
Его стократ расширился в тот год:
Со всей страны в Ташкент на поселенье
Съезжались те, чье имя в поколениях
Не перестанет славить наш народ;

Съезжались и заводы, и цеха,
Театры, вузы, – знать, была плоха
На фронте обстановка, хоть и часто
Твердили сводки – мол, сегодня к счастью
Мы подавили численность врага...

Вот странность: здесь, в тылу, ученый люд
Без дела не сидел пяти минут:
Старались все назло врагу трудиться,
Идти вперед, быстрее в завтра влиться,
Ведь завтра ждал Победы правый суд.

Народ ташкентский крепко помогал
Всем тем, кто по нужде соседом стал:
Изведавшие голод, страх и муки,
С землею отчей в горестной разлуке,
Они сюда явились не на бал;

Ахматова – поэт всяя Руси,
Жила, уже почти лишившись сил,
И все ж Ташкенту посвящала строки;
И Коласа Якуба взгляд глубокий
Востока дух в творенья привносил;

Искак встречался с ними, и не раз,
Он от тоски обоих, может, спас
Своим участием, помощью, общением...
Огонь души – не это ль вдохновение,
Когда зажжен он сердцем ради нас?

Людей Искак старался поддержать.
Он сам забыл, что значит – сладко спать.
Он шел в народ – худой, с горящим взором, –
Как будто он размах беды измором
Через свою же плоть пытался взять.

Он не давал вползти унынию в щель,
Пусть эта щель – пустая колыбель;
Он призывал бороться для Победы,
Что всем воздаст по совести за беды.
И всем была близка такая цель.

Следил он сам – посев свершен ли в срок,
И стал ли выше шахт дневной урок,
На славу ли трудились хлопкоробы,
Чем медицина потчует микробы
И есть ли от исследований прок...

В иные дни метался он как зверь
От горьких и бессмысленных потерь
Людей, машин, скота, ресурсов прочих...
Росло число сирот – без ласки отчей
Страна садилась медленно на мель.

Искак спешил в приюты для сирот.
Он понимал: могло спасти народ
Взращенное с любовью поколение.
Чтоб беспризорник редким стал явлением,
Он был готов пролить и кровь, и пот.

Шли похоронки в семьи; эта весть,
Что называли «черной меткой» здесь,
Могла сломить любого безвозвратно;
К ним шел Искак: и сыном был, и братом,
Чтоб свет заботы в этот дом принести.

Испил он чашу горечи до дна,
Его за год состарила война,
Хоть выступал он также, с прежним пылом,
Его заботой искреннею было –
Всех окружить вниманием сполна.

Лишь на таких, как он, держался тыл.
Он ко всему привычному остыл,
Одна мечта: для фронта, для победы
Еще один рывок... и не последний...
Он о себе как будто бы забыл.

Он много ездил. В селах, в городах
Он о Победе в пламенных речах
Рассказывал, в людей вселяя веру;
Он кровью сердца речи те, наверно,
Писал ночами долгими впотьмах.

На русском, на узбекском говорил.
Он убеждал людей, что крепкий тыл –
Основа из основ Победы близкой;
Воспламенялись люди, словно искры,
Когда огонь души дарил он им.

Вагонами он фрукты отправлял
Солдатам, кто на фронте воевал –
Узбекам, русским, чувашам, кыргызам...
Советским людям, кто с одним девизом –
«За Родину!» – шли грудью на металл.

И каждую победу на войне
Здесь праздновали, радуясь вдвойне;
Раззаков отмечал на карте тотчас
Освобожденный пункт – пусть мелкий очень,
Но радости прибавивший вполне.

Искак по службе рос; за дни войны,
Так сблизилась с Юсуповым они,
Что стал Искак советником Усмана,
Секретарем ЦК... Совсем не странно,
Что в лихолетье лучшие видны.

В тылу остались дети, старики,
Да вдовы, да девчонки-мотыльки...
Искак велел развешивать плакаты,
Чтоб дух людской, чем Родина богата,
Не гас, а рос несчастьям вопреки.

К плакатам тексты сочинялись им:
«Мы Родину врагу не отдадим!»
«Все для Победы!» «Как трудился, где ты,
Чтоб был немного ближе День Победы?»
«Стыд – равнодушным, к обществу глухим!»

«Подумай, что ты сделал для отца,
Чтоб завтра с фронта встретить молодца?»
«Нельзя тоске с уныньем предаваться,
Ведь не за это муж твой должен драться!
В Победу верь, как в мужа, до конца!»

«Теперь твоя работа и моя –
Чтоб шла как прежде жизни колея:
Мы победим врага своим бесстрашьем,
Трудом в цеху, на шахте ли, на пашне, –
Придем к Победе вместе: ты и я!»

Дня не хватало, чтобы все свершить,
И так привык Искак годами жить.
Он по ночам без усталости трудился,
Он у войны терпению учился,
Чтоб дух бойца упрочить и развить.

Как член Бюро, Раззаков был готов
Объездить сотни сел и городов,
Чтоб порученья партии как надо
Исполнить в срок; за то была наградой
Улыбка – хоть на миг! – сирот и вдов.

Он не любил незавершенных дел,
Считая, что бездельников удел –
Все оставлять на завтра, послезавтра...
Он удивлялся: нет у них азарта
Увидеть плод, каким бы он созрел.

Искак не верил в «счастье для себя»:
Ведь неразрывна личность и судьба
Его семьи, страны и всей Отчизны;
Он понимал, что вправе ждать от жизни
Хотя б ладони ласковой у лба,

Но каждый миг и час, и каждый день
На всё войны ложилась злая тень;
Народ страдал, и сын народа – тоже:
Искак потери слышал сердцем, кожей,
Едва раскрыв военный бюллетень.

Узбеки фронту фрукты, скот, зерно
Все отдавали – веруя в одно:
Что сытый воин – он отважный воин,
К тому же он посланьем успокоен,
Мол, дома, там, еды еще полно.

По сути фронту этот дальний тыл
Все отдавал: запас еды и сил,
И кровь свою сдавали люди скопом,
Чтоб всем хватало раненым в окопах,
Чтоб наш боец сильнее вражьих был.

Вот почему, наверное, бойцы
У нас такие были храбрецы
В любом бою, и даже в рукопашном;
За день грядущий и за день вчерашний
Стояли насмерть братья и отцы.

Раззаков был с людьми в одном строю,
С судьбой страны он слил судьбу свою,
Он голодал и мерз с народом вместе,
Не предал он ни совести, ни чести,
И стал примером всем в родном краю.

В войне уже случился перелом:
Теперь советский воин напролом
С востока шел, освобождая запад.
Враг отступал. Его смердящий запах
Уже слабел за Вислой и Днестром.

Мечтала о Победе вся страна.
Была Победа всем уже видна.
Станки гудели в три, в четыре смены.
Дороги, словно вздувшиеся вены,
Движеньем войск заполнила весна.

Солдаты гибли, похоронки шли...
Но все в душе надежду берегли:
Еще чуть-чуть! Еще рывок – последний!..
И днем, и ночью ждал Искак победный
Сигнал освобождения земли:

От нечисти фашистской, от беды...
Поля, казалось, ждут, и ждут сады...
Однажды, чуть забрезжил луч рассветный,
Пришел в Ташкент веселый клич победный:
Мы победили! Вместе – я и ты...

Искака Роза, плача, обняла,
Сперва сказать ни слова не смогла,
Потом, целуя мужа, закричала:
«Победа! *Суюнчу!* Войны не стало!...»
По радио к ней эта весть пришла.

Бскак вскочил с постели в тот же миг,
К ней в поцелуе радостном приник,
Поднял на руки, закружился с нею...
Чтоб этот миг прочувствовать полнее,
Он выпил, хоть к *шарапу* не привык.

Обжег напиток горло, ну и пусть!
Он распахнул окно в избытке чувств:
Ташкент пылал от толп краснознаменных,
Напоминая полчища влюбленных
Все повторяли новость в сотни уст.

На площади парадной весь народ
Ждал выступлений партии; вперед
С трудом Искак пробрался до трибуны;
Там выступал Юсупов с речью бурной,
Слова сей миг придумывая, влет.

Юсупов всем напомнил, сколько лет
Они путем бесчисленных побед
Пришли к одной единственной Победе:
Все воевали – старики и дети...
Оваций гром гремел ему в ответ.

Искака он обнял, поцеловал,
Поздравили друг друга – целый шквал
Горячих чувств стоял за поздравленьем...
Неведомо – поймут ли поколения,
Какой рассвет с Победой наступал!

Народ все силы отдал, чтоб сейчас
Не отирая слез с горящих глаз,
Стоять на первом мирном совещанье...
Здесь было все – с погибшими прощанье,
Молитвы тех, кого всевышний спас...

Все были словно спаяны навек:
Как миллионноглавый человек
Толпа одним дышала чувством – счастьем,
Хоть боль жила и жгла сердца отчасти,
Но в этот миг ее огонь поблек:

Слова Вождя народов в глубь толпы
Из черных репродукторов судьбы
Слетали вниз, весомо, четко, зримо,
Теперь дышать боялась площадь: мимо
Слова Вождя не пролетели бы...

Душа Искака словно взмыла ввысь:
Его мечты воистину сбылись:
С народом вместе он пришел к Победе,
И Вождь народов только что отметил,
Что тыл и фронт в один порыв слились!

Теперь сказать пришел его черед...
Речь оценить всегда умел народ:
Узбеки называют «сладкой речью»
Ту речь, что, растекаясь, словно речка,
Дает сердечным чувствам вольный ход.

Искак в словах лукавить не привык,
Он признавал лишь истины родник,
И потому слова его сверкали
То нежным шелком, то – острее стали,
Переходя легко на тот язык,

Что в данный миг полнее чувства нес...
Он отвечал как будто на вопрос
Любой – что только зрел в людском вниманье;
В словах его, казалось, било пламя,
Звучала боль, рождая вспышки слез...

Он от любви светился, этот свет
Рождал любовь стократную в ответ,
Измученные люди крылья снова
Вдруг обрели в ответ на это Слово,
Рожденное из боли прошлых лет.

Юсупов был доволен, как всегда,
Советником своим – его звезда
С раззаковской горела, в общем, рядом.
Что ж, в сорок пять командовать парадом –
В работе раствориться без следа...

xxx

Вот так четырехлетняя война,
Закончилась победой. Времена
Настали, чтоб лечить увечья, раны...
Не пострадали так другие страны,
Как наша, где чумой прошла война.

В Москву рвались фашисты, чтоб парад
Там провести – их встретил снегопад

И русских зим неистовая сила;
Их жег свинец, зима морозом крыла,
Чтоб поддержать советский дух солдат.

Война уроком стала странам тем,
Что примеряли гитлеровский шлем –
Рогатый шлем со свастикою дикой...
В Москве, на Красной площади великой
Прошел парад на зависть дуче³⁵ всем:

К подножью Мавзолея Ильича
Дровами флаги Гитлера с плеча
Бросали победители брезгливо;
И Сталин улыбался им, счастливый,
Каким народ советский был в тот час;

За Родиную наблюдал кумир.
Страна входила в долгожданный мир.
Немного робко, трепетно и нежно
Любовь в сердцах всходила как подснежник,
Хотя справляло лето щедрый пир,

И *шабдалы*³⁶ уже краснел бочок...
Укутавшись в прозрачный *улбурчок*³⁷
С намеком на желанную помолвку,
Девчата с тайной верою в уловку
На женихов готовили сачок.

³⁵ Дуче – руководитель фашистской организации.

³⁶ Шабдала – сорт персика.

³⁷ Улбурчок – тонкая, прозрачная материя. Очевидно, имеется в виду паранджа.

В аллеях тень лежала широко.
Дышалось только к вечеру легко.
Позвал к себе Раззакова под вечер
Усман Юсупов; встал – широкоплечий,
И вскинул бровь с вопросом на него:

– Согласны ли во Фрунзе ехать Вы
Иль здесь остаться впредь? Прошу, увы,
Мне дать ответ, три дня подумав только,
Хотя спешить, пожалуй, нету толка.
В любом решении будете правы...

Искак такого словно ожидал,
Но ничего ответно не сказал.
Три дня с женой они решить пытались,
Как дальше быть? Своей судьбой вписались
Они в Ташкент, но край родной позвал...

Их мысли не могли сойтись в одном.
Был растревожен их семейный дом:
Ночами даже спорили сердито...
Была жена сомненьями разбита,
Но знала: дело в муже, только в нем:

Раз сам Усман Юсупов предложил –
Он, зная весь расклад партийных сил,
Не смог найти достойнее Искака
На новый пост... Пряма судьбы атака,
И благороден, значит, этот пыл.

Быть может, дух родителей к себе
Позвал чету, и поворот в судьбе
Сулит не только трудности лихие?..
Вот так семья, покорная стихии,
Вручила жизнь неведомой арбе.

Раззаков объяснил решение так:
Что предков зов расслышишь и впотьмах:
Зовет отчизна – значит, вышли сроки
Оставить все привычные дороги
И навестить родной отцовский прах.

Юсупову понравился ответ.
Но потерпеть он дал ему совет:
– Пусть между нами будет вся беседа,
Я должен был узнать решение это,
Чтоб претворить его без спешки в свет.

Сказал он это, словно старший брат.
И знал Искак, что слов своих назад
Не брал Юсупов, что бы ни случилось.
Искак не знал – награду, кару, милость
Сулит ему таинственный расклад?..

... Был мир в душе у Сталина. Война
Ушла навек в иные времена.
Как ласточки, что лепят гнезда стойко,
Не плача над разрухой, – новостройкой
Была сполна охвачена страна.

Кремлевский гений мысленно страну
Оглядывал, как вотчину одну;
Он знал о нуждах всё любого края,
И, непотухшей трубкою играя,
Распахивал на карте целину;

Секретарям ЦК республик всех
Сулило приглашение в Кремль успех:
Уж коли дал товарищ Сталин слово –
Оно в дела ложилось, как основа,
И помогало в завтра взять разбег.

Юсупов с этой мыслью прибыл в Кремль,
Привез отчет, и между прочих тем
Вождю сказал задумку про Искака.
У Сталина была одна поправка:
Сказать подробнее – где работал, с кем...

Усман был краток: вес его велик,
Любим народом, знает тот язык,
С которым будет править на просторе;
Трудолюбив, правдив, и в годы горя
Он, дух бойцовский выдержав, не сник.

– «Раззаков – личность, нет ему цены!
Ему доверить можно курс страны,
Где он рожден, где предков дух витает...»
И понял вождь: Юсупов твердо знает,
Что говорит, слова его верны.

Но промолчал в ответ: он не любил
Пускать свои эмоции в распыл.
Прощание скрепив рукопожатьем,
Они тепло расстались, словно братья.
«Ах, если б только Сталин не забыл!» –

Усман подумал, зная, сколько дел
Решает вождь без отдыха – удел
Всех, облаченных властью бесконечной...
Дни шли за днями по дороге Млечной
И уходили в вечность – за предел.

Юсупов вести ждал. И – наконец:
Кумир Кремля, народов всех отец
Раззакова к себе однажды вызвал.
Искак не знал: рожденье или тризну
Ему назначил вызовом творец.

«О, как с вождем я встречусь?! Эта весть
Возвысив дух, достоинство и честь,
Меня повергла все-таки в смятенье...
Что я скажу? Ведь Сталин – это гений,
Кто перед ним я в жизни этой есть?!...»

Искак об этом думал день и ночь.
Никто не мог в сомнениях помочь.
Боялся он стеснения и спешки,
Боялся, что его, как будто пешку,
С доски судьбы сметут внезапно прочь.

...Вот для него открылась эта дверь,
Откуда можно выйти без потерь,
Сумеешь если быть, а не казаться.
Пожали руки. Перестав бояться,
Искак в вождя взгляделся – ведь не зверь,

Отец народов, – он еще не стар,
Но, видимо, безудержно устал...
Проникшись вдруг сочувствием, Раззаков
Теперь уже в вожде величья знаков
В смятенье чувств и мыслей не искал.

А Сталин, чуть прищулив левый глаз,
Сказал ему с улыбкой: «Помню Вас!
Вы на узбекский и таджикский с ходу
Переводили речь мою народу,
Без устали, мне помнится, трудясь...»

Искак был ошарашен: десять лет
Прошло с тех пор, – он помнит этот съезд,
Но как запомнил вождь его, мальчишку?!..
В народе верят, – он-то думал слишком, –
Что вождь народов видит все окрест.

А Сталин, улыбаясь, продолжал:
– «Усман Юсупов рекомендовал
Мне Вас – как человека без изъянов,
Без спеси, без распахнутых карманов...
Сказал – партийный ценит Ваш накал!

Решили в Кыргызстан направить Вас:
Правительством и всем сознанием масс
Руководить с душой и твердой верой, —
Учить тому не надо Вас, наверно...
Своей отчизне Вы нужны сейчас!

Народ кыргызский, как известно мне,
Сражался храбро в нынешней войне;
А, впрочем, в историческом раскладе
Жил брат-кыргыз не раз победы ради...
Характер предков ясен Вам вполне.

Не зря Манас — воинственный герой,
За коего стоите вы горой, —
Чтут в Кыргызстане символом народным;
Наследство Ваше — сильный дух свободный,
Бережь наследство надо, дорогой...»

Искак в беседе скован был сперва,
Но вдруг пришли заветные слова —
Он поддержал беседу столь умело,
Легко, красиво и со знанием дела,
Что вождь вставлял лишь реплики едва.

Он точно, веско, кратко говорил —
Что Сталин скуп на время, — не забыл,
И все ж сполна пытался все озвучить:
Когда еще на жизнь придется случай —
Чтоб Сталин побеседовать просил?!

В конце концов сказал спасибо он
За то, что флаг Киргизии вручен,
Что Кыргызстан – Республика отныне,
И это не племен каких-то имя,
А знак того, что весь народ сплочен...

Весь окрыленный ехал он назад.
Спеша сказать Юсупову *рахмат*³⁸,
Пришел в ЦК, не заходя домой он;
Юсупов этой вестью был доволен:
Теперь Раззаков стал ему как брат.

Еще заметил радостный Усман,
Что то и дело вспомнит Кыргызстан
Искак – не в русле слаженной беседы;
Юсупов это счел своей победой:
Ему, Усману, дар провидца дан.

Искак ценил свой взлет, и все же он
Был грустью безысходной опален:
В Ташкенте, здесь, судьба его сбывалась,
Здесь голодал он, мерз, – но это малость,
Он здесь же был любовью опьянен;

Здесь дни прекрасной юности прошли,
Он здесь учился – знания всей земли
Ташкент ему вручил: его богатство,
Позволившее в жизни состояться...
Здесь птицу счастья с Розою нашли.

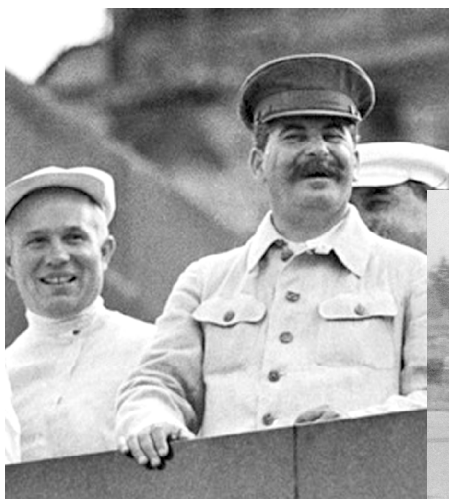
³⁸ Рахмат – спасибо.

Он старше стал – таким, каков он есть,
Обласкан славой, – ум его и честь
Известны всем, и здесь же дело жизни...
Он позабыл о той, родной, отчизне,
И вот она ему прислала весть.

Но как же корни вырвать из земли,
Где годы возмужания прошли?
Привык к воде он этой, к хлебу, соли...
Как пережить прощание без боли?
Друзья-узбеки проводить пришли.

Он благодарность высказал, как мог,
Друзьям, Ташкенту – всем, кто *стать* помог, –
Земле, народу, что семьею чтил он...
В дороге весть отчизны получил он:
Дохнул полынный Чуйский ветерок.

Когда-то сирий маленький Искак
Шагал в Ходжент, покинув свой Ляйляк.
И вот вернулся – тридцать пять от роду,
Не сирота, а сын всего народа
Пришел нести народа гордый флаг.

АЛА-ТОО – ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

Зима стояла, но земли тепло
Как будто в душу издали текло,
Рождая чувство искренне-простое:
Земля отцов! Подножье Ала-Тоо
Туманом, как фатой, заволокло.

Казалось – не работа, не дела, –
Сама судьба к истоку привела
Раззакова осознанную зрелость;
Он понял: тайно этого хотелось,
Вот почему сюда дорога шла.

Он день и ночь был в мысли погружен.
Начать с нуля непросто; видел он
Наследство автономии – заплаты
Всего хозяйства, низкие зарплаты,
Затраты – там и сям со всех сторон.

Он, словно пленник дум, без сна томясь,
Свершений, дел нащупывая связь,
О будущем Республики Кыргызской,
Родившейся едва, до боли близкой,
Все размышлял, мечтою торопясь.

Край Ала-Тоо обновленья ждал.
Искак Раззаков это понимал,
Что пастухи, ученые, крестьяне
Ждать от него решений мудрых вправе,
Раз он в хозяйстве ныне главным стал.

Эпоха изменилась. Нищета,
Послевоенных чаяний тщета,
Всего нехватка – рук, машин, заводов;
Хотя в войну, в ее лихие годы
Завод крупнейший привезен сюда.

Все изменилось – люди, их мечты.
И надо всё решать без суеты.
Диктует время новые задачи,
И подходить к ним надобно иначе:
К решению их тропинки все круты!

Он вечерами подводил итог:
Что он свершил и что придумать смог,
Переживая: «Как народ расценит
Мою тщету придумать панацею, —
От истощенья излечить исток?»

Смогу ли я доверье оправдать —
Республику богатую создать?
Мне доверяет партия, Отчизна,
Народ советский весь... Не хватит жизни
Мне этот долг, не выполнив, отдать...»

Назойливо в мозгу его кружась,
Такие мысли вновь, в который раз
Смущали ум, парализуя волю...
Он рассердился и вскричал: «Довольно!
Я никогда лицом не падал в грязь!»

Чтоб выполнить партийный долг, Искак
Собрал всю волю мысленно в кулак,
Изгнал сомненья, расчертил маршруты
Всех дел своих — до мига, до минуты,
Чтоб не попасть в тупик или впросак.

Со дня Победы целых двести дней
Уже прошло, война же всё больней
В сердцах осиротевших отзывалась:
Ведь без кормильца детство, да и старость,
Зовется горькой долей у людей.

Не начал таять черный лед войны.
О нищете Исаку снились сны,
Болело сердце, вновь вились сомненья...
Но он поклялся: новым поколениям
Поможет он вступить в расцвет страны.

Пока его измученный народ
В слезах ложится и в слезах встает –
Беспомощный, оборванный, голодный, –
Он, их глава, минуты знать свободной
Не даст себе, чтоб рухнул черный лед!

Воспринимал как груз своих долгов
Он тяготы сирот и стариков,
Что всю войну работали безмерно;
И горе вдов, их подвиг беспримерный
В тылу за всех своих фронтовиков.

Он думал: «Если б только не война!..
Парней сгубила тысячи она,
А ведь сейчас могли бы стать отцами!
Лежат в могилах... Только память с нами
О них в сердцах теперь живёт сполна.

Они сейчас бы на родной земле
Трудились на заводах, на селе –
Пасли бы скот, подняли б новостройки,
Растили хлеб, укладываясь в сроки,
Да стариков бы холили в тепле;

Больницы, школы б строили, пути,
И сами как цветы могли б цвести», –
Раззаков, отвлекаясь от работы,
Досадовал, но в прежнее болото –
В сомненья – не давал себе сойти.

Он в Ала-Тоо – в горных кишлаках,
В аилах обмелевших, в городах –
С людьми встречался, в их вникал заботы,
Добавив сердцу боли, дням – работы...
Без встреч работа шла бы как впотьмах;

Он истощил бы ум без этих встреч,
Впустую израсходовал бы речь
И растерял впустую вдохновенье:
Ведь цель ясна и все верны решенья,
Когда любовь стараешься сберечь.

Любовь отдачей жертвенной жива –
И это не расхожие слова,
Что доказал Искак себе на деле:
Проблемы уходили и редели,
Как сквозь бурьян сухой растет трава.

А время шло, его неспешный ход
Толкал и экономику вперед.
Ведь время боль утрат сердечных лечит:
Встал Ала-Тоо, распрямились плечи,
Восстал от слез измученный народ,

Мосты, дороги строились окрест,
Канал копали люди – с разных мест
Прибыв в столицу, *методом ашара*¹
Киркой, лопатой да сердечным жаром
Вели на пашни речек блавест;

Страна нуждалась в хлебе и руде,
В угле и хлопке, строились везде
Аптеки, поликлиники, больницы...
Искаку начало ночами сниться
Как он идет босой по борозде

И сеет, сеет – детские сады,
Заводы, вузы, школы... А следы
Вспухают вслед вопросами и стонут:
Театры где? Музеи? Стадионы?..
А всем посевам хватит ли воды?..

И каждый день, начавшийся едва,
Ему уже качал свои права:
Ты должен быть и там, и там, и там бы...
Мешали дел сиюминутных дамбы,
От перегрузок ныла голова;

Но успевал он многое, и вот
Его на щит поднял родной народ –
За адский труд, за бдение ночами,
За то, что жил сполна его печалью, –
Пришло и уваженье, и почет.

¹ Метод ашара – бескорыстная взаимовыручка, совместное строительство

Хоть с языками был Искак в ладу,
Он свой родной, кыргызский, на беду
Слегка забыл, отпрянув от истока;
И, совершенства жаждал он поскольку,
Учить язык он начал на ходу.

В любых делах, в профессии любой
Язык с годами возникает свой –
Из терминов порою состоящий,
Вливаясь в общий, полный, настоящий
Язык, запас пополнив золотой.

Искак вникал в работы – и язык,
Что в нем звучал как маленький родник,
Все расширялся, рос бурлящей речкой...
И вот уже он мог похвастать речью,
К какой в других наречиях привык.

Вошло в привычку чтение книг, газет
На языке родном – и, спору нет,
Язык кыргызский стал настолько важным,
Что он себя ловил, и не однажды,
Что думает на нем в пылу бесед.

Он с краснобаем мог поспорить влет –
И побеждал, как мог судить народ,
Коль раздавать бы вздумал им короны;
Что ж, корни – да, – всегда важнее кроны,
Родной язык – основа, не приплод.

Он как орел, поднявшись высоко,
Всё охватил вниманием легко,
Дела решая будто бы спонтанно,
Не показав, как сердце ноет раной,
Как в суть он проникает глубоко;

Он про людей на миг не забывал:
Он углекопом мысленно бывал,
Строителем, шофером, хлеборобом,
И сиротой, что над родимым гробом,
Как он когда-то сам, сидел, рыдал...

Бесстрастный внешне, он любил людей
Гораздо больше, что полет идей
И громадьё – пускай великих – планов;
Не разбирая всех родов и кланов,
Он в кыргызстанцах чтит своих детей.

В НАРЫНЕ ПОДНЕБЕСНОМ

В Нарын впервые он поехал в год,
Когда в язык родной, как в сладкий плод
Он вгрызся, вьелся до самозабвения...
Что ж – горцы смогут оценить уменье,
С каким он речь кыргызскую ведет.

Лишь год по окончанию войны
Все отмечали в гомоне весны:

Трава Тянь-Шань покрыла, реки вздулись,
Бойцы – кто выжил, – все уже вернулись
И гнали скот на выгон в эти дни.

На встречу все *кочкорцы*² собрались:
Увидеть, кто Раззаков, мол, – кыргыз,
А, может быть, таджик, узбек ли, *орус*³?
И стар, и млад – расселись все, не ссорясь,
Подростки же на травке разлеглись;

Вознаграждением встреча им была:
Все жители далекого села
Увидели оратора, трибуна
И просто человека – встреча бурно,
Как в шумных дружных семьях, протекла:

Он без запинок, дельно говорил,
Свои идеи мудрые дарил,
Вникал в вопросы, и на них ответы
Лились, как долгожданные заветы
Отца, что с ними беды пережил.

Подсказок и шпаргалок ни одной
Он не имел, а думал головой,
Симпатию беседой вызывая;
И неба синь, и теплый ветер мая
Вплетались в речь, и вторил ей *торгой*⁴.

² Кочкорцы – здесь: жители села Кочкорка Нарынской области.

³ Орус – русский.

⁴ Торгой – жаворонок.

Все убедились: дельный человек,
Он совершит немало в этот век,
И свой – настолько, словно здесь родился,
Отары пас и жизнью с общей слился,
И от истока мощный взял разбег.

Торгой над головой изнемогал,
Гуляло эхо в чашах, в складках скал,
Чтоб соловьев умножить переливы...
Раззаков ехал радостный, счастливый:
Его нетерпеливо ждал Жумгал.

Жумгал овеян тайной был в веках,
Здесь даже воздух сказами пропах,
Земля священной издревле считалась;
Изустно память здесь передавалась
О воинах, героях, мастерах;

Здесь родина *Мыскал*⁵, *Бюбюсара*⁶,
Здесь рос *Калык Акиев*⁷ до поры,
Пока на все края не стал известен;
Здесь, *Муратбек*, *Мидин*⁸ когда-то вместе
Азы учили жизненной игры...

Вода волшебна ль, воздух богом дан
Такой, что расцветает здесь талант?
Жумгал в ковер искусства Ала-Тоо

⁵ Мыскал – певица-комузистка Мыскал Омурканова.

⁶ Бюбюсара – балерина Бюбюсара Бейшеналиева.

⁷ Калык – поэт-импровизатор Калык Акиев.

⁸ Мидин и Муратбек – поэт Мидин Алыбаев, актер Муратбек Рыскулов.

Немало ярких нитей вплел, и снова,
Быть может, он прославит Кыргызстан.

В Жумгале выступая потому
Искак робел: высокий по уму,
Он не блистал талантами артиста;
Но речь его была настолько чистой,
Что шквал оваций выпал здесь ему.

Все слушали, дыханье затаив,
Не речь лилась как будто, а мотив
Мелодии, что лечит людям души;
Он, дань отдав былому, о грядущем
Сказал, как спел, мечтою опалив.

Он выдержал экзамен! – понял сам
По грохоту оваций, по глазам,
По смеху, что ему в ответ на шутку
Толпа взрывалась дружно на минутку,
Заставив птиц умчаться к небесам.

Он говорил понятные слова.
Что не поймет иная голова –
Ей тут же сердце мудрое подскажет;
Текла беседа ровно, словно пряжа,
И мир, и лад вступили здесь в права.

Раззаков говорил, что горный край
Свой привнесет богатый урожай
В грядущий день республики кыргызской,

Как будут завтра жить они – без риска,
С дорогами – любую выбирай!..

Все планы без утайки выдал он.
Народ жумгальский встречей был пленен
И проводил Искака с уважением.
Пришел эскорт правительства в движение:
Теперь к Нарыну направлялся он.

Хотя Нарын был с виду неказист,
Зато похож на чистый белый лист,
Где начала История записки:
Мол, в этом центре области кыргызской
Еще герой родится, и артист,

Ученый, и политик, и поэт;
Здесь будут и театры, спору нет,
Музеи, стадионы и больницы...
Все то, что по ночам Искаку снится,
Чего пока в столице даже нет.

В Нарыне от *Кюи*⁹ проснется мысль,
На *чертмеке*¹⁰ мотив, взвиваясь ввысь,
Мечтой красивой возвышая души,
Заставит петь с рожденья здесь живущих –
Блажь стариков ли, девичий каприз...

⁹ Кюи – сюжетный наигрыш на комузе.

¹⁰ Чертмек, - музыкальный инструмент, синоним слова комуз.

Все песни у Нарына впереди:
Прислушаться – младенец у груди
Уже рулады первые выводит;
Здесь музыка как свет живет в народе,
Конца и края нет ей здесь, поди...

Село Чаек проехали; Нарын
Ревел, меж гор вбивая бурный клин;
И город в этом гордом львином реве
Жил день и ночь, впитав напевы кровью,
В тени всегда белеющих вершин.

Нет холодней и чище в мире рек.
Всех напоив, река берет разбег
В края, где *Тоголок Молдо*¹¹ родился
Где петь у горной речки научился,
Как и его предтеча – *Арстанбек*¹².

Река бурлит все время, вскачь бежит,
Ее мотив с *кюи* людскими слит,
Не разберешь уже в пылу наитий –
Создатель кто, а кто же исполнитель?
Душа – река: ни та, ни та не спит...

В Нарыне с речью выступил Искак.
И вновь народом был он принят так,
Что мог гордиться он собой и речью,
Ведь здесь, в краю снегов и троп овечьих,
Язык исконный знал любой бедняк.

¹¹ Тоголок Молдо – акын-просветитель.

¹² Арстанбек – акын, сказитель, манасчи.

Народ был полон горечью войны.
Настанет время – он забудет дни,
Когда *шорпо*¹³ бывает только в праздник,
Когда раздет-разут и сын-проказник,
И дочь-невеста – стыдно от родни...

Раззаков счастлив был среди людей
Дарить размах рожденных им идей,
Великих планов преобразования
Труда, культуры и образования,
И рисовать им стройки новых дней.

Легко, свежо он строил речь теперь,
Язык отцов освоил он, как трель
Осваивает отпрыск соловьиный
В густой чащобе ночью лунной, длинной,
Чтоб в мир любовь обрушить без потерь.

Тянь-Шань богат отвагою людей.
Раззаков в речи пламенной своей
Назвал героев, вспомнив все легенды,
И вновь не раз сорвал аплодисменты,
Назвав героев новых трудных дней.

Нарынский люд приветив от души,
Отправился Раззаков в Атбаши.
Так высоко в горах еще он не был.
В снегах вершин как будто нежит небо
Луны и звезд огромных миражи;

¹³ Шорпо – мясной бульон.

А утром солнце раньше всех сюда
Приходит, тьму съедая без следа,
В сугробах эдельвейсы зажигая ...
Владенья молодого вечно мая –
Борьба травы и снега здесь всегда.

И здесь людей война коснулась так,
Что был любой из выживших – бедняк:
И хлеб, и скот они отдали фронту,
Трудились сами до седьмого поту,
Забыв про *боорсоки*, *беш бармак*,¹⁴

Лепешку поделив на четверых,
Жевали *сарымсак*¹⁵ и черный жмых...
Но вкус Победы был им слаще меда –
Она пришла стараньями народа,
Упорством всех людей и волей их.

Искак смотрел в их лица – радость, свет,
Как будто не они вкусили бед,
Таких, что их представить даже трудно...
Глаза смеялись, улыбались губы,
Лились вопросы, требуя ответ.

Раззаков с речью выступил, как друг:
Ему велел так сердца тихий стук,
Чтоб без зазнайства и высокомерья
Он говорил с людьми, что в полной мере
Познали с лишком боли, тягот, мук;

¹⁴ Боорсок, беш бармак – названия национальных блюд.

¹⁵ Сарымсак – дикий горный чеснок.

Он о войне напомнил: боль утрат
Еще тянула помыслы назад;
Но рассказал задумки о грядущем,
Да так, что планы всем запали в душу, —
Повеселел и ожил стар и млад.

Раззаков, выступая, понимал,
Что вновь экзамен трудный он сдавал:
На выдержку, на знания, на волю;
Как испытанье — сколько съел он соли
С народом, чьи надежды представлял.

Народ узнал — каков он, лидер их:
Пожалуй, выше лидеров других,
А главное, что свой он — плоть от плоти...
Оценки эти шли уже в народе.
Но, в речь вникая, вновь народ затих.

Но каждый видел: лидер мудр и тверд,
И беззаветно служит целый год,
И так готов служить десятилетия...
Раззаков смолк. С вопросом — кто ответит? —
Он ждал теперь, чтоб выступил народ.

Что ж, горцам речь ответную держать —
Не так легко, как в стойбище скакать,
Однако много мыслей наболело...
Один, другой встает: «Такое дело...»,
И дальше вскачь, — как иначе сказать? —

- Нехватка всех насущнейших вещей...
- Как без больниц рожать нам малышей?!..
- Чиновникам плевать на нужды горцев...
- В горах стократ труднее все дается...
- Столица прет просителей взашей...

И о хапугах жесткие слова
Народ сказал – мол, выбьется едва
В начальники, и ну тягать в подворье
Добро колхоза... В селах – вор на воре:
Хвосту всегда примером – голова...

Один сказал, что льется кровь опять –
Мол, здесь, в глуши, врагов не сосчитать...
Что здесь *кийиков*¹⁶, птиц и рыб по рекам
Истреблено так много человеком,
Что внукам их в глаза не увидеть.

- Следы войны не стерты до сих пор.
- Учителей не стало в школах гор.
- Фонд семенной в колхозах весь загублен.
- Лес вековой хищнически порублен,
А власть молчит – так кто же главный вор?..

Пришлось несладко тем, кто на местах
Власть представлял: иной, скрывая страх,
Пытался в шляпу спрятаться до носа,
Другой за папиросой папиросу
Курил, роняя пепел словно прах.

¹⁶ Кийик – горный козел.

Искак на все вопросы отвечал,
Ответственных не просто отмечал,
А заставлять отчитываться гласно;
И в Атбаши, конечно, не напрасно
В Раззакова поверил этот зал!

Ум горцев словно ловчей птицы взор
Прицельно-ясен, проникая в спор
До самой сути каждого вопроса,
И провести народ такой непросто,
И зря болтать не любят люди гор;

Традиции народа своего
Здесь свято чтят, как требуют того
И предков дух и боги всей природы...
«Учиться надо этому народу,
Дадутся знания мира им легко!» —

Искак подумал... Встреча шла к концу.
Он обратил внимание: как к отцу,
Все к *аксакалу*¹⁷ в зале обращались.
Он поспешил, пока не попрощались,
Из-за трибуны выйти к мудрецу.

Его не портил ни согбенный стан
И ни верблюжий выцветший *чапан*¹⁸ —
С достоинством Раззакова он встретил,
По старому обычаю приветил,
Как будто бы возвел в высокий сан.

¹⁷ Аксакал — старик (почтительно), убеленный сединою, мудрец.

¹⁸ Чапан — верхняя мужская одежда, типа плаща.

Раззаков расспросил о том, о сем:
Как он живет, большой ли держит дом,
Что пережил, хлебнул ли дальних странствий...
Охотно, многословно, без жеманства
Поведал тот, чем в жизни он ведом:

Он вырос здесь талантливым *ырчы*¹⁹.
Не приобрел он славы *Боогачы*²⁰,
И далеко ему до *Казыбека*²¹,
Но в мастерстве он тоже не калека,
И бог от песен дал ему ключи.

Он молодым ершист был, дерзок, смел,
Верхом лететь как птица он умел,
Зазнался так, что боги проучили:
Его сына в войну враги убили.
Задор пропал и даже голос сел.

Он в муках и лишениях войны
Без песен жил, как все, в лихие дни,
Учителем работал в сельской школе,
Без песен выходил работать в поле,
Без песен, без потомства, без жены.

Стал замечать, что дядьки с бородой
Зовут его «*агай*»²², и, сам не свой,
В людей вгляделся: тетеньки в морщинах

¹⁹ Ырчы – певец, импровизатор-музыкант.

²⁰ Боогачы – поэт, мелодист.

²¹ Казыбек – поэт-заманист, репрессированный в 30-е годы прошлого века.

²² Агай – обращение к старшему по возрасту мужчине, здесь: учитель.

Его «агай» зовут, а не «мужчина»,
Так, значит, он отныне пожилой. . .

«В душе теперь зазнайства нет, а спесь
Переросла в достоинство и честь,
И я теперь, пожалуй, больше стою;
Я вновь пою, но только про другое:
Другим найти себя поможет песнь. . .»

Еще старик добавил от души:
«Ты – сильный козырь; чаще тормоши
Зажравшееся местное начальство.
Твои слова сильны и без зазнайства:
Раз ты силен – и речи хороши!

Ведь слово начинается из дел.
Значенье слов – не умысел, удел:
К другим делам пути определяя,
Из новых слов опору подбирая,
Слова ведут в назначенную цель!..»

Авторитетный мудрый аксакал
Из слов своих большой совет соткал.
Раззаков понял смысл его глубинный,
И сам в ответ задал вопрос невинный –
Объем его богатств велик ли, мал?

Старик легко ответил на вопрос:
«Нет, груз вещей с годами не возрос,
Достаток прибывает, убывает,

И лишнего, пожалуй, не бывает,
Но я богат – ответу Вам всерьез:

Богат на чувства, творчество, мечту –
Не променяю их на суету
Быть сборщиком заведомого хлама
И скрягой слыть среди родного клана,
Не делящим ни радость, ни беду;

Люблю я жизнь свою – пускай скромна,
Зато со всеми делится она
Мечтой и песней, радостью и грустью...
И пусть исток оценится по устью.
Прекрасна жизнь, и этим лишь ценна!..»

Раззаков попрощался с мудрецом,
Сердечно, как с утраченным отцом.
Ему с поклоном дали в белой чаше
Кумыс, землей и травами пропахший,
Когда уже он вышел на крыльцо.

Так гостя, что пришелся по душе,
Благодарят, прощаясь с ним уже...
Из Атбаши Раззаков возвращался
Довольный – как с роднею пообщался
На этом дальнем горном рубеже.

НА ПРОСТОРАХ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Раззаков был с досугом незнаком:
Он, как скакун горячий, жил – бегом,
И шел на службу утром быстрым шагом,
Весь погруженный в мысли, как в бумаги –
Когда за стол усядется, – потом.

Зато домой идет он не спеша,
Когда довольна сделанным душа,
Любуется деревьями, домами,
И люди с ним здороваются сами,
И он – в ответ, слегка замедлив шаг.

Его рукопожатия теплы,
Слова – душевны, ласковы, милы;
Светлеют лица после этой встречи,
Им каждый встречный как родня отмечен:
Они по крайней мере – *агалы*²³.

С людьми он вправду чувствовал родство:
С рожденья обостренное чутье
Подсказывало – брат ли, враг ли встречен;
Он не был, нет, доверчиво-беспечен,
Во всем надеясь лишь на естество;

Людей он видел: в ком опоры нет,
А в ком струится правды чистый свет –
Он уважал таких людей безмерно,

²³ Агалы; агалы-ини – братья (старшие и младшие).

Среди таких искал друзей он верных,
И эта дружба длилась много лет.

Жизнь без друзей бескрыла и трудна,
Бессмысленна порой и холодна:
Не сыщешь в ней ни искорки веселья;
Жизнь без друзей подобно разве селю:
Сметает все бессмысленно она.

Раззаков и друзей любил, и тех,
Кто приходил с надеждой на успех
К высокой власти с жалобой, мольбою;
Он проникался сердцем их судьбою,
Помочь старался, утешая всех.

Порой придет бедняга – духом пал
И самому себе нагрузкой стал,
А выйдет от Раззакова – веселый:
Нашедший ли работу, новосел ли,
Иль утвердивший свой приемный балл...

И речь его, и зоркий теплый взгляд
Вселяли в души мир, покой и лад,
Как будто от Искака шло свечение,
Осуществляя тонкое лечение –
Так все невзгоды лечит вешний сад.

Умел Искак не только говорить,
Но также – слушать: он беседы нить,
Всегда в основу твердо направляя,

Ни слова, ни намека не теряя,
В узоры мог, какие надо, свить;

В его делах господствовал контроль.
Он ощущал в душе разлад и боль,
Когда его обещанное слово
В делах свершиться было не готово –
Не все по службе щепетильны столь;

Он от ответа сам не уходил,
Но по себе сотрудников судил,
Анализу бесстрастно подвергая
Все, что мешает сбору урожая
Идей, что он к посеву утвердил.

Об Ала-Тоо он твердил не раз.
Что в недрах здесь не счесть земных богатств,
А главное богатство – это люди;
О них он помнил в новостройках буден,
Любовь не выставляя напоказ;

За их права боролся он, как мог.
Война, покинув мирный их порог,
Оставила ущерб везде и всюду.
Так сель, спустившись с гор, обломков груду
Оставит от поселков и дорог, –

Война – она всегда «девятый вал»...
Искак жалел людей за весь развал,
За нищету, за горе, за увечья...

Не унижает жалость человечья,
Когда она – большой любви накал.

Раззаков вновь и вновь спешил в народ,
Чтоб всем задумкам дать скорейший ход;
Его приезду радовались люди,
Ведь понимали: дело точно будет,
Коль сам Раззаков дело то ведет!

Он многое слышал про *Кек-Ойрок*²⁴.
Приехав в Чон-Кемин, как только смог,
Он понял – все легенды не напрасны,
Увидев край, поистине прекрасный,
Лежащий вдалеке от всех дорог.

Здесь жил народ и мудрый, и простой,
Гостеприимный, с щедрою душой,
Традициям и нравам древним верный;
Поцеловал их в темя бог, наверно:
Рождал талантов много край родной.

Здесь родились *Сайра, Мураталы*,
И *Абдылас*,²⁵ и славный *Аалы*²⁶ ...
Всех перечислить – цифр не хватит, право!
Здесь все лечебно: воздух, реки, травы –
От светлых рос до капелек смолы,

²⁴ Кек-Ойрок – высокогорная местность, джайлоо, летовка.

²⁵ Мураталы, Абдылас, Сайра – речь идет о выдающихся людях киргизского искусства: Мураталы Куренкеев, Абдылас Малдыбаев, Сайра Кийизбаева.

²⁶ Аалы Токомбаев – Народный поэт Кыргызстана, Герой Социалистического Труда.

Что *Аалы* воспел, как *мумие*²⁷,
Отождествив с ним творчество свое,
Что и доныне лечит ум и душу...
За Чон-Кемином, сказки не нарушив,
Кичи-Кемин слагает бытие.

Кюи истоки здесь – в ручьях сперва
Они журчат, и вот уже трава
Волной колышась, дарит всем напевы...
Здесь как *Кюи*, кумыс медово-белый
И так сладки приветствия слова.

На богаре посажен юный сад,
И листья в такт напевам шелестят.
И семена искусства были также
Здесь выращены, и с тех пор на страже
Во славу края горного стоят.

Кичи-Кемин расти стремится вширь,
Чтоб удивить собой огромный мир –
Как Чон-Кемин прославиться навеки...
В любом краю, как в каждом человеке,
Есть поклоненья жаждущий кумир.

На берегу истоков речки Чуй
Дано рождаться было силачу,
Богатырю, и трусу, и умельцу,
Лентяю, и певцу, и земледельцу...
Предугадать нельзя судьбу ничью.

²⁷ Мумие – лечебная смола, применяемая во многих отраслях медицины.

Здесь высится прекрасный минарет,
Что простоял немало долгих лет –
Как памятник народному искусству,
Рождая в людях пламенные чувства,
Взывающие выполнить завет.

Ровесник тех веков – *Баласагын*,
Поэт, всего народа славный сын,
Как минарет, вознеся мыслью в бездны
От дней своих до далей неизвестных,
Ведь космос до сих пор необозрим.

Он по ночам не спал, писал стихи.
От мудростью пропитанной строки
Светлела ночь в долинах, в поколениях...
Он тратил жизнь, надежды, силы, зренье,
Чтоб в душах чувств порхали светляки.

Искак приехал в край, где жил поэт,
Где столько строк создал за много лет.
Казалось – воздух мудростью пронизан.
Баласагын был этим краем призван
Стать мудрецом – за все держать ответ.

Раззаков стал вникать во все дела,
Дорога ведь не зря сюда вела,
Заботы о народе призывали.
Помощник все записывал детали
О главных нуждах каждого села.

В окрестностях Токмока он не раз
Записывал Раззакова приказ –
Пробелов было много, разгильдяйства,
Чего не терпит в принципе хозяйство...
Здесь многие поднять не смели глаз.

С людьми простыми встретился Искак.
И здесь приметил – что и где не так:
Где счетоводы сделали приписки,
Чтоб обелить своих лентяев-близких,
А где попал в немилость зря бедняк...

Купался в ласке солнечной Токмок.
Раззаков видел: скоро городок
На месте этом вырастет чудесный –
Трудолюбив народ здесь, в общем, местный,
И от усилий явно будет прок.

Сейчас фундамент завтрашнего дня
Закладывает мирная весна,
И потрудиться надо будет много,
Чтоб закипела главная дорога,
Чтоб стала цельной горная страна;

И нужен глаз, чтоб малое дитя,
Каким отчизна видится шутя,
Здоровым, умным вышло бы из детства;
Ведь только те, о ком печется сердце,
Прославят флаг народа и вождя...

Раззаков это высказал и вслух,
Чтоб поддержать народа крепкий дух,
Хотя досталось многим на орехи;
Но кто наказан нынче за огрехи –
Назавтра он, пожалуй, стоит двух!

Слова с делами вновь сошлись: Токмок
С годами вырос в чудный городок,
Стоящий у истоков Чон-Кемина...
Искак решил всю Чуйскую долину
Тогда изъездить вдоль и поперек.

Назавтра он приехал в Сокулук.
Все осмотрел: поля, бескрайний луг,
Жилища земледельцев, их угожья...
Ведь говорят не зря в простонародье:
Родится хлеб не сразу и не вдруг.

Долина Чуй – бескрайние поля,
Холмы и рощи – щедрая земля,
Зерно растет сортов здесь самых разных;
Людей здесь никогда не встретишь праздных, –
Не пропадать же жару солнца зря!

Назвали предки «Чуйским» этот край,
Вместив в три буквы «Чуй» и птичий грай,
И звон реки, и воинов призывы,
И скрип шагов в заснеженные зимы,
И зверя рык, что мчится сквозь *курай*²⁸ ...

²⁸ Курай – здесь: высокий высохший (прошлогодний) бурьян, сухостой.

А сами предки, чей священен прах,
Быстрее птиц неслись на скакунах
В завидной для охотников долине...
Завидуют, пожалуй, и донине
Рожденным здесь, в прекраснейших краях.

Лишь над долиной зной охватит высь,
Табун с отарой вверх ведет кыргыз,
Чтоб на джайлоо выгулять скотину;
И летним днем – горячим, щедрым, длинным –
Ягненка есть и мирно пить кумыс.

Долина пустовала в летний зной.
И *белый царь*²⁹ прислал в тот рай земной –
Осваивать поля – переселенцев,
Крестьян российских: русских, волжских немцев,
Украинцев и прочий люд простой.

Чужой народ – не кум, не сват, не брат...
И чуйцы расценили как захват,
Как наглость, воровство и страсть к наживе:
Переселенцы пастбища чужие
То превращали в поле, то – и в сад,

По всей долине строили дома,
Вгрызались в землю, жадные весьма
До ровных мест с землицей плодородной,
Тесня народ, что прежде жил, свободный,
Там, где хотел, когда стоит зима.

²⁹ Белый царь – царь Российской империи (местн. название).

Боялись местных сами чужаки,
Но обживались, страху вопреки,
Держа всегда заряженной винтовку.
А местный люд, спустившись вниз с *летовки*³⁰,
Сжимал от лютой злобы кулаки.

Пришельцы пили водку, и порой
Куражились над местной гольтьбой
В ответ на эту ненависть и злобу;
Так разжигали огонь народы – оба,
Что кончилось пожаром и бедой.

Когда уже и нечего терять
Одно лишь остается – воевать;
В долине Чуйской вспыхнуло восстание,
Людские судьбы бросив на закланье
В огонь беды, что миром не унять.

Нет ничего страшней, когда народ
Идет войной на чуждый в корне род,
Не разбирая правых, виноватых:
Мол, жги, ломай, круши тела и хаты,
Топор и вилы – всё пуская в ход!

Все, словно обезумевшие вмиг,
Не разбирая – женщина, старик, –
Охваченные жаждой разрушенья,
Утробной злобы и слепого мщенья
Рубили, словно всякий был – мясник...

³⁰ Летовка – летнее пастбище на джайлоо, в горах.

Дома горели, нивы, закрома...
Могла бы статья сытная зима,
Когда бы не сплошное истребленье
Зерна, скота и даже населения...
Кровавый год! Ему название – тьма...

Долина Чуй пропахла кровью вся.
Приходит Зло, лишь зло в ответ неся,
Насилие, жестокость – повсеместно...
Уже смешалась кровь чужих и местных,
Лишь новым мщеньем каждому грозя.

Со склонов были выстрелы слышны.
Когда бы посмотреть со стороны –
Бедняк, сраженный, слал врагам проклятья,
Родную землю заключив в объятья,
Чтоб не отдать ни пяди, ни стерни...

Мятеж из Чуя шел по склонам гор:
Прииссыккулье, Чон-Кемин, Кочкор –
Пылало все: от скарба до иллюзий...
На перевале белом Ак-Огузе
Нашло восстанье смертный приговор:

Отправил белый царь туда войска,
Оружье, пушки... Вот итог броска –
Дрожали горы, снег от крови таял...
Бросались люди в сторону Китая,
Граница, благо, с ним была близка.

С детьми бежали – матери собой
Их прикрывали, – полужив любой,
Без снеди, без припасов, без одежды,
А, главное, без веры и надежды,
Что приютит несчастных край чужой.

Их раны кровоточили, и лед
Мешал наверх карабкаться, вперед,
От высоты шла горлом кровь у многих,
Валялись трупы прямо у дороги,
Живых же гнали пули, жаля влет...

А тех же, кто сумел прийти в Китай,
Мытарством горьким встретил этот край:
Чтоб из семьи хоть кто-то выжил, спасся,
Китайцам продавали дочек в рабство,
И сами в рабство шли за рис и чай...

Лишь год прошел, как весть дошла до них,
Что свергнут царь, что революций вихрь
Прошел по всей империи, и ныне
Их дома ждут, в родной для них долине,
Что дух вражды и розни в людях стих.

Засобирались беженцы домой,
Кто думал сердцем, кто – и головой,
Но каждый имя Ленина – кто втуне,
В своем ночном безудержном раздумье,
А кто в речах, – соединял с судьбой...

Да, знал Искак, как много тяжких бед
В долине Чуйской помнит тот, кто сед:
Сквозь ад прошло, пожалуй, поколение!
И до сих пор покоя нет в селеньях,
Хоть миновало три десятка лет.

Глаза прикроешь – обожжет ладонь
Не отгоревший до конца огонь,
А в птичьих стаях эхом дней кровавых
Слышны стенанья правых и неправых –
И лучше их судом своим не тронь...

Искак скрывал от всех свою печаль –
Чем захлестнула сердце эта даль,
Скрепя зубами, он смотрел на нивы:
Здесь жить и жить даровано счастливым,
Вот на орало только шла бы сталь...

Свою тревогу выдать он не смел,
Хотя она все время между дел
Текла, как ручеек на дне ущелья –
То на виду, то заползая в щели,
То обнажившись, выходя на мель...

Будь он нетерпеливым на язык,
Иль просто – вслух бы думать он привык,
То огоньком, упавшим в пук соломы
Его тревога б стала, безусловно,
И мог пожар заняться в тот же миг.

В душе народа было столько ран,
Кровоточащих ныне – ведь Коран
По всем, тогда погибшим, не читался,
А каждый третий там, в горах, остался,
На растерзанье лисам и волкам...

Осели здесь, кто выжил, чужаки,
Их дети, внуки нынче – земляки,
Как предъявлять претензии за дедов?
Страна – одна на всех, одни и беды,
Одни надежды, страхи и враги...

Когда фашист Москву пытался взять,
Любой кыргыз скорей стремился встать
В ряды народной армии советской;
Наш Душенкул свой подвиг молодецкий
Свершил, героям эпоса подстать;

Казах, кыргыз ли, русский – все равны
Предстали перед ликом той войны,
Что доказал Герой кыргызский делом:
Огонь врага закрыл своим он телом,
Чтоб шли в атаку Родины сыны.

В последний миг под вражеским огнем
О долге ли солдатском думал он,
О мирной жизни, о своей любимой,
О Чуйском небе синем над долиной?..
Мы не узнаем этого о нем.

Мы только знаем: он не предал нас,
Кыргызов честь и русских тоже – спас,
И защитил Москву и Чуй, и горы...
Его жена... вдова в объятьях горя
Свой подвиг совершала в тот же час:

На плач и слезы наложив табу,
Работала в тылу Керимбюбю
Как будто бы на фронте находилась,
В свой день любой – как в песне говорилось, –
Входила, как в горящую избу...

В одном гнезде родились два орла:
В одном дому Героев двух смогла
Взрастить долина Чуйская родная;
Керимбюбю, о муже вспоминая,
Себя навек работе отдала,

Заветам чести следуя, как он,
До солнца прерывая краткий сон,
Она к свекле своей спешила в поле,
Не покидали рук ее мозоли...
Раззаков к ней приехал на поклон.

Он в руки взял горячую ладонь,
Так бережно, как будто бы огонь
Он закрывал от ветра непогоды:
Поправшая все беды и невзгоды
Была бесценной женская ладонь!

Раззаков видел: женщина-Герой
Всем сердцем любит милый край родной
И не за славу трудится – по чести.
С Керимбюбю они о многом вместе
Поговорили с толком и с душой.

Искак в других хозяйствах побывал,
О том, о сем с людьми потолковал,
Чтоб рассчитать возможность улучшения:
Здесь, в плодородной зоне орошения,
Всегда забот и срочных дел завал.

Война и здесь оставила свой след,
Полным-полно неизлечимых бед:
Вот в Каинды – Березовой лошине –
Ни деревца, ни кустика отныне,
Ни соловья, ни тени больше нет.

В Каптал-Арыке – родине *певца*³¹ –
Где ручейки звенели без конца,
Где в арыках вода была прозрачной,
И та сегодня глинистой, невзрачной
Течет, как слезы с пыльного лица.

Но вот зато рабочий городок –
Кара-Балта – взбодрить Искака смог:
Дома крепки и улицы нарядны...
Здесь люди разных наций труд свой ратный
Вершили, чтобы сдать войне оброк.

³¹ Имеется в виду Алыкул Осмонов – великий поэт Кыргызстана.

Искак и сам немало сил вложил,
Чтоб городок рабочих рос и жил,
Заводы чтобы крепили, развивались...
И здесь заботы тоже оставались:
Искак заметил мусор, грязь и пыль.

На совещанье власти городка
Он пожурил – на первый раз слегка,
И подсказал, что надо сделать срочно,
Определил и сроки – тоже точно,
Чтоб город чистым стал наверняка,

Чтоб улицы и дальше разрослись,
Чтоб деревца, как флаги, ввысь рвались,
Весну воспев в стремительном аккорде;
Чтоб жили здесь рабочие в комфорте...
Всем по душе пришлась Искака мысль.

Он в Эфренос поехал, в Кум-Арык
И в Чалдыбар, что от разрухи сник,
Он по полям прошелся свекловичным,
Записывая жалобы привычно...
Хотя к несчастьям так и не привык!

Командировка кончилась. В пути
Водитель, чтобы время провести,
Рассказ завёл о прежних днях долины;
Рассказ и путь сложился, в общем, длинный,
Но повода удачней не найти:

– «Здесь, говорят, росли везде леса,
Скрывая птиц бесчисленных голоса,
А кое-где – и камыши, болота...
Как спящая красавица, природа
Скрывала под покровом чудеса.

Здесь жил тогда народ богатырей:
Чем старше становились, тем бодрей, –
Природа их была такой, поверьте:
Они не знали – как бояться смерти,
Увечий или хищников-зверей.

Жайыл батыром первым в Чуе был,
На всю долину славился Жайыл.
В его селе роднёю кровной были
Все те, кто здесь с времен древнейших жили,
С ним соглашаясь – что б ни говорил.

Вот как-то раз Жайыла сыновья,
Вдвоем охотясь с самого ранья,
На уток ловчих беркутов пуская,
В болото забрели, не замечая,
Что под ногами чавкает земля,

Что камыши вокруг стоят стеной...
Вдруг распахнулся полог их сплошной –
Из камышей на них со злобным рыком
Хозяин этих зарослей великий –
Огромный тигр – летел, как пес цепной.

Сперва опешив, братья тут же в бой
Вступили, споря с черною судьбой:
За уши тигра взяв, к земле прижали,
Зубам его оскаленным не дали
Позавтракать немедленно собой;

И так его – за уши – привели
В родной аил, что был от них вдали;
Несчастный выл от этого позора.
Сельчанам же хватило разговора:
Мол, как с ягненком с тигром братья шли!

Намордник смастерили, цепь – и вот
Тигр, приуныв, разлегся у ворот.
«Отец, смотри, прошел наш день недаром –
Какой мы припасли тебе подарок!..»
Жайыл доволен, рад и весь народ.

Но сыновьям Жайыл поведал так:
– Зарежьте тигра, сделайте *талпак*³²,
Иначе зверь сорвется – будет горе...
Остался зверь лишь притчей в разговоре,
Что, мол, для храбрых даже тигр – слабак.

А шкура, переливчато-нежна,
Легла на *тер*³³, и заняла она
Почти полдома, хоть он был не тесен...
А притча, воплотившись в строки песен,
Дарила вдохновенье всем сполна.

³² Талпак – меховая подстилка на почетном месте в доме.

³³ Тер – самое почетное место за столом.

Тому примером стал Жаманкара.
Он был охранник каждого двора
В родном селенье, хоть с рожденья назван
«Плохой, чернявый» – имя это разве
Сбивало бесов с толку, и не зря:

Он был силач и, в общем, добрый сын.
Гуляя ночью по лесу один,
Боясь собак, отставших от *летовки*,
Он *булдурсун*³⁴ держал наизготовку,
Своей судьбы слуга и господин.

И в самом деле – вдруг напал во тьме
Какой-то зверь; его по голове
Жаманкара ударил *булдурсуном*;
Все стихло вмиг. За пояс плетъ засунув,
Силач ушел, петляя по траве.

Сказал парням наутро он: «Скорей!
В лесу я сбил кого-то – ей-же-ей,
Не видел – то ль собака, то ль корова...»
Пошли джигиты, смотрят – в луже крови
Огромный тигр, великий царь зверей!..»

³⁴ Булдурсун – большая плетъ.

НА НИВЕ КУЛЬТУРЫ

Искак, на миг оставшись не у дел,
Пугался даже, словно не успел
Задумать что-то, упуская миги...
И брался тотчас он за чтение книги,
Не находя познаниям предел.

В нем жажда знаний вечная жила,
И ненасытность эта сердце жгла,
И к удивленью многих душ незрячих
Он был энциклопедией ходячей,
Жалея: жизнь для знаний всех мала.

Читал он быстро, впитывая суть,
Ведя над тем, что спорно, чуткий суд;
При выступленьях речь его, как речка,
Текла певуче, четко, бесконечно, —
Хоть на язык он был остер и крут.

Косноязычье, что с трибун лилось,
Ему претило, словно в горле кость;
Зато когда уж брал Раззаков слово,
Так речь лилась — скакун горячий словно
Летел вперед, качнув земную ось;

Да что — скакун: коней летел табун!..
Расплавить камни мог такой трибун,
И мало кто за ним вступить в дебаты

Решался вдруг, а кто вступил когда-то —
Лишь мямлил, как пристыженный шалун.

Ведь многие привыкли выступать
Не от себя, а просто то читать,
Что на бумаге выводили замы;
Под это чтение засыпали в зале,
Как будто робот прислан к ним опять;

Слова лились с трибуны как елей,
Недолговечней мыльных пузырей,
Похожие на вкус еды без соли:
Без чувств, без мысли, без любви и боли
Звучала профанация идей...

Был языком кыргызским удивлен
Раззаков очень — сколько сказов в нем,
Легенд, преданий, эпосов изустных...
Ему порой бывало очень грустно,
Что он от них был в детстве огражден.

Он торопился в них вникать теперь,
Чтоб возместить пробелы всех потерь,
Специалистам дань воздав за благо,
Что ныне все изустное бумага
Несла, открыв в познание многим дверь.

Искал, ночами не смыкая глаз,
Читая героический «Манас»,

Переживал и плакал, как ребенок:
Он был с рожденья так душевно тонок,
Что не смогла его испортить власть.

«Манас» закончив лишь, за «Эр Тоштюк»
И за «Жаныш-Байыш» он взялся вдруг –
Хотелось юмор, ум, талант народа
Узнать поглубже – в чем щедрей природа
Здесь наградить своих сумела слуг.

Эр Табылды-батыр и Курманбек,
Хоть не попал он с ними в общий век,
Его друзьями стали – явных краше;
Прочел о *Саринжи*, о *Кожожаше*³⁵ ...
Любой из них – как близкий человек...

Дарили силы звучные стихи.
Парил в мечтах Раззаков вопреки
Заботам, налетавшим словно стая,
Свой новый день нередко начиная
С «Манаса» победительной строки.

Гордился он кыргызами, как сын
Гордится родом, с кем всю жизнь един.
Он вдохновенье черпал от народа,
В его твореньях, где сама природа
Была, как мать родная, рядом с ним.

³⁵ Эр-Табылды, Курманбек, Саринжи, Кожожаш – имена героев народных эпосов.

Он счастлив был, что он – один из тех,
Талантом созидających успех,
От плоти плоть народа-самородка;
Он в волнах счастья плыл, как будто лодка
В озерной глади, ласковой для всех;

Готов Искак был хвастаться порой,
Что он рожден в отчизне дорогой,
И что умен – поскольку горец тоже...
Лелеял он – хоть в малом, но – похожесть
На тех людей, чем славен край родной.

В душе его заполнился пробел:
Его народ – творец великих дел,
Создатель изумительных сказаний,
Носитель ярких пламенных дерзаний!..
В душе Искака словно кто-то пел.

Сам *Саякбай*³⁶ все силы, весь свой дар
Растратил, чтоб в сердцах ответный жар
Горел от строк великого «Манаса»;
Как младший брат его, что выжил, спасся,
О нем Искак под пенье горевал;

А то одним из воинов-чоро
Себя Раззаков чувствовал порой,
И сердце трепетало от волненья;
А *Саякбай* как лев рычал – не пенье:
Катился судеб вал, времен, миров...

³⁶ Саякбай Каралаев – легендарный сказитель эпоса «Манас» начала 20 века.

Сам *Саякбай*, имея грозный вид,
Казалось, был волнением зала сыт:
Часами он разыгрывал сказанье,
Все вовлекая в действие – мирозданье,
Людей, стихии, войны, мирный быт...

Искак, его талантом поражен,
Нередко думал: чудо века он,
Эпохи гордость, хоть и прост он с виду,
Его язык, из золота отлитый –
Был слепком героических времен.

Искак привык к *ашиллам*³⁷ под *дутар*,
И вот теперь комуза яркий жар
В его душе звучал сердцебиеньем,
Рождая отзвук в виде вдохновенья
И разжигая сильных чувств пожар.

Когда, *Кюи* рождая, пальцев пляс
Порхал по струнам, вновь – в который раз! –
Искак, слезу внезапную роняя,
Сам пребывал в блаженстве – лучше рая
Был для души и сердца этот час.

Да, рай умел за миг создать *Ибрай*³⁸!..
Казалось бы – возьми комуз, играй,
Но для того, чтоб стать таким Ибраем,
С мелодией рождаясь и сгорая,
Себя до капли музыке отдай!

³⁷ Дутар – узбекский музыкальный инструмент, ашилла – узбекские народные песни.

³⁸ Ибрай – Ыбрай Туманов, великий комузист.

Его *Кюи* – симфонии сродни –
В себя вобрали все земные сны,
И пенье рек, и горы, и долины...
Комузу вторил будто бы незримо
Большой оркестр безудержной весны.

Был сам Ибрай высок, широкоплеч.
Была проста, чиста Ибрая речь, –
Народный мастер, верный сын народа,
С ним переживший вместе все невзгоды,
Он знал, что надо помнить и беречь.

Его *Кюи* – в эпоху ценный вклад,
Как правильно в народе говорят, –
Сложны, с загадкой, с тайною туманной...
На струнах двух умел найти Туманов
Иных миров с земным, привычным, лад.

А пальцы были мощными, рука –
Искал в пожатье понял, – так крепка,
Как будто был Ибрай не музыкантом –
Молотобойцем, стражем, благ гарантом,
И словно был он скроен на века.

Был с ним совсем не схож *Карамолдо*³⁹,
Но простотой *Кюи* пленял зато
И нежностью бесчисленные души;
Кто хоть бы раз его когда-то слушал,
Вновь жаждал каждой ноты золотой.

³⁹ Карамолдо – Карамолдо Орозов – великий комузист.

Он виртуозом не был, и печаль,
Казалось, раскрывала людям даль
Их чутких душ и чувств высоких, чистых...
Он не бывал взволнован иль неистов –
Казалось, струн ему немного жаль;

Но люди были тронуты до слез...
Искак его великим звал всерьез
И уважал, цenia его безмерно;
Комуз, *кыяк*⁴⁰ в крови его, наверно,
Всегда звучали, хоть вдали он рос.

На скрипочке пастушьей сам *Саит*⁴¹
Играл, как будто был с *кыяком* слит,
Смычок включал в *Кюи* свои узоры,
Не повторяясь, словно сами горы,
Что каждый миг всегда меняют вид.

Душа *кыяка*, древняя как мир,
То ввысь звала на свой небесный пир,
То вниз срывалась, падая со стоном,
То притворялась птицею бездомной,
То возвышалась будто бы кумир...

Скрипач искусный с ней сливался сам,
Давая жизнь забытым голосам...
Ну, почему комуз мы слышим чаще?!
Кыяк заброшен – как ребенок в чаще...
Его из жизни вычеркнуть нельзя!

⁴⁰ Кыяк – скрипка, национальная разновидность скрипки.

⁴¹ Саит – Саит Бекмуратов – великий скрипач.

*Темир комуз*⁴², *чоор*⁴³ и сам *кыяк*
Познал с восторгом радостным Искак
И оценил достоинства любого,
Воспринимая с пылкою любовью
Всех тех, кто был играть на них мастак.

Он сам искусству отдал много сил.
Народ – ему спасибо – не забыл
Ни одного народного умения...
Пожалуй, нынче меньше вдохновенья
У тех, кто встал сегодня у корнил.

Оркестр создали – право, кое-как.
Не о таком, увы, мечтал Искак:
*«Курмангазы»*⁴⁴ ему, пожалуй, мнился,
Чтоб инструментов разных голос слился,
Подняв народность как победный флаг.

Искак мечтал, чтоб все искусства ввысь –
Ступенька за ступенькой – поднялись.
Он знал, что это, в общем, достижимо,
И что растет искусство без нажима:
Народ и бога слушает артист.

Мыскал, *Асек*⁴⁵ его мечте подстать
Заставили любить и уважать

⁴² Темир комуз – буквально: железный комуз, национальный музыкальный струнный инструмент, типа губной гармоник.

⁴³ Чоор – свирель, дуда.

⁴⁴ «Курмангазы» - здесь имеется в виду Казахский оркестр национальных инструментов.

⁴⁵ Мыскал, Асек – выдающиеся певцы Мыскал Омурканова, Асек Жумабаев.

Комуз и все народные напевы,
Что наши предки – юноши и девы –
На празднике любили напевать.

Искак от этих звучных голосов
Влететь на небо был порой готов,
Его душа от счастья трепетала...
СССР – страна большая – знала
Не только их республики певцов:

Взошла балета светлая заря:
Сердца пленяла все *Бюбюсара*⁴⁶
Своим талантом, грацией, уменьем...
Ее забыть не смогут поколения –
Нет тления у золота, серебра.

Она была для танца рождена,
«Цветок души» – звала ее страна,
Раззаков звал «Бюбю», от счастья тая,
В ее глазах ответный свет встречая...
В полете душ нужны ли имена?

Вошли в расцвет искусства все при нем.
Струились песни трепетным дождем –
В *айтыше*⁴⁷ состязались по неделям
Поэты, исполнители... Безделья
Не знал Искака многолюдный дом.

⁴⁶ Бюбюсара – Бюбюсара Бейшеналиева, прославленная балерина, Народная артистка СССР.

⁴⁷ Айтыш – состязание поэтов, песенная схватка.

Сегодня есть поэты... Но, увы,
Таких *айтышев* не видали вы, –
Другие времена, другие нравы.
Народное искусство от потравы
Искусства-поп спасут ли наши львы?

Поэт-импровизатор Осмонкул
Слагал стихи – в *чоор* как будто дул
Иль в *кокбору*⁴⁸ скакал – всегда с добычей:
Ложилась рифма к рифме столь привычно,
Как внешних вод ушам привычен гул.

Кыргызы помнят многих рифмачей.
С ним не сравним талант, увы, ничей:
Талант импровизатора-поэта
Сравним с потоком утреннего света,
Он не похож на хрупкий свет свечей:

Он, Осмонкул, светлея всем лицом,
Пел обо всем, что создано Творцом,
Едва взглянув вокруг на мир чудесный,
Слова рвались наружу, словно тесно
Им оставаться дальше было в нем.

Искак ценил его за редкий дар.
С ним на *айтышах* мог держать удар
Лишь *Алымкул*⁴⁹ – *мырза*⁵⁰ среди поэтов:

⁴⁸ Кекбору – игры на конях – козлодрание.

⁴⁹ Алымкул – Алымкул Усенбаев, поэт-импровизатор.

⁵⁰ Мырза – в буквальном смысле: господин, человек из высшего общества .

Им под комуз Отчизна так воспета,
Что им гордились всюду млад и стар.

Красивый голос, необычный вид:
Куница-шапка, пояс так горит,
Как будто звезды неба, успокоясь,
Слетели серебром на этот пояс...
Ну, что же – вид о многом говорит.

Он побывал повсюду, все края,
Его любовью верною даря,
Встречали по уму, таланту, песне...
Времен иных – добротных, крепких – вестник,
Он был как долгожданная заря.

Поэт-импровизатор Исмайыл
Был тоже тем, кого Искак ценил
За звучные стихи без штампов прежних,
За юмор – грубоватый, но и нежный,
В котором дух всегда народный жил.

Пути к вершине разные ввели,
Чтоб глас народа слышался: «*Бали!*⁵¹».
Но Исмайыл – плечистый, мускулистый –
Шел без тропинок к цели, столь неистов,
Что стал *эрке-бала*⁵² своей земли.

Народ растет с искусством наравне.
Культура не навязется извне –

⁵¹ Бали – браво.

⁵² Эрке-бала – баловень.

Она растет с народным духом вровень,
Она передается вместе с кровью
И зреет в сердце – в самой глубине.

Сегодня, к сожалению, наша власть
Болеет – как самим бы не пропасть,
Не потерять лица, богатства, кресла...
О будущем им словно неизвестно.
Пожить бы всласть! – одна их греет страсть.

Искак Раззаков начал строить дом
И заложил фундамент прочный в нем:
Искусства, и культура, и народность –
Основа мира, будущего прочность.
И мы доныне этим и живем.

В НЕПОВТОРИМОМ ЛЕГЕНДАРНОМ ТАЛАСЕ

Рассвет сменял закат, летели дни,
Высь Ала-Тоо красили они
То в розовый, то в синий цвет, то в алый...
На горизонт Искак взглянул устало –
В душе зажглись ответные огни.

Подумал – мол, теперь пора в Талас,
Куда хотел поехать он не раз.
Стояло бабье лето – люди в поле,

Ведь урожай поспел уже, – тем боле
Талас зовет: хозяйский нужен глаз.

Все табуны, отары и стада
Пришли с джайлоо, всюду – суета,
Детишки в школу мчатся, говорливы,
Цветы бушуют, колосятся нивы...
Доходы многих выросли тогда;

Война хоть не забылась, но доход
Обогатил людей в минувший год,
И эту осень все благодарили:
Скот забивали, жарили, варили –
Как встретишь осень – так зима пройдет.

Девчонки лица кутали в платки –
Ведь любят белолицых женихи,
Джигиты – с солнцем все накоротке –
Готовили коней к *большой байге*⁵³,
Но мысли были к свадебным близки.

Не в каждом доме праздник был к душе:
Хоть боль утрат притупилась уже,
Но матери и вдовы – без надежды,
Увы, навек, – глядели безутешно
На хлопоты у счастья на меже.

Но были те, что ждали до сих пор:
Вот-вот дорогой, вьющейся меж гор,
Придет сынок, вернется с поля боя...

⁵³ Байга – конно-спортивные скачки за призы.

Не примирившись с горькою судьбою,
Любой к тому сводили разговор,

Вдыхали запах шапки, *чапана*⁵⁴,
Оставшихся от сына-чабана,
Состарившись от горя прежде срока...
И вдовы тоже ждали – вот с порога
Муж в дом шагнет... Проклятая война!

У каждого своя печаль и боль:
Кто занят прошлым, кто живет собой,
Кто скакуна к победе близкой холит,
Кто ночь в слезах опять провел – доколе
Жизнь – поле боя, горькая юдоль?..

В Талас Искак приехал в эти дни.
Пейзаж был, в общем, Чуйскому сродни:
Холмы, луга, равнины, доли, склоны...
Леса горели золотом червонным,
Роняя оземь яркие огни.

Искак вгляделся в дали, поражен:
Дугою мерной стлался горизонт,
Сверкая яркой радугой лучистой.
Не зря Манас на этих землях чистых
Взрос душой и стал великим он.

Богатырю под стать его земля:
Величье вод, широкие поля,
Леса с полями рядом, по соседству...

⁵⁴ Чапан – верхняя мужская одежда.

Хорошее богатое наследство
Досталось людям от богатыря.

И пусть с тех пор уже прошли века,
Растаяли, как в небе облака,
Земля от рук умелых стала краше,
Щедрей стократ – она полна, как чаша,
Что нам подносит добрая рука.

Манас Великодушный здесь не раз,
Вбирая свет в него влюбленных глаз
У Каныкей из рук кумыс медовый
С поклоном брал, уже в поход готовый,
В глазах читая просьбу, как наказ.

Земля и поражений, и побед,
Она в себя впитала столько бед,
Великих дел, невиданных свершений;
Здесь столько поменялось поколений,
И каждое оставило свой след:

Старейшины, джигиты-молодцы,
Их матери и жены, их отцы
Из всех событий жизни, пусть несладких,
Могли б составить эпосов десятки,
Что не смогли б придумать мудрецы.

Осенний день ронял лучи с небес.
Искак молчал, любуясь – то на лес,
То на поля, где начат сев озимых;

Земля, где жил Манас, была счастливой,
Была священной, полною чудес.

Немного насчитаем мы эпох,
В которых людям дал великий бог
Богатырей, с Манасом нашим ровень;
Мы с ним близки по духу и по крови, –
Любой кыргыз уже и тем не плох...

Так размышлял Искак, в душе его
Цветок раскрылся словно – оттого,
Что осознал он гордость всех сограждан:
Манас – наш предок! Каждый хоть однажды
Сюда приехав, мог понять легко:

Манас здесь жил, пил воду из реки...
(Не оттого ль так воды глубоки?)
Он не придуман, он – наш дальний предок.
Как жаль, он мирной жизни не отведал,
Когда утихомирились враги,

Когда в лесах на сотни голосов
Поет оркестр влюбленных соловьев,
И шум реки им вторит мощным басом...
Любой потомок вечного Манаса
Зато всегда на подвиги готов.

Тому примеров много, так и знай.
Один из них – великий *Чолпонбай*⁵⁵,
Таласский парень, вдалеке от дома

⁵⁵ Чолпонбай Тулебердиев – Герой Советского Союза.

Погибший как герой войны у Дона:
Под пули вставший, он прославил край.

Он защитил Отчизну и друзей,
Ведь был он сыном родины своей,
Носил он гордо в жилах кровь Манаса;
Он мог спастись, но оттого не спасся,
Что жажды жизни честь была сильнее!

Здесь родилось немало мастеров,
Что колдовать умели силой слов:
В краю таласском множество и поэтов,
Сказителей, певцов – авторитетом
Их наделить народ всегда готов.

Таласцы очень любят вообще
Стихи и песни – чтобы по душе
Они пришлись и свежестью, и шуткой;
Пословицы и байки, прибаутки
В устах младенцев здесь слышны уже.

Словесные баталии, *айтыш* –
Сразиться в нем готов любой малыш, –
В большой чести у здешнего народа;
Кюи, напевы – всё такого рода, –
Поют деревья даже и камыш.

В любом дому – спроси, – здесь есть комуз,
И льются песни всюду, с каждых уст, –
Собрание, встреча или перепалка...

Поют с отарой, в поле и за прялкой –
Куда девать еще кипенье чувств?!

Здесь есть свои умельцы-мастера.
От топора до прочего добра
Они создать умеют все руками;
Здесь мастерицы-женщины веками
Осваивали тонкости ковра;

В народе их прозвали «*жез оймок*»⁵⁶.
Они любой тончайший завиток
Могли в узорах вывести ковровых
И письма закодировать в узорах,
Чтоб их прочесть потомок дальний мог.

Среди народа этого Искак
Ходил, довольный, – сам он тоже так
Любил трудиться, праздновать – по полной...
Он выступал, народом вдохновленный,
Подняв до неба речи жаркий стяг.

Он, сын народа, мастер умных слов,
Был долг сыновний выполнить готов,
И чувствовали люди – за словами
Не пустота, не дым над головами:
Дела, свершенья, точный план шагов!

Искак умел облечь в слова мечту,
Убрав ненужный пафос-суету.

⁵⁶ Жез оймок – в буквальном смысле: медный наперсток, означающее о высшем мастерстве рукодельницы.

Он говорил: «Все цели достижимы,
Коль аккуратно, вольно, без нажима
Трудиться – как пчела в своем саду!

Хочу поведать мысль одну сейчас:
В наследство дал упорство вам Манас,
И честь, и трудолюбие, и храбрость;
Вам оправдать наследство это надо,
И я без всех сомнений верю в вас!»

Людей Искака речь ввела в восторг.
Энергии живительный поток
Из зала шел к трибуне и обратно;
Его слова уже вершили завтра,
Трудился где любой, как только мог.

Закончилось собрание, весь Талас
Сиял восторгом восхищенных глаз,
И вся земля в своем убранстве ярком
Была природы радостным подарком
На празднике, начавшемся тотчас.

Искак пленен был пением *ырчы*⁵⁷.
Наездники – как будто циркачи –
Показывали чудо джигитовки,
Казался каждый всем настолько ловким,
Что были все призы пока ничьи.

Холеные до лоску скакуны –
Все в украшеньях праздничных они,

⁵⁷ Ырчы – певец.

Искаку приведен с поклоном каждый,
Чтоб утолил души кыргызской жажду –
Погарцевать верхом – хоть в эти дни.

Хозяева пустились в жаркий спор,
Как только могут спорить дети гор:
«На моего садитесь», «Нет, мой – краше»,
«А мой – сильнее...». «Прекрасны кони ваши,
Все как один!», – Искак гасил раздор.

Передовой чабан – он главный приз
Облюбовал, – все требовал: «Садись
На моего – узнаешь пульс героя!..»
А скакуны, копытом землю роя,
Призывно ржали, вздернув морды ввысь.

Искак на всех промчался взад-вперед,
Чтоб не обидеть праздничный народ,
Всем пожелал веселья и успеха
И не спеша среди других поехал,
Вдыхая жадно конский свежий пот.

Наездники в своих цветных платках,
Отвергшие сомнения и страх –
Всю ночь отцы их в этом наставляли, –
Уже сигнала старта молча ждали.
Лишь зрители шумели на местах.

Настал всех чувств и помыслов накал.
 Тут куудул⁵⁸ к началу дал сигнал,
 Сняв напряжение шуткою веселой.
 Борцы-балбаны⁵⁹ поступью тяжелой,
 Играя силой, вышли. Час настал.

Усатые, с пушком подростков лишь –
 Все наравне вступить хотят в эниш⁶⁰,
 Седло схватил усатый, а подростку
 Крестец коня схватить хватило росту...
 Кто оземь пал, кто выиграл эниш...

Азарт игры веселой «Кыз куумай»⁶¹
 Собрал аплодисментов урожай,
 И все равно – девчонка или парень
 Пришли к победе: состояться паре
 Позволил этот праздничный раздрай!

Невеста клич бросала: «Догони-и-и!»...
 Крик не успел угаснуть, как вдали
 Уже заржал скакун ее, балуя:
 Догнав девчонку, парень в поцелуе
 С ней слился в клубях поднятой пыли...

⁵⁸ Куудул – в буквальном смысле: шутник, комик. Особо одаренные люди среди народа, словами или внешним подражанием подвергающий шутке чьи-либо действия, привычки.

⁵⁹ Балбан – силач.

⁶⁰ Эниш – борьба за коня.

⁶¹ Кыз куумай – национальная игра-скачки, в которой парень на коне должен догнать и поцеловать ускользящую от него девушку-всадницу.

Все как во сне... Какой прекрасный сон!
Но вот раздался крик со всех сторон –
Мол, на подходе кони! Мчатся рысью!
В такую пору схожи все кыргызы:
Все устремились второпях на холм.

Сплошной массой кони шли. Но вот
Те, кто сильнее, вырвались вперед,
Опережая и себя, и время,
Отбросив словно все земное бремя,
Хвост распластав, роняя крупный пот.

Подковы так стучали по земле,
Как будто что-то строили в селе;
Наездники-мальчишки низко к гривам
Пригнулись все, и каждый был счастливым,
Что в этой скачке держится в седле.

Сердца коней стучали все сильнее.
Напоминая птиц, а не коней,
Они летели к финишу, как будто
Могла спасти последняя минута
От поражения всех грядущих дней.

Толпа шумела, прыгал млад и стар,
Всех уравнил безудержный азарт,
Но вот уже победный возглас слышан:
– Скорей! Быстрее! Скакун на финиш вышел!..
Казалось – скопом тушится пожар.

Толпу рассек хозяин скакуна
Его победа каждому видна:
От счастья плача, в лоб коня целуя,
Сияя, как начищенная сбруя,
Он принял поздравления сполна.

Да, *саяпкер*⁶² заядлый на глазах
Помолодел, с улыбкой на устах
Он мял *сакал*⁶³, как вымя у коровы;
Вручили главный приз – коня второго,
Раз толк он знает в резвых скакунах.

Певцы тотчас смекнули, что к чему,
И, окружив его, по одному
Наперебой хвалу такую спели,
Что *саяпкер* наелся на недели –
Хватило пищи сердцу и уму.

Искак увидел весь Таласский край.
Отпраздновав хороший урожай,
В Кен-Кол Искак собрался ехать скоро:
Здесь жил Манас, и здесь, по разговорам,
Его загробной жизни был *сарай*⁶⁴.

Наслышан был Искак про мавзолей.
Но в сказках был пролит сплошной елей,
А вот воочью был он старым, серым,

⁶² Саяпкер – человек, тренирующий коней, готовящий на скачки.

⁶³ Сакал – борода.

⁶⁴ Сарай – дворец (в данном случае – мавзолей).

Таким невзрачным – никакой верой
Не примешь за *мазар*⁶⁵ богатырей.

Старик-охранник вышел не спеша,
Сказал Исаку: «Не лежит душа
Сказать, что сам Манас здесь упокоен;
Зато народ легендой успокоен,
И то сказать – легенда хороша;

Да, Каныкей воздвигла здесь скалу,
Рыдала, распластавшись на полу...
Была мудра, умна она, однако:
Шел люд сюда со всех краев поплакать.
Она ж умчала тело в *Эчкилуу*⁶⁶.

А мавзолее с тех пор всегда готов
Сбить с толку многочисленных врагов,
Что осквернить хотели бы, поверьте,
Богатыря останки после смерти,
Чтоб навсегда лишить и вечных снов.

Народ идет сюда – друзья, враги...
Обличью мавзолея вопреки
Считают все, что здесь Великодушный
Забылся сном, недвижимый, равнодушный,
Но духу, мол, дела людей близки.

⁶⁵ Мазар – могила.

⁶⁶ Эчкилуу – согласно эпосу «Манас», существует предание о том, что Каныкей похоронила тело Манаса тайком, под покровом ночи в горах Эчкилуу, дабы враги не осквернили его могилу.

Рождение – тайна, тайна тоже – смерть.
Эчкилуу далек. Но как смотреть:
В бескрайних склонах тайн хранится много,
Но все они подвластны взору Бога;
А мавзoley... *Арбаку*⁶⁷ он – не клеть!..»

На палку опершись свою, старик
Рассказывал неспешно, как привык.
Искак сказал спасибо жестом, взглядом
И отошел к другой могиле, рядом,
Но новый сказ опять его настиг:

«...Здесь спит *баатыр*⁶⁸, чья участь нелегка.
Здесь похоронен *Ажибек датка*⁶⁹,
Пролилась кровь датки в самом Коканде,
Сын Нуралы сюда соседства ради
Отца привез, чтоб здесь он спал века.

Был деятелем крупным Ажибек
И просто – очень мудрый человек.
Народы под крылом его опеки
В достатке жили, славою навеки
Почтив его при жизни в прошлый век.

Авторитет его с годами рос.
Коканда власть считалась с ним всерьез.
Конечно, и завистников бессечно
Вокруг росло собачьей сворой злобной...
Расчет таких врагов предельно прост:

⁶⁷ Арбак – дух святых или чтимых предков; слава; блаженство.

⁶⁸ Батыр – богатырь.

⁶⁹ Датка – властный чин в Кокандском ханстве.

В глаза, в Таласе, преданно хвалить,
Все подозренья лестью усыпить,
Зато в Коканде – за глаза, конечно, –
Его заслуги сплетней искалечить
И недоверье в сердце хана свить.

Да, – сплетни держат верх во все века!
Увидел хан в помощнике врага:
Поверил сплетням – он, увы, не первый
И не последний на земле, наверно...
Вот так и лег на плаху наш датка.

Погиб датка, но весь его народ,
Не хану, а ему наоборот
Поверил; тело выкрали не сразу,
Но увезли, послушавшись приказа,
Чтоб оказать по правилам почет.

Им голову не выдали, увы.
Схоронен Ажибек без головы,
Зато с Манасом рядом, встык к герою.
Здесь много дней народ стоял стеною:
Спасал батыра память от молвы...»

...Искак Талас покинул на заре.
Дорогой думал о богатыре,
О празднике, о всех прекрасных людях,
О том, что есть уже, что завтра будет
В послевоенной непростой поре...

В душе он был доволен: он узнал
Таласский дух, каким он был и стал:
Манас своим потомством мог гордиться!..
Искак приехал затемно в столицу,
Пройдя за перевалом перевал.

ЕЩЕ РАЗ О СТАЛИНЕ

Раззаков со студенческих времен
Не мог забыть на миг, что видел он
Вождя – как на трибуне мавзолея
Парил он над толпой, как символ рея,
Народной славой гордо осенен.

Шел праздник. Над потоками людей
Стоял великий Сталин. Мавзолей
Притягивал к себе людские взоры:
Там вождь стоял – страны большой опора,
Его улыбки не было добрей!

Мечта увидеть Сталина жила
В любой душе, она-то всех звала
Пройти по Красной площади парадом;
Там был Искак, он шел с другими рядом,
Его мечта такая же влекла.

Вождя увидев, счастлив был любой.
Такая всенародная любовь
Авторитет вождя как флаг держала.

Великая сплоченная держава,
Шли за нее на труд, на смертный бой...

Искаку мысль бы даже не пришла,
Что вождь отложит важные дела,
Чтоб разговор вести в Кремле с Искаком,
Рукопожатьем – самым добрым знаком –
Приободрит, привстав из-за стола.

Кремль, мавзолей, где вечный Ленин спал,
Святынею Искак воспринимал,
И вызов в Кремль, к вождю, отцу народов,
Он расценил вниманием к народу,
Который сам Раззаков представлял.

Он волновался, в Кремль вошел спеша,
Его вела взволнованно душа,
Но вел себя он вежливо и чинно –
Как подобало в общем-то по чину, –
Ни жив, ни мертв, почти что не дыша.

Вот он опять – тот самый кабинет.
В нем с первой встречи перемены нет.
И вождь такой же – грозный, с трубкой вечной,
Подтянут, так же выпрямлены плечи –
Не дашь ему семидесяти лет.

Да, он привстал и руку протянул,
С прищуром на Раззакова взглянул

И снова сел, начав с простых расспросов.
Раззаков знал, насколько сам непрост он,
Боясь заделы выдать за посул.

Но, к счастью, речь его не подвела.
Расспросы кончил Сталин про дела,
Сказал: «Пять лет за Вами наблюдаем,
За разные свершенья награждаем,
Доверить больше власти Вам пора.

В правительстве хозяйствуя, смогли
Поднять Вы статус всей своей земли,
А вот поднять партийные дела бы...
Как секретарь партийный – Вы не слабы?
Да, – Первый, главный... Как у вас? – «бали»⁷⁰!..»

Умел же Сталин так приказ отдать,
Как будто можно было выбирать
Тому, кому приказ предназначался.
Раззаков ни на миг не растерялся:
«Доверие готов я оправдать!»

Был мудрым вождь, он знал, кому вручить
Партийной службы трепетную нить:
Искак был крепок волей, но и тонок,
С любимым в общенье: словно знал с пеленок
Его, берясь к работе приобщить.

⁷⁰ Бали! – одобрительный возглас, означающий: «правильно, здорово»; «вот тебе на!»

Вождь знал: Раззаков был готов к тому,
Чтоб главным стать в стране – в родном дому,
Что накопил он опыт в разных сферах,
И полуправды, как и полумеры
Он не спускал ни в чем и никому.

Сам Сталин, всей страной руководя,
Так укрепил авторитет вождя,
Что стал решать и в мире все вопросы.
Но Сталин знал: всеильным быть непросто,
Всем сразу не подаришь и дождя;

Искаку он сказал: «СССР –
Единый дом народов, наций, вер.
Сплотить людей непросто было, право, –
Из толп, из масс одну создать державу:
Одна идея – сотни разных мер...»

Давал советы Сталин как отец.
Себе судья, ответчик и истец,
Он накопил огромный опыт жизни.
Таким бы стать хозяином в отчизне! –
Искак разволновался как юнец.

За сорок лет Искак шагнул едва,
Еще не поседела голова.
Цветущий возраст! Возраст всех свершений,
Открытий, озарений и решений...
Он жадно слушал Сталина слова,

Весь в слух уйдя... Умение слушать в нем
Заметил Сталин в день, когда вдвоем
Они впервые встретились с Искаком.
Вождь улыбнулся – той улыбкой всякий
Бывал обезоружен и пленен.

Вождь, улыбаясь щелочками глаз,
Вдруг выдал шутку, что давно припас:
– «Ваш *Боголюбов*⁷¹ ввел нас в заблуждение:
Я спрашивал – с Манасом как решение? –
«От нас квартиру получил Манас!»

Вот успокоил!.. Был я изумлен.
Что ж... Получил теперь квартиру он,
И может не заботиться о прочем.
А Вас на это место я и прочу.
Вопрос с Манасом будет разрешен?..»

И Сталин руку вновь свою подал –
Конец беседе, видимо, настал.
Искак вскочил – вождя рукопожатье
Ему дарило ощущение счастье:
Рука, что держит всей страны штурвал!

Искак в рукопожатие вложил
Всю благодарность, весь сердечный пыл:
Еще бы – вождь, отец народов многих
Ему расставил вехи на дороге,
Чтоб он по чести партии служил.

⁷¹ Боголюбов – бывший первый секретарь Центрального комитета компартии Киргизии.

Как мчится время – разве уследим?
Недолго быть Искаку молодым.
На скакуне восторга он умчался.
А Сталин вслед глядел и слишком часто
Пускал из трубки зыбкий синий дым...

ТОКОМБАЕВ. «МАНАС». АЛАЙ

Так Сталин роль наставника опять
Сумел в судьбе Раззакова сыграть,
Очистив путь в его карьерном росте.
Быть Первым идеологом непросто,
Народ к великой цели направлять.

Впервые сын кыргызов занял пост,
Что лишь своим Москва давала в рост,
Партийцев с крепкой волей присылая,
При первой же промашке их меняя...
Ну что ж, Раззаков тоже был не прост:

Сын гор, прошедший трудности войны,
В себя вобравший опыт всей страны,
Без отдыха умеющий трудиться, –
Высокого полета был он птицей,
Такие делу истинно верны.

За сорок лет он зрелости достиг
И был в делах и помыслах велик:

Искак поставил целью так трудиться,
Чтоб Ала-Тоо мог собой гордиться,
Чтоб счастлив был ребенок и старик.

Он говорил с трибуны только суть,
Чтоб вдохновенье в свой народ вдохнуть.
Дела он контролировал дотошно,
Чтоб не испортить будущего прошлым,
Ведь недоделки заслоняют путь.

Он словно сокол вдаль глядел, вперед,
Весь Ала-Тоо видел он с высот
С его былым, ушедшим и грядущим;
Став самым главным, он, пожалуй, пуще
Переживал за свой родной народ.

Он не любил узлы рубить с плеча:
Он исполнял заветы Ильича,
Ответственность большую ощущая;
Себе ни в чем ошибки не прощая,
Не осуждал чужие сгоряча.

Осталась юность в дальних тех годах,
Когда не знал он, что в своих горах
Он станет честью, совестью народа
И славой Ырзаковского рода,
Чей на чужбине упокоен прах.

Он столь окреп духовно в те года,
Что брал заботы сторицей всегда.

Насквозь провидя всех, кто предан лени,
Чьи вечной лестью согнуты колени, –
Таким не помогая никогда;

Сам чист душой, не знал он, сколько тьмы
В себе несут завистников умы,
Что только в спину могут бить трусливо;
Он был другим и чтит трудолюбивых,
Отождествляясь с ними словом «мы».

Раззаков сердцем истину искал.
Ему противен был любой фискал,
Что видел всё в кривом неверном свете;
К Исаку люди шли – как разве дети
Идут к отцу, чтоб им опорой стал;

Шли люди часто с горькою судьбой.
За каждого испытывал он боль,
Поставив целью дух поднять народный,
Развить в любом талант его природный,
Помочь скорее стать самим собой.

Пусть в мир иной ушли отец и мать,
Они успели все советы дать
Ему, родному сыну, чтобы в жизни
Принес он много доброго Отчизне,
Чтоб людям нес любовь и благодать.

Он оправдал всю соль своей еды
И путеводной не предал звезды;

Он вырос с благодарностью к Отчизне
И к государству, что в дорогу жизни
Дало ему вложить свои следы.

Судьба его – как судьбы всех сирот,
Кого страна растила, весь народ, –
И чуткости, и такту научила;
Он стал инициатором почина
Чтоб был отцом сиротам цех, завод...

В домах сиротских стал царить уют –
Старались шефы быть почаше тут,
Прибавились дотации от власти...
Неполное, но все же это счастье –
Побывать любимым несколько минут.

Искал о детях всех родной земли
Заботился – чтоб сильными росли,
Чтоб не мешал учиться холод, голод;
Распорядился он, чтоб всюду в школах
За счет страны питание ввели.

Еще буквально он издал указ,
Чтобы язык кыргызский в каждый класс
Пришел – хоть в русских школах, хоть в узбекских, –
Обосновав свое решение веско,
Чтоб, мол, язык родимый не угас,

И, раз страна зовется Кыргызстан,
Чтоб гражданин любой отныне стал

Владеть родным и – вровень с ним, – кыргызским;
Тот друг тебе понятным станет, близким,
Чью речь родную с детства ты узнал.

Как малышам легко учить язык:
Едва лопочет, а уже привык
Все понимать – по своему, по-русски...
Хоть через них наладить мостик узкий
К душе соседа, чье подворье встык!

Второй язык – второе счастье ты
Растишь в душе ручьем живой воды,
С пути его убрав и сор, и камни;
Все языки должны быть равноправны,
Как на лугу весенние цветы!

Недаром в Конституции народ
Писал, что равноправие грядет
В стране, где все друг друга уважают.
То был посев, а нынче урожаю
Уже настал как будто бы черед.

Через язык единство укрепить –
Вот всех начал основа, эта нить
Сплетает в ткань все то, что было чуждым.
Настало время все людские нужды,
Соединить *ашаром*⁷² и решить.

⁷² Ашар – народная взаимопомощь.

Любой язык по-своему красив,
Есть в каждом – ритм, символика, мотив,
Один не может ниже быть другого,
Ведь из глуби веков явилось Слово –
Волшебная основа всех молитв.

Раззаков, зная много языков,
В любой стране к общению был готов,
Но, уважая все, родной – кыргызский –
Он изучал дотошно, чтобы близким
Стать землякам, в чьих жилах – та же кровь.

Тем временем Республика росла,
Все лучше всюду двигались дела,
Как будто птица счастья появилась
В родных горах, и здесь же пригнездилась...
Республика буквально расцвела.

Гнездится птица счастья там, где есть
В правителях достоинство и честь,
Она следит за каждым человеком
И награждает только тех успехом,
Кто в мир несет свершений добрых весть.

Пословиц много в каждом языке
О том, что если держишь власть в руке,
То скромным будь: грешно кичиться властью,
Таких, увы, не любит птица счастья,
Судьба таких висит на волоске.

Вот как Искак: он счастлив был, когда
Смог путь открыть сподвижникам труда.
Бездельников не жаловал, однако,
Хоть был со всеми, вроде, одинаков,
Лентяй при встрече ежился всегда.

Он в людях видел слабость и порок,
Едва проситель вступит на порог;
И сильных духом, помыслами чистых,
По делу, не по облику речистых
Он тоже видел сразу, как пророк.

Искак изгнал из жизни слово «мечь»:
Считая, что достоинство и честь
Не позволяют опускаться к мести.
Но с негодям не работал вместе,
Как тот ни лез, пуская в дело лезть.

Искак ценил в науке результат,
Ведь на идеи был он сам богат,
Но доказать, найти исток решенья –
Вот главные в науке достижения,
А шум вокруг – шутил он, – детский сад.

В науке званий он не приобрел,
Хоть был в научном мире как орел,
Что опыт жизни впитывает оком
И видит все явления издалека...
Что ж, степень – чаще только ореол.

Его талант оратора не раз
Переиграть пытались напоказ
Ученые азийского пространства.
Он побеждал с завидным постоянством,
Имея много знаний про запас

Он в разных сферах знания копил.
Иной писатель, свой природный пыл
Вложивший в это поприще, однажды
Вдруг попадал впросак: чиновник важный
Его в беседе, так сказать, «умыл».

Литературы доблестный знаток,
Раззаков и теперь полночи мог
Читать захлеб, чтоб в курсе быть новинок.
Он рифмы вызвать мог на поединок,
Но личной тайной сделать это смог.

Ценил он *Тугельбая, Аалы*⁷³ :
Литературы письменной орлы,
Они кыргызам Книгу подарили
И в поднебесье вещей слов парили,
И людям знания высшие несли.

Поэты *Темиркул, Кубанычбек*⁷⁴ ,
Чья слава шла в стремительный разбег,
Не раз его поддержку ощущали,

⁷³ Тугельбай Сыдыкбеков – Народный Писатель Кыргызстана; Аалы Токомбаев – народный поэт Кыргызстана.

⁷⁴ Темиркул Уметалив, Кубанычбек Маликов – Народные поэты Кыргызстана.

Заставив неизбежными вещами
С других сторон увидеть этот век.

Литература как огромный сад
Раззакова манила зоркий взгляд:
Ценя деревья с разными плодами,
Он помогал, но так, чтоб люди сами
Росли, творили – здесь не нужен блат.

Его кумиры – Чехов и Толстой –
Пленяли сердце мудрой простотой,
Он переводы делал на узбекский
Фрагментов их творений – самых веских,
Чтоб мог прочесть их южный люд простой.

Направь он силы все на этот фронт –
То приобрел поэта бы народ,
Писателя, философа – не менее...
Всего себя он партии без лени
Отдал – на растерзание забот.

Зато другим писателям всегда
Он был как путеводная звезда –
С трибуны выступая ли, в беседе;
Писатели – свои, да и соседи, –
Побаивались строгого суда:

Раззаков что, мол, скажет, как прочтет?
Он был идеологии оплот.
В те времена немало было смуты,

И сам Искак в тревожные минуты
С опаской думал: «Эк его несет!» –

Ведь за ошибки в чем-то тексте он
Мог быть по полной мере обвинен
Как верхогляд, вредитель – даже больше:
Из чьей-то книги можно сделать отжим
И доказать – написано врагом!

А идеолог, мол, недоглядел...
Искак не спал из-за подобных дел.
Всю ночь искал однажды он решение.
Не поменяв к поэту отношенья,
Он *Аалы* прийти к нему велел

И откровенно высказал ему:
– «Вас стережет опасность – здесь, в доме...
В Москву езжайте тайно, без почета –
Скорее! А с партийного учета
Я, так и быть, сейчас же Вас сниму.

Побудьте там подольше – не спеша
Пишите, как велит писать душа...
Я позвоню *Фадееву*⁷⁵ – он сможет
Вам дать жилье, в других делах поможет...
Бог даст, и здесь – гроза, глядишь, прошла...»

Для *Аалы*, казалось, грянул гром.
Не смог понять в тот миг тревожный он,

⁷⁵ Александр Фадеев – советский писатель, в те времена – Первый секретарь Союза писателей СССР.

Как секретарь – глава всего народа –
Не терпящий в поэтах несвободы,
Не защитив, из дома гонит вон.

Подумав и минуту помолчав,
Он согласился – был Раззаков прав,
Пора с отчизной резать пуповину.
Ведь Аалы вкусил тюрьмы, безвинный,
Два года жизни просто так отдав.

Уехал он, спеша, на смутный срок.
Он написал в Москве немало строк.
В библиотеке Ленинской, бывало,
Он допоздна засиживался – стало
Изгнание так похоже на урок.

Стихи в душе крылатой, как в гнезде,
Рвались птенцами быстрыми к звезде.
Поэт ходил в театры и в музеи
Не так, как ходят просто ротозеи –
Он вдохновенье черпал там везде.

Как щит, Союз писателей страны
Спасал: творцы, Фадеева сыны –
Как звали литераторов в народе, –
Могли позволить резкий тон пародий
На жизнь, но ...из-за папиной спины.

Стал Аалы невольно москвичом
И этим был немало удручен,
Стихи рождая, полные печали,

А долгими бессонными ночами
Был на тоску по дому обречен.

Большой поэт – поэт своей земли,
Он угасает чувствами вдали.
Вот, наконец, прошли дознанью сроки:
Угасли сплетни, наговоры, склоки...
Тринадцать длинных месяцев прошли.

Условный знак Раззаков передал.
И Аалы вернулся – снова стал
Как прежде жить – творить, любить, свершаться...
С друзьями по Дзержинке прогуляться
Он мог, хоть знал: один из них – фискал.

Как раз в то время появилась весть,
Что сорван Ауэзова⁷⁶ арест:
Он в туалет как будто отпросился,
Но лекцию продолжить не явился...
НКВД искал его окрест,

Ну, а его джигиты увезли
В аэропорт, а там они смогли
В Москву его отправить, сами в зданье
Затеяв драку, чтоб отвлечь вниманье,
Покуда «ТУ» не взмыл уже с земли.

Сын Казахстана, был *Мухтар* велик
Душой, умом... Был острым на язык.

⁷⁶ Мухтар Ауэзов – Народный писатель Казахстана, доктор филологических наук.

Уж если бы его арестовали,
То, без сомненья, сразу б расстреляли
Без следствия и всяких там улик.

Писателем великим был Мухтар,
Ему дала природа редкий дар –
Писателя с ученым складом мысли.
Над ним такие тучи вдруг нависли,
Судьба такой готовила кошмар!

Как Аалы, найдя приют в Москве
Своей безвинной мудрой голове
Чтоб избежать неправого ареста,
Он жил, творил – без родины, без места,
В чем бог не отказал бы и траве.

Его увидеть автор этих строк,
Учась в Москве, как раз в то время смог:
Мухтар в Литературном институте
Читал студентам лекции, – распутием
Москва всегда была любых дорог.

«Абая» автор всех пленил умом.
Студенты много спорили о нем,
Сойдясь в одном: велик казахский гений
И будет он для многих поколений
Светить неугасающим огнем.

Так Ауэзов – духа великан –
Смог уцелеть, покинув Казахстан,

Спасибо москвичам и тем джигитам,
Что в нужный миг сомкнулись верной свитой,
Не дали угодить ему в капкан.

... Знакомый мой чекистом был тогда,
По званию майором в те года,
Служил он государству по призванию,
Все выполнял с дотошностью и тщанием, —
Такие там, в ЧК, нужны всегда.

Придя однажды в гости, тот майор
Затеял интересный разговор
И в нем поведал мнение о Первом.
Сидели мы в саду под шелест мерный:
С листвой играл душистый ветер с гор.

Майор сказал: «Раззакова приезд
Попал как раз на наш чекистский съезд.
Все ждали встречи, в общем, равнодушно:
Нам влили в уши столько слов бездушных
Начальники из самых разных мест;

Политиканы — наши, москвичи, —
Укладывали, словно кирпичи,
Избитые слова о долге, чести,
О том, как мы должны бороться вместе
С врагами, что, пожалуй, и ничьи...

Сидели, перешептываясь, мы,
Заняв простыми сплетнями умы,

Назвав собрание это бесполезным.
А Первый, сев в предложенное кресло,
Смотрел на нас, как светлый луч из тьмы.

Он выступление начал не спеша,
Как будто разминалась лишь душа,
Но постепенно стала речь горячей:
Он не читал, глаза в бумаги пряча, —
Вслух размышлял, сомнения круша.

Он жег сердца сияньем темных глаз,
Обозначал проблемы без прикрас.
Весь зал умолк и слушал, потрясенный,
Ум не один не смог остаться сонным:
О нашем деле знал он больше нас.

Его слова, как пули, прямо в цель
Все попадали, речь лилась, как сель,
Сметая все сомнения, что были.
И мы тогда лишь только ощутили,
Какая в наших мыслях карусель.

Такой руководитель — просто клад:
Будь офицер ты или будь солдат —
Нужны такие лекции нередко,
Чтоб не считать себя марионеткой,
А понимать политики расклад.

Мы слушали в полнейшей тишине.
На те минуты показалось мне:

Перед страной мы в чем-то виноваты –
Да-да, и офицеры, и солдаты, –
А перед ним, пожалуй, и вдвойне...»

Сквозь ветви солнце выбилось на миг,
Как в травах пробивается родник.
Я слушал молча, зная, что майору
Легко случайно сбиться с разговора
И он хвалить начальство не привык.

Он мне доверил тайну, что тогда
Прозрел, и путеводная звезда
Звала не в рост карьерный – только к чести...
Мы, попивая чай, молчали вместе.
Дул ветер с гор – чистейший, как всегда.

Раззакову сидеть бы здесь сейчас,
Чай попивать бы, не спуская глаз
С озерной глади, с белых гор, с деревьев...
Он оправдал всей нации доверье
И честь страны своим стараньем спас.

Для Родины, для дела не жалел
Он сил своих и многое успел:
Он семена грядущего посеял
И славой наше прошлое овеял,
И в управление был и тверд, и смел.

Все методы бывлые властных мер
Он обновил – подвижник-пионер

В любой из сфер народного хозяйства,
Он победил и лень, и разгильдяйство,
И потому успех пришел теперь.

Традиции, обычаи сумел
Он возродить, всегда в суждениях смел,
Готов поспорить был за дух свободный,
Пусть исподволь, но промысел народный
Так поддержал, что каждый дом запел.

С его поддержкой Университет
Открыт в столице, чтобы знаний свет
Дарила людям Родина; и вскоре
Другие ВУЗы, словно с первым споря,
Открылись, закрепив наук расцвет.

Искаку было дело до всего:
Под зорким попечительством его
В столице шло строительство театра.
В театр влюбился он в Москве когда-то,
Забыть театр было нелегко.

И вот теперь театр для земляков
Почти что был построен и готов.
Раззаков сам следил за тем, чтоб залы
Лишь к наслаждению тем искусством звали,
Что в мир несет прекрасное без слов.

Он был доволен – все, как он мечтал:
Фойе, партер и ложи, общий зал...

Балет смотрел, счастливый; в том балете
Бюбюсара во всем своем расцвете
Блистала, чувств рождая бурный шквал:

Легка, нежна – как будто лунный свет
Ее ваял, а, может быть, поэт
Её придумав, выпустил на волю...
Рукоплескали люди ей до боли.
Таких талантов в мире больше нет...

Раззаков так же от забвенья спас
Великий эпос, пламенный «Манас»:
Назвать его «народным» было надо,
Иначе возникали бы преграды
(И возникали, и, увы, не раз!).

Свои и *Абыке*, и *Кобошы*⁷⁷,
Что в каждом веке падки на гроши,
Предать забвенью эпос бы мечтали,
Чтоб люди их в лицо не узнавали,
Чтоб, как они, все жили без души.

Отнять наследье, осквернив навек
Народный дух, чем славен человек,
Они пытались, извращая эпос,
Что, мол, один воинствующий этнос
Творил бесчинства в очень средний век;

⁷⁷ Абыке, Кобош – отрицательные герои народного эпоса «Манас», отличавшиеся корыстными интересами.

Кому, мол, это нужно, что за бред?! –
У нас Манаса не было и нет...
Святое так пытались сделать низким,
Родное всем – чужим, чужое – близким,
Смеясь на аргументы все в ответ.

Ущербны все манкурты, и они
Считают, что правы они одни:
Невежество воинственно до хамства:
Они занять пытаются пространство
И наших дней, и давней старины...

Из уст народа много дней «Манас»
Не мог сойти: доныне не угас
Тех дней накал борьбы за все святое;
За эпос билось племя молодое
И старики, чей разум не угас;

Зато невежи, хающие все,
Что составляет родины лицо,
Народность отрицая, как явление,
Кричали, что грядущим поколениям
Не нужен бред забытых праотцов...

Шло совещанье много дней подряд.
Московские ученые не в лад
Решали спор: увы, – из них немало
На стороне манкуртов выступало,
Бездушно, словно некий аппарат,

Как будто цель была – стереть навек
Манаса имя: «Был ли человек?
Не сказка разве – все его победы?..»
Казахи с нами все делили беды
В тот бурный, трудный, очень юный век.

Мухтар любил «Манас», его он знал,
С трибуны часто строки повторял,
Чем побеждал бесспорно оппонентов;
Не мог он ждать в сторонке в те моменты,
Когда тот час несправедный настал.

Поднялся на трибуну он к концу –
Не дал победу справить подлецу,
Отмел как сор все гнусные нападки,
И доказал, что эпос – в той десятке,
Гордиться чем и миру, и Творцу;

Что слава у «Манаса» – на века,
И значимость настолько велика,
Что в будущем народы друг у друга
Оспаривать возьмутся – чья наука
Нашла: о ком, мол, эта вот строка...

Слова его как ласточки неслись,
Одна ценней другой сменялась мысль,
Он подтверждал все доводы строкою –
Народною, для сердца дорогою, –
Что все «Манасом» в зале увлеклись.

Умолкли все – манкурты, чужаки, –
Вкушая ритм и замысел строки,
Всех уводящий в глубь веков великих...
Вот так от гнета чахлой повилики
Встают, освобождаясь, колоски;

Так правда как алмаз под слоем лжи –
Кайлом умелым чуть повороши, –
Уже блеснит красой непобедимой...
Нападки всех ученых словно мимо
Прошли любой, живой еще, души.

«Манас» народен! – те слова сошлись
В устах Мухтара, как земля и высь
Всегда едины в нашей грешной жизни...
Так дух Манаса во главе Отчизны
Мог чтить в душе опять любой кыргыз.

Искак Раззаков в этот миг сиял:
Исход борьбы теперь он точно знал,
Ведь сам стоял на стороне народа;
Манаса дух – и честь, и гордость рода, –
Никто из почитанья не изъял!

Вся кровь его играла, как вино.
Всегда он был с народом заодно
И с правдой, что затмить пытались ложью;
Он знал, что невозможное возможно,
Коль в почву веры брошено зерно.

Означив суть проблемы в двух словах,
Разбив слова манкуртов в пух и прах,
Направил он усилия и волю
На то, чтоб всех надежд расчистить поле
И не искать решения впотьмах.

«Зажжет ли пламя истины Искак?», –
Любой в мгновенья эти думал так.
И люди не ошиблись: идеолог
Их поддержал, пусть был доклад недолог,
Но он навек Манаса поднял флаг!

Не иссякал и впредь родник забот,
И надо было думать наперед –
Откуда брать обученных рабочих,
И агрономов, и врачей, и прочих
Специалистов, чтоб идти вперед?

Открыл Искак немало ПТУ –
Работая, учиться на ходу
Шла молодежь охотно; ранним утром
Столица становилась многолюдной:
Студенты создавали суету;

Заводы, да и фабрики уже
Открылись; выбрать дело по душе
Мог выпускник училища как надо.
И в том была Раззакову награда:
Он выстоял на этом рубеже!

И в селах, от столицы вдалеке,
Колхозник не с мотыгой в руке
Поднять пытался скудные угодья:
Теперь там шла борьба за плодородье,
И было посоветоваться с кем:

Ремеслам разным – всех не перечесть,
И сельская училась молодежь,
В село вернувшись мастером искомым:
Кто – трактористом, кто и агрономом –
Растить свеклу, овес, пшеницу, рожь...

Сказать легко, а был вопрос непрост:
Национальных кадров бурный рост.
Но смог Искак решить и это с блеском.
Авторитет его был очень веским:
Народ почет дарует, а не пост.

Да, был народ соратником его.
«В учебе трудно, да в бою легко» –
Такой девиз страну призвал к ученью;
Учились старцы азбуке и чтению,
Подростки, дети – все до одного!

Искак, конечно, ведал наперед:
Кыргызы – выдающийся народ,
Но поражался – как легко и просто
Язык дается русский даже взрослым,
Как в разных знаниях люд простой растет!

Кто русский знал – учиться мог в Москве
И в городе великом на Неве,
А молодежь туда рвалась непраздно:
Узнать секреты все профессий разных
И удержать навек их в голове.

В Москве бывая, он всегда следил,
На что направлен кыргызстанцев пыл.
Студенты сами радовались встрече:
Любой с ним проведенный теплый вечер
Уму и сердцу много приносил.

Раззаков тоже был общению рад.
Как *саяпкер* готовит на парад
Своих коней – с заботливой любовью,
Так и Раззаков – как с родною кровью
С детьми носился много лет подряд.

Он много кадров вырастил тогда,
Хоть, в общем, были трудные года.
Не распылились все его старанья:
Тянулась молодежь к образованию,
Не гасла путеводная звезда.

Жил человек в то время – молодой,
Но точно он родился под звездой:
Он жил наукой только, несгибаем,
Кушбеком звался, родом – Усенбаев,
Он создал труд научный – золотой.

Он был историк. Весь объездив край,
Собрал он ценных фактов урожай,
В архивах он трудился днем и ночью,
Чтоб подтвердить открытия воочью,
А не въезжать – на домыслах да в рай.

Он сжег глаза, он старше стал себя,
Он кровью сердца труд писал, любя...
И что ж? – за труд бесценный, полный истин,
Он заклеямен был «националистом» –
Его ждала жестокая судьба!

Раззаков знал о воле и уме
Ученого – ему ль сидеть в тюрьме,
Не видеть книг, тупея, ждать свиданий? –
Он на защиту встал без колебаний,
Своих врагов умножив тем вдвойне.

Когда б Искак Раззаков не был смел,
Кушбека бы никто не пожалел,
Он был давно под слежкой, ждали повод.
Ученый был, конечно, очень молод,
Зато в науке слишком преуспел...

С Раззаковской поддержкой молодец,
Оставленный в покое, наконец,
Работал вдохновенно и с отдачей:
К истории, что век переиначил,
Он был – как правды жизненной истец:

Он спать не мог: кровавый год вставал
Над изголовьем – к правде он взывал,
В душе его разыгрывались сцены,
Видения – и каждое бесценно,
И в них он, безоружный, погибал;

И время будто делала петлю,
И голоса звучали вновь: «Молю, –
Спаси и только правду всем поведай!
Хоть после смерти дай и нам победу!...»
Но пули служат снова только злу...

Кровавый год остался позади.
Но сердце бьется тягостно в груди,
Когда ты, зная все, молчишь, историк...
Герой Шекспира возглас «Бедный Йорик!»
Адресовал уставшим в полпути.

Кушбек молчать не стал, закончил труд,
Он души жертв освободил от пут
Забвенья и слепого умолчанья:
Кыргызов сын, он всех кыргызов чаянья
Смог вынести Истории на суд.

Когда Раззаков в руки книгу взял,
Что автор благодарный подписал,
Он понял: защитил он честь героя,
За весь народ свой снова встал горою,
Чтоб час великой истины настал!

...На общем сборе медиков-коллег,
В просторном зале, где как будто снег
Лежал – от белых чепчиков, халатов, –
Искак был должен выступить с докладом.
Для прессы это главный был *дарек*⁷⁸.

К тому же выступал и сам министр:
Данилов был вальяжен и речист,
И называл врачей лишь поименно,
Работал с каждым он бок о бок словно,
В хвале был щедр, весом, в ответах – быстр.

Искак Раззаков выступил потом,
Когда умолк оваций бурных гром.
Он подбирал неспешно к слову слово,
Он говорил о тех задачах новых,
Что ставит всей науки перелом.

Он термины использовал не раз –
Для дела, а не просто напоказ,
Сказать точнее – в качестве пособий;
Он выступил Данилова весомей,
Что сам прочел он в блеске многих глаз.

Он похвалил, назвав, однако, ряд
Ошибок, о которых говорят
Когда уже, увы, сидят на тризне;
Он рассказал, что значит для Отчизны
Присяга, что придумал Гиппократ:

⁷⁸ Дарек – известие, весть, повод для публикации.

«Вы, благородной миссии служа,
Живёте как на острие ножа –
От вас зависит жизнь людей, здоровье;
Вы поклялись всегда лечить с любовью,
Любим, пусть малым, шансом дорожа;

Вы сами выбор сделали в судьбе.
Вы многих ошастливили в борьбе
С недугом ли, с увечьем или смертью;
Вас не оставит Родина, поверьте,
С тяжелой ношей долга на горбе –

Поможем мы в любой проблемный час
Тому, кто многих граждан наших спас:
Кто знает цену истинную жизни,
Тот вправе черпать помощь от Отчизны,
Чтоб в вас копился добрых сил запас...»

Искак так вдохновенно говорил,
Что каждый в зале будто бы парил
Как ангел над обыденностью темы;
Вопросы были заданы лишь теми,
Кто мало знал и многое забыл.

Раззаков в медицине был знаток,
Поскольку Роза – жизни всей цветок,
Его жена, была уже доцентом
И кафедрой заведовала – центром,
Где медицинских знаний был приток.

Она сидела в зале и не раз
Приободряла мужа блеском глаз,
Кивком, улыбкой, ласковым прищуром...
Хоть не кончал Искак аспирантуры,
Он был умнее многих – без прикрас!

Соседка Розы – медик-сибиряк, –
Нашла минутку и спросила так:
– «Я полагаю, вы учились вместе,
Ведь медик он? Должна сказать без лести:
Он в медицине, видимо, мастак!»

Гордилась Роза мужем, и вопрос
Восприняла как запах свежих роз,
Отвечив: «Нет! – профессии другой он!».
Соседка не поверила в такое,
– «Он чистый медик!», – буркнула под нос...

... Искак решился съездить и в Алай:
Он никогда не видел этот край
И выбрал сам маршрут дороги длинной,
Связующей как будто пуповиной
Кыргызский юг и вечный горный май.

Наслышан об Алае он давно:
Его традиций древних полотно
Века и не сожгли, и не порвали;
Там, говорят, цветут на перевале
Цветы, что только с небом заодно;

Там мысли глубоки и высоки,
Там быть ленивым просто не с руки,
Там женщины, мужчины с твердой волей,
Довольные своей любой долей,
Живут всем испытаниям вопреки.

Искак Алай объездил весь, как смог,
По серпантину тропок и дорог,
Встречался с чабанами на летовках,
Спускался вниз, в селенья, где молодки
Кумыс сбивали, словно звездный сок.

Здесь все трудились: старцы, малыши,
Как будто силы черпали души
В труде, в заботах, в трудном выживанье;
Обед, уборка, стирка, вышиванье —
Вот досуг женщин в выпавшей тиши.

Раззаков в школах, в клубах побывал,
Воочию проблемы увидал,
Всех выслушал — с вопросами, дотошно, —
О настоящем, будущем и прошлом,
И многое в тетрадку записал.

Ущелья, склоны, впадины в горах —
Всё обошел, арчою сам пропах —
Он цвет арчи впервые здесь увидел.
Алай его вниманьем не обидел:
Он небеса раскрыл во весь размах;

И синева, и звездный крупный дождь –
Все вызывало трепетную дрожь
В душе, что тихим счастьем наполнялась,
Цветам в росе как в детстве умилялась,
Убрав сомненья, как иголки – ёж.

В Алае он прилив почуял сил,
Он из души тревоги отпустил,
Нашел ответы множеству вопросов;
Теперь хотел сидеть и слушать просто
Кюи – он сам сыграть их попросил.

Его слова в узор сплетались так,
Как будто он алайский ткал *шырдак*⁷⁹ –
Так слушателям всем порой казалось;
Что ж, упустить боялся даже малость
В своих речах растроганный Искак.

Он говорил, воды в Алае – тьма,
Что здесь растут обильные корма,
И красотой, и запахом прекрасны;
Что все же горы кое-где опасны,
И путь к богатству требует ума:

– «Здесь много пастбищ! Множество скота
Велит природа привести сюда;
В десятки раз поднять надои можно –
Ввести в хозяйства технику несложно,
И овладеть ей можно без труда;

⁷⁹ Шырдак – орнаментированный войлочный ковер.

Щедрей большой долины каждый склон.
Ваш мир замкнул хребет со всех сторон.
Вы – сердце гор, душа, *тилек*⁸⁰ их жизни!
Вы накормить смогли бы пол-отчизны,
А не один алайский свой район!

Вы – просто удивительный народ:
Любовь к горам у вас в крови живет,
И горы платят вам любовью тоже.
Ваш труд тяжел, и тяжесть ту умножил
Характер гор, что только тот поймет,

Кто здесь рожден и вырос здесь, трудясь.
Любой из вас с горами держит связь
Незримую, но крепче пуповины.
Любить нельзя, увы, наполовину:
Здесь ваш *насип*⁸¹, очаг и коновязь...

Вы в тайны этих гор посвящены
С далеких пор глубокой старины:
Обычаи, традиции народа
Ведут к познанию тайн родного рода,
А вы в своих традициях сильны.

Прекрасны ваши лица и тела.
Природа вам с лихвой всего дала,
И вы ее с любовью бережете.
Взаимны вы в любой своей заботе:
Вода, и та, у вас чиста, светла!

⁸⁰ Тилек – цель, намерение.

⁸¹ Насип – судьба, доля; пища, питье.

Отдав немало сил своим горам,
Не получили вы душевных травм –
Скорее горы лечат все невзгоды.
Здесь старики – как часть самой природы, –
Мудры и все крепки не по годам.

Глаза у вас прозрачны как вода,
В любом из вас достоинство всегда
Видно, как гор величие бессменно;
Спокойны, хладнокровны неизменно,
Не спорите до крика никогда;

Вы – работяги, а не болтуны,
И даже в этом вы горам верны:
Ни болтовни пустой я не услышал
И ни ворчанья под любую крышей...
Вы – гор великих сильные сыны!

Моих речей идет из сердца нить.
Я мог бы очень долго говорить,
Боюсь, что вы не любите болтливых.
Я вам желаю столько лет счастливых,
Сколь горный мир удастся сохранить!..»

Алайцам речь понравилась, они,
Горам своим действительно сродни,
Пусть молча, но восторженно внимали.
От блеска глаз гуляло солнце в зале –
Такие в них затеплились огни.

Не тратя лишних слов, решил народ
Искаку оказать такой почет,
Чтоб понял он: довольны все безмерно,
Что он назначен в край кыргызский Первым,
Что за него Алай и в бой пойдет.

Алайцы все обычаи свои
Открыли гостю: лучшие *Кюи*
Сыграли на *кыяке*, как ведется,
Под музыку вручили иноходца,
Кумыс алайский алый поднесли...

В *орге*⁸² богатой – белой, гостевой, –
Сидел старик с белейшей бородой,
В руках комуз держал он из урюка;
Достоинство – была его порука,
Что рядом с гостем сесть не мог другой.

Искак его заметил вдалеке,
Покуда не вошли еще в *орге*:
Тот по траве зеленой, как по водам,
Не шел, а плыл как будто небосводом,
Держа комуз младенцем на руке.

На весь Алай прославивший себя,
С молодых ногтей лишь музыку любя,
Хранителем он был *Кюи* бесценных,
А для комузов древних – Авиценной:
Через него давалась им судьба.

⁸² Орге – большая белая юрта, гостевая юрта.

Раззаков поклонился старику,
Сказал ему: «Я счастлив, что могу
Услышать песни вашего комуза:
Пусть с душ людских он снимет тяжесть груза,
Разгонит прочь и горечь, и тоску...»

Старик взглянул – как взглядом одарил.
*Тепке*⁸³ подправил, словно не решил,
Каким начать *Кюи* и вещим словом...
*Три кулаки*⁸⁴ взялся настроить снова,
Поднял комуз и тут же опустил...

Минуты шли. Вдруг по *капкаку*⁸⁵ он
Взялся стучать, как будто озарен
Мелодией, забытой, но прекрасной...
Но ждали все в молчанье не напрасно:
Он заиграл – и взял сердца в полон!

Худые пальцы бегали легко
По струнам трем, и нежным голоском
Комуз рыдал, смеялся, пел, тоскуя,
И вновь смеялся, радостный, ликуя,
И замер вдруг, как зверь перед прыжком.

⁸³ Тепке – деталь комуза, служащая, держать и приподнять струны на одном уровне.

⁸⁴ Кулак – в буквальном смысле: уши; деревянные болты, которые тянут струны, в зависимости от желания комузиста усиливая или ослабляя напряжение.

⁸⁵ Капкак – покрытие, крышка комуза.

Взглянул на всех, примолкнувших, старик,
Сказал: «Я вам сыграл *«Тогуз кайрык»*⁸⁶.
И в девяносто память без прогула:
Я то *Кюи* узнал от *Токтогула*⁸⁷,
Уж он-то был в мелодиях велик!

В Алае племя, что *Сарттар* звалось, –
С родней не поделили, видно, кость,
Давным-давно уехали с Алая,
В сердцах обиду камушком катая,
На выживание всю направив злость.

В Кетмень-Тюбе осел тот древний род.
Его в себя вобрал другой народ.
Давно забылись прошлые обиды:
Из первых были многие убиты,
И что бы мог припомнить их приплод?

Сарттарцы расплодились за века.
Земля им стала эта дорога –
И человек пускает в землю корни,
И корни тоже думают о кроне:
С хорошим корнем поросль крепка.

Так, на чужбине ставшие собой,
Сарттарцы сжились с новою судьбой,
И расцвели, и счастливо зажили,
Своих певцов взрастили... В этом мире
Сам *Токтогул* родился под звездой.

⁸⁶ «Тогуз кайрык» - «Девять наигрышей».

⁸⁷ Токтогул – речь идет о Токтогуле Сатылганове, великом поэте и комузисте.

Прекрасны песни и его *Кюи*,
Что от него во все концы земли
Как птицы перелетные летели...
Ведь он алаец тоже, в самом деле,
Мы все по крови с ним – одной семьи.

Забыв обиды древности, *Токо*⁸⁸,
Гостил в Алае... Право, нелегко
Ему пришлось: все в гости зазывали,
Его на части прямо разрывали,
Так слава распростерлась далеко.

Недолго, тихо он гостил, храня
В душе – как дым угасшего огня –
Любовь, что растеряли наши предки...
За ним тогда охотились нередко,
И он пробыл здесь два ли, три ли дня.

И я лишь раз увидел беглеца.
Но свой *Кюи* сыграл он до конца.
Я перенял его манеру с ходу.
Вот с той поры и хвастаюсь народу,
Что сам Токо, мол, был мне за отца...»

Старик играл, сердца беря в полон.
Одно *Кюи* сменял другими он:
Тот полон грусти, этот же – цветенья,
А в этом – чувств беспечное кипенье,
Юнцом как будто был мотив рожден...

⁸⁸ Токо – Токтогула так ласкательно звали кыргызы.

– «...Сам Алымбек-датка привез певца.
Певец кокандский гостем хабреца
Считался здесь, – красивый парень, грустный;
Здесь с каждым днем росло его искусство.
Да, Арстанбек, – так звали удальца.

В пути на перевале Чийирчик
Сложил *Кюи* он это на почин.
Его и Курманджан ценила очень,
Благословив певца и напорочив
Ему к сердцам отыскивать ключи...

Все знали: раз пророчит Курманджан –
То добрый знак с небес высоких дан...
Она полвека пожинала славу,
Зато потом познала и потраву:
Утраты, боль, мороз и ураган...»

Когда старик поставил у стены
Комуз, имевший только три струны,
И сотни струн в людских задевший душах;
Раззаков, хоть и мог еще бы слушать,
Прощаясь, встал: дороги так длинны!

С поклоном старцу руку он пожал,
Благодаря за то, что чувств пожар
Кюи зажгли в душе, как будто юность
Вдруг искрометной радостью коснулась,
И расставаться с нею очень жаль...

Он прикипел к Алаю, к пикам скал,
К горам, где столько света он сыскал,
И он сказал, прощаясь: «Берегите
И святость гор, и святость всех наитий,
Что вам всевышний с этим миром дал».

Алай остался в сердце как рассвет –
Настолько юный, что лучистый свет
Едва играет розовым на снежном...
Алайцы, что душой своей безбрежны,
В его душе оставили свой след.

Он свой народ узнал, каков он есть:
Узнал его достоинство и честь,
И был пленен сердечной простотою.
Дни, что провел в Алае он, с лихвою
Окупят планы, что родились здесь.

ПУТЬ ИСКУССТВА НАБИРАЕТ ВЫСОТУ. БАРПЫ

Дверь распахнувший Университет,
Набравший быстро свой авторитет,
Не мог вместить желающих учиться:
Вся молодежь мечтала жадно влиться
В семью ученых с самых юных лет.

Был конкурс на экзаменах велик.
Порой успешный в школе ученик
Тот конкурс не выдерживал огромный;
Профессора в комиссии приемной
Расслабиться не смели ни на миг.

Со всех краев республики сюда,
Свои оставив села, города,
Выпускники съезжались; каждый вечер
Был летний Фрунзе толпами расцвечен:
Потоки шли как вешняя вода.

Счастливики, прошедшие отбор,
Все силы направляли с этих пор
На посещение лекций и зубрежку;
Учиться кое-как и понарошку
В те годы посчитали б за позор.

Выпускники с дипломом на руках
Все возвращались, чтоб в родных краях
Трудиться всласть, на знания опираясь;
Работали на совесть, всем на зависть
В родных поселках, селах, городах.

Раззаков так ценил родной народ
За этот честный и блестящий взлет
Вчерашнего кочевника в науку;
Что доверял народ ему, как другу,
Свои мечты и круг своих забот.

Причины были, чтоб переживать:
В родной земле лежали исполать
Несметные сокровища земные;
Чтоб их добыть, достаточно большие
Средства бы надо где-то отыскать.

Еще одно богатство – не в земле,
А в снах, в устах, в беседах, в голове, –
Могло истлеть, забыться, испариться
И улететь, как вспугнутая птица,
Рассыпаться росой по траве:

Легенды, сказы, эпосы, кюи –
Великие творения свои –
Хранил народ кыргызский лишь изустно.
При пересказах гасли мысли, чувства,
Шел дым от строк, что прежде сердце жгли...

Да, мастера-хранители – увы, –
Сберечь старались контуры канвы,
Своей задумкой сказ переиначив.
А сколько строк еще великих спрячут,
Перемолов, уста людской молвы?

Скромны бывали прежде мастера:
Не жаждали ни славы, ни добра,
Людей в селе родимом развлекали,
От тяжких дел и тягот отвлекали
С младенчества до смертного одра.

Сполна измучив мастера тайком,
Порхало вдохновенье ветерком:
Кюи, напевы, наигрыши, сказы
Рождались в муках творчества, не сразу...
Зато он шел с подарком в каждый дом!

Бесценней злата – к творчеству любовь.
Но тех людей найдешь ли разве вновь
В земле – как то же золото находят?!
Толкуют про творцов таких в народе:
Он окупил зато родную кровь!

Искак измучен был проблемой той:
Всех мастеров зажечь одной мечтой,
Запечатлеть в бумаге все сказанья,
Собрать из уст народные преданья,
И Фонд создать единый – золотой!

Он прессу всю столичную собрал.
Издалека он речь свою начал,
Чтоб очертить границы всей проблемы:
– «Не вечно всё, но нечто неизменно:
Наш взгляд на то, что бог нам даром дал.

Я о талантах наших говорю:
Мы пережили яркую зарю
Народного изустного искусства:
Тысячелетья греют души чувства, –
Не просто так я это говорю,

Тревога жжет: в наш слишком быстрый век
Живет в избытке знаний человек,
Прессуя их в мозгу уж очень тесно;
Подпорок просит память в виде текстов...
И мы рискуем потерять навек

Сокровища, что лишь из уст в уста
Передаются людям; красота –
Она неувядаема, но все же
Заносит время даже правду ложью...
Задача наша будет непроста:

Искать в народе лучших мастеров:
Легенды, сказы, эпос с устных слов
Записывать, никак не искажая,
Все варианты равно уважая, –
Ведь истин столько, сколько есть творцов.

Цена искусству – вечности цена.
Сокровищница будет неполна
Без песен всех, кюи, без всех мотивов,
Без притч, легенд, приливов и отливов
Творений, что рождала старина.

Проходит все – и радость, и печаль,
Лежат в земле талантов много – жаль,
Но нам они оставили в наследство
Богатство песен, слов, – найдем же средство
Все передать потомкам нашим, вдаль!

Все ваши силы, волю, жар сердец,
И мастерство, и время, наконец,
Отдайте этой миссии – в науке,
В печати, в вузах... – словно на поруки
Возьмите сей Пандоровский ларец!

Вы – родины опора, цвет страны.
Вам дали завтра нашего видны,
Судьба сегодня клад дает вам в руки:
В ларец собирайте по крупичкам звуки,
Слова, сюжеты, темы старины;

Дороже, чем кораллы, жемчуга
Бесценный сбор, ведь каждая строка –
Ненайденная, – просто канет в Лету;
Так не ленитесь, ведь в работе этой
Сегодня и минута дорога!

Спешите! Ждет глубинка вас давно!
Спешите – и да будет вам дано
Найти сокровищ множество повсюду,
Собрать в ларец, вернуть потомкам чудо –
Великих мыслей древнее вино!..»

Всех вдохновила пламенная речь.
Сумел Раззаков то в слова облечь,
Что волновало всех неравнодушных,
Влюбленных в свой народ и не бездушных,
Что сами тщились этот клад сберечь.

Присутствовал здесь, кстати, человек –
Сабыра сын достойный, Будаибек, –
Он много лет собрать кюи пытался:
По городам и селам он скитался,
Чтоб в жизнь мечту за свой продвинуть век.

Кюи пытался он замкнуть в расклад:
Тот – к торжеству написан, этот – в лад
Какой-то шумной сельской посиделке,
Печально то, а это – вновь безделка...
Искусство клеть не терпит, – говорят.

В кюи народных – радость и печаль
Так глубоко! – стоит за ними даль
Смертей, рождений, жизни всей броженья...
Был Будаибек далек от завершения,
Вместить пытаюсь в рамки всю скрижаль.

Но цель он видел четко, к ней он шел:
Он мелодистов множество нашел
И записал кюи уже немало;
Ему мечтать и думать легче стало:
Сам Первый в поиск верит! – хорошо...

Искаком окрыленный, Будаибек
Дал клятву сам себе: его разбег
Отныне будет сколь возможно круче!
Он был ученый с волею могучей,
И увенчал труды его успех.

Записывал на пленку он кюи,
И вскоре люди слушать их могли
По радио – был звук слегка дрожащим,
Но он и в жизни тоже – настоящий, –
Наполнен ветром, вздохами земли. . .

Узнав о том, что поиски певцов
Объявлены – народ со всех концов
Стал называть умельцев поименно;
Вот так Бакас – чиновник, сын Чормона, –
Назвал Барпы – поэта из слепцов.

На ниве просвещения Бакас
Трудился сам, и был пленен не раз
Он мастерством Барпы, его умением
Найти ключи к любому сердцу пеньем,
Хоть сам Барпы лишен был даже глаз.

Бакас в столицу прибыл по делам.
Закончив их, он напросился сам
К Раззакову на важную беседу
И рассказал, как, несмотря на беды,
Барпы поет, стихи слагая сам:

– «...В Джалал-Абаде знает весь народ
Как наш Барпы стихи свои поет,
Он знаменит – но сам живет как нищий,
Увы, слепой, и славы он не ищет,
Все беды жизни получив вперед.

Он настоящий и большой поэт.
Ему в айтышах равных вовсе нет,
Он может петь подолгу без комуза.
Но у него и в женах только муза,
Ему стихи и песни – белый свет.

Он, настрадавшись в жизни больше всех,
Совсем не ценит славу и успех,
Известный всем, он скромностью унижен:
Воды озерной, трав прибрежных тише
В толпе он бродит, вызывая смех.

Вот где руда, таящая внутри
Сокровища, – пожалуй, и цари
Таких богатств несметных не видали!
Но долго жить сумеет он едва ли,
И заключать не стоит здесь пари.

Специалистов надо бы послать –
Да побыстрей – к нему, чтоб записать
Его стихи и песни, исполнение...
Простите мне невольное волнение:
О нем ведь слова некому сказать!

Его судьба висит на волоске.
Поэт великий, а живет в тоске,
Идет по жизни словно на пуантах...
Вы объявили поиски талантов.
Вот помогли бы Вы Барпы-аке!»

Чормонов вышел, всё как есть сказав.
Душа Искака вся была в слезах:
Так о Барпы, поэте неизвестном,
Его смутили горестные вести –
Добро и Зло качались на весах.

Слова Бакаса тихо душу жгли.
Специалисты на прием пришли –
Их вызвал он, велев поторопиться
И привезти для записи в столицу
Барпы-аке – поэта от земли.

Специалисты слушали сперва –
Пленили их мелодии, слова;
Они певцов маститых попросили
Сказать вердикт – о голосе, о силе...
И те ушам поверили едва!

Они Барпы просили петь опять,
И не затем, что снова проверять,
А просто продлевали наслажденье.
Он пел легко, – казалось наважденьем
Так ладно слово с музыкой связать.

Барпы и рифмы словно не искал –
Так водопад весной течет меж скал,
Звения по-птичьи, радугой играя...
Казалось, что певец пришел из рая,
И сам всевышний песни эти дал.

Они же, песни, бережно в груди
Хранил годами он, совсем один,
Слепой, замерзший в пору выюг и снега;
Летели песни из гнезда-ночлега
Когда Барпы на люди выходил.

И вот теперь творения Барпы,
Записанные прихотью судьбы
Но с помощью Исаака и Бакаса,
В казне искусства ценным став запасом,
Пленяли всех – от юрты до избы.

Барпы был рад – творениям своим
Он цену знал, страшась, что словно дым
Они растают, вместе с ним угаснут...
Он пел весь год, поверив – не напрасно:
Спецы спешат записывать за ним.

Когда же завершился этот труд,
Народу песни выставив на суд,
Барпы оброс фанатами как идол;
Искак средства певцу для жизни выдал
И отпустил домой, где музы ждут.

Но прежде, чем уехал он в *Ачы*⁸⁹,
Его лечили лучшие врачи,
О нем самом издали книгу даже...
Был ход судьбы его теперь отлажен,
К счастливой жизни выданы ключи.

⁸⁹ Ачы – родное село Барпы, недалеко от г. Джалал-Абада.

Искак добру причиной стал опять.
На высоту достойное поднять
Не удастся многим из живущих.
Но дальновидность – всех препонов пуще,
Раззакову ж ее не занимать.

НАРОДНОЕ ГОРЕ. КАЙСЫН КУЛИЕВ

За середину век перевалил.
Весна пришла. Но мир опять застыл
От черной вести – в души многих болью
Она вошла: с народной любовью
Не совмещалась вести этой боль:

Часы вождя остановились вдруг,
Его сразил смертельнейший недуг.
Страна рыдала – старики как дети,
И дети, глядя, что творит на свете
Сразивший всех невыносимый испуг...

В Москве весна бесцветней, чем зима
Всё в серый цвет окрасила: дома,
Дороги и деревья, даже лица;
По улицам тянулись вереницы
Людей, сошедших будто бы с ума.

Повсюду милицейские посты
Стояли, как застывшие мосты
Меж новым днем и всем, что стало трупом...

Раззаков во главе кыргызской группы
Привез в Москву кыргызские цветы.

Был Кремль окутан трауром, и зал,
Где вождь, отец народов всех лежал,
Был светел, тих, как опустевший улей...
Среди других в почетном карауле
Раззаков рядом с гробом молча встал.

А Сталин отдыхал от всех забот,
Сиротствовать оставив свой народ,
Забыв о всех проблемах, чувстве долга...
Казалось, что заснул он ненадолго,
Раздав все указания наперед.

Искак комок рыданий в горле сжал
И горю просто выхода не дал;
Глядел на гроб и думал о вожде он.
Одно из самых сильных наваждений –
Любовь к тому, кого ты богом звал.

Гроза все стран – теперь он мирно спит...
В гробу у всех так безмятежен вид,
Как будто знает все теперь о жизни
И счастлив сам своей последней тризне
Тот, кто теперь навек с природой слит.

Как прежде всё – усы и седина...
Но глаз теперь сокрыта глубина.
И слов не слышно – мудрых слов и острых;

Вождю всегда, казалось, было просто
Ответить так, чтоб слышала страна!

Молчат усы – а тайна в них жила:
Улыбка притаится в них могла,
По ним всегда догадывались люди,
Какой беседа с ними нынче будет –
Похвальна ли, язвительна, иль зла...

С Искаком разговаривая, вождь,
Улыбки тайной сдерживая дрожь,
Не раз усы разглаживал, довольный,
И этот жест поддержкой был невольной –
Мол, собеседник нынче всем хорош!

Искак взглянул на руки – сколько раз
Он пожимал их крепко, а сейчас
Они, застыв, легли на грудь без жизни.
А ведь держали крепко руль Отчизны,
И даже их от смерти бог не спас!

За мыслью мысль текли в его мозгу,
События листая на бегу:
Он вспомнил важный час последней встречи,
Когда он был поддержкой обеспечен
Вождя, что молча спит теперь в гробу.

Ушел навек из жизни всей земной
Великий гений – вряд ли вновь такой
Появится когда-нибудь на свете.

Народы плачут все о нем, как дети,
И солнце светит тускло, как зимой.

Раззаков видел, как в родных краях,
Старейшины, старухи – все в слезах, –
Так вспоминали: «Сталин был оружием!
Мы за него рвались к победе дружно
В сраженьях наших, в памятных боях!...»

Народ, в Москве собравшийся, теснясь,
С вождем народов словно чуял связь:
На площадь все рвались, давя друг друга;
И каждый был как будто бы напуган,
Что пропадет, с усопшим не простясь.

На улицах не мог вместиться люд.
Колонный зал в кольце безмолвных смут
Был словно сдавлен горестной осадой;
Толпа текла по площади, по саду,
Верша над зазевавшимися суд –

Немало было стоптано людей...
... Когда-то скажут: Сталин был злодей.
Но вот сейчас, когда толпа, как море,
Текла к нему в одном порыве горя,
Одна лишь мысль страной владела всей:

Ушел от нас великий человек! –
И этим будет весь отмечен век,
Ушел мудрец, красив душой и телом,

Ушел, успев свершить благое дело:
Стяжать державе славу и успех!

Он стать отцом для всех при жизни смог.
Авторитет его был так высок,
Что будут люди мерить им полвека
Любого, кто у власти, человека,
И находить во всех, увы, порок...

Искак, с вождем простившись, поспешил
Домой, к себе, – отныне он решил,
Что будет впредь трудиться так, чтоб Сталин
Был им доволен, хоть он им оставлен, –
Ведь жив *арбак* – основа, дух души.

xxx

Не раз в красивом городе Искак,
Устав от дел, устраивал сквозняк
В своем рабочем строгом кабинете,
В окно глядел на улицу – как ветер
То развивает, то свивает флаг;

В честь Первомая улица была
Самим Искаком названа – она
Порой его манила прогуляться:
Мол, может встреча с другом состояться...
Сбывались обещания сполна.

Узнав его по легкости шагов,
Любой был с ним беседовать готов:
Его любили люди, уважали;
А в этот раз – загаданный едва ли, –
Навстречу шел *Кулиев*⁹⁰, мастер слов.

Они пожали руки, но потом
Застыли оба: зная – кто есть кто,
Неловко, мол, пройти безмолвно мимо;
Раззаков первым сделал жест мужчины:
Спросил про жизнь, дела, здоровье, дом.

Кайсын ответил просто, без прикрас:
– «Я десять с лишним лет прожил у вас.
Вначале я всего боялся всюду,
Но вот теперь могу сказать про чудо:
Что ваш народ меня от страха спас.

Вы милосердны, вы добры к чужим.
Меня, изгоя, звали вы своим,
Мы вместе восхищались Ала-Тоо...
Что есть в стихах Кайсына золотого –
Все это ваш, родным мне ставший, дым.

И вот теперь собрался я домой.
Ваш край, что стал мне родиной второй,
Где все привычно – словно я не ссылке,
Где мне тепло с друзьями, будто в зыбке,
Он стал моим, а с ним я – стал собой.

⁹⁰ Кайсын Кулиев – Народный поэт Кабардино-Балкарии, в 50-годы живший в Кыргызстане вместе со своими, сосланными Сталиным, соплеменниками.

Народ умеет цену дать всему.
Вас оценил народ – и по уму,
И по тому, как Вы щедры душою.
Желаю Вам дорогою большою
И впредь шагать к признанию своему.

Кыргызов я хочу благодарить
Всю жизнь, что мне еще осталось жить!
Но умереть хочу среди балкарцев:
Ведь кем я стал, меня – почти что старца, –
Должна земля родная оценить.

Прощайте! Берегите свой народ!
Я тороплюсь – Кавказ Кайсына ждет,
Мои балкарцы рады будут встрече.
Мне отплатить за хлеб кыргызам нечем,
Стихами лишь – по сотне в каждый год!..»

Раскрыв всю душу, захотел Кайсын
Прочесть стихи – как самый нежный сын
О Кыргызстане он создал поэму,
И вот сейчас Исаку непременно
Прочесть решил фрагмент ее один:

«Мой Кыргызстан – твоим поэтам друг
Я близкий стал, – согрев меня в ненастье,
Мои друзья пожатъем крепким рук
Дарили силы мне в часы несчастья;

Не я – они от жалости ко мне
Роняли слезы, полные участия...
Их сыновья не знают пусть – чьей властью
Я оказался у судьбы на дне;

Пусть не увидят края муки той,
Когда был горьким хлеб, вода – соленой...
Да будет свят и счастлив край зеленый!
Народ пусть счастлив будет золотой!..»

Отклонялся Кайсын, на этот раз
Обдав Искака лаской темных глаз,
Пожал покрепче руку на прощанье.
Большой поэт – он сдержит обещанье
В стихах про Ала-Тоо и Кавказ;

Он шел неспешно, словно не хотел
Покинуть край, где он остался цел
И вырос в знаменитого поэта...
Искак Раззаков, думая об этом,
Все шел и шел, забыв наметить цель;

В глазах поэта он прочел о том,
Как больно оставлять родимый дом
И на чужбине жить по чьей-то воле;
Душа Искака ныла вся от боли.
Больней всего задуматься о том,

Зачем, вменив вину за одного,
Наказывать народы за него?

Искак ведь помнил год переселенья,
Когда Кавказ огромный за мгновенья
Был выслан в неизвестность — далеко.

Разуты и раздеты, без жилья,
Они, приехав в чуждые края,
Нередко умирали в тяжких муках...
Пусть выслан был бы гад, предавший друга, —
Зачем невинных всех взяла земля?

Кулиев был героем на войне.
Он здесь, в изгнание, мучился вдвойне
И за себя, и за народ безвинный;
Большой поэт — он был опальный, ссыльный,
Он жил с обидой — въяве и во сне.

Сказать о ней Искаку он не смог,
Ведь знал, что Сталин был Искаку — бог,
Учитель, друг, — он был для тех тираном,
Кто нес незаживающие раны
В своей душе, где чувств и дел исток.

Кайсын смолчал, но понял все Искак.
Он понимал — порой не зная, как,
Что скрыл в душе из такта собеседник.
Но он молчать и сам умел — наследник
Всех тайн, куда не вхож ни друг, ни враг.

«Что ж, ворошить былое — толку нет», —
Подумал он, в душе нащупав свет:

Как шел Кайсын – с достоинством и честью,
Как наравне беседовали вместе...
И с тем Искак вернулся в кабинет.

РАЗНЫЕ ВРЕМЕНА. РАЗНЫЕ ДЕЛА. РАЗНЫЕ МЫСЛИ

Вошло еще одно понятие вмиг
В кыргызский быт, в сознание, в язык:
Открылась «Академия»: ученым
Она была нужна как улей – пчелам,
И каждый слово новое постиг.

Сокровищница знаний, Дом наук,
Не сразу появилась и не вдруг:
Ученые о ней мечтали долго,
И вот теперь своим считали долгом
Расширить изысканий новых круг.

А кто-то получил и званье – он
Был тоже новым словом наречен:
Красивым важным словом – «академик»!
Отныне это званье больше денег
Ценилось – как и ныне – с тех времен.

Искак был тоже словно окрылен:
Отныне академиком и он

Считался – и заслуженно, пожалуй:
Запас всех знаний он скопил немалый,
И был скорей оценен, чем польщен.

В театре, в чье строительство и он
Немало лепты внес со всех сторон,
Собрание ученых состоялось.
Раззаков рассказал, о чем мечталось,
Свершилось что и что прошло, как сон.

Он весь сиял, восторг расширил грудь.
Как равный равным он наметил путь
Ученому содружеству к победам:
Вперед и вглубь идти, и все изведать,
Проникнуть в тайны, познавая суть.

Назвал он все задачи, абрис тем
Наметил сам, назвав и круг проблем,
Что разрешить мужам ученым надо
И перечислил кратко все преграды,
Преодолеть которые хотел.

Во время выступления тишина
Стояла в зале, и была она
Красноречивей шума одобренья:
Все понимали – новым поколениям
Готовит путь развития страна.

XXX

Командировка вновь, в пути – часы.
На этот раз поехал он в Аксы,
Чтоб, как всегда, увидеть жизнь народа.
Долины, горы – чудная природа,
Всегда к Добру склоненные весы.

Он разные хозяйства посещал.
Не то, чтоб недостатки он искал,
Но злился, коль они в глаза бросались,
Зато, любых успехов видя завязь,
Советы тут же с радостью давал.

Он сказочный увидел Афлатун,
И ту скалу – не больше, чем валун, –
Куда коза героя Кожожаша⁹¹
В капкан вела, а он не понял даже,
За что природе жизнью платит кун⁹².

Красой Пачата был Искак сражен:
Недаром раем в притчах звался он.
Раззаков был красот земных искатель,
И Субанкул – аксыйский председатель, –
Смекнул, в какую двинуть из сторон:

Сказал он, выбрав миг: «Устали, бек⁹³?
Я предложил бы отдых и ночлег

⁹¹ Кожожаш – герой народного эпоса, охотник, наказанный матерью-природой за жадность.

⁹² Кун – цена, стоимость; выкуп.

⁹³ Бек – крепкий, крепко; очень; предводитель.

В одном из красивейших мест планеты –
Вы благодарны будете за это...»
И гостя он повез в Сары-Челек.

Искак увидел в первый раз Аркыт.
Его до слез растрогал этот вид,
Где озера серебряные воды
Лежали, словно зеркало природы,
И воздух близким небом был умыт.

Искак решил, что в рай попал земной,
Он был охвачен негой золотой –
Располагала к творчеству природа...
К ним подошел сынок животновода,
Спросил – какой побаловать едой,

Но испугался, что вопрос нелеп...
– «Я рос в сиротстве, ел я всякий хлеб, –
Сказал Искак, – и черствый хлеб, и черный...
Но в казане когда-то испеченный
Я вспоминал, пожалуй, много лет!

Тот хлеб заменят разве калачи?
Еще я помню сладкий дым арчи...
Эх, развести б огонь, чтоб – в небо пламя,
Чтоб – дым арчовый, хлеб – как в детстве, мамин...
Вот от души моей и все ключи!»

Хлеб, в казане спеченный, был душист.
Костер бросал во тьму охапки искр.

*Каймак*⁹⁴ подали к хлебу – слаще масла.
Принес парнишка жареное мясо –
*Кийика*⁹⁵ подстрелили где-то близ;

А рыба, – свой трепещущий улов
Принес недавно местный рыболов, –
Прекрасный этот ужин завершала ...
Искак подумал: «Как тепло мне стало!
Народ меня побаловал без слов!..»

Настало утро – всё в сверканье рос.
Леса и горы пахли лучше роз.
Искак нырнул в озерную прохладу,
Поплавал, в теле чувствуя усладу,
И вышел на песчаный теплый плес,

Воскликнул: «Жил я в вечной суете...
Но я не знал об этой красоте!
Спасибо предкам, что такие земли
Они заняли, здесь сложили семьи,
Детей взрастив в чудесной простоте...

Благодарю я мудрых предков всех!..» –
За чаем эта речь стяжала смех:
Чудесный смех – счастливый, необидный,
И по глазам влюбленным было видно,
Что сам Искак у всех имел успех.

⁹⁴ Каймак – молочный продукт типа сметаны.

⁹⁵ Кийик – дикая коза, горный козел.

Для гостя юрта – здесь, на берегу
Сары-Челека, – прямо на лугу
Поставлена была: бела, нарядна...
Искак пробыл здесь трое суток кряду.
Счастливей дней не знал он на веку.

И перед тем, как снова мчаться в путь,
Стоял он долго, пил, вздымая грудь,
Свежайший воздух с запахом еловым;
Уже отъехав, обернулся снова –
Еще хоть раз на озеро взглянуть...

Души его частица навсегда
Осталась здесь, где синяя вода
Не знает смут, стихийного разгула...
Благодаря сердечно Субанкула,
Искак мечтал вернуться вновь сюда.

xxx

Искак людей отлично понимал
И видел суть – хоть кто-то и скрывал
Души порывы, взгляд, характер, мысли, –
Он видел неизменное до тризны –
Ту божью искру, что всевышний дал.

Он вспоминал послевоенный год:
В долине Чуйской весь ослаб народ:
Войной и сушью было все убито,

А главное – сыны, мужа, джигиты
Погибли, не успев продолжить род.

Большой канал, что Чуйским назван был –
Всех урожаев новых крепкий тыл, –
Копали дети, вдовы, аксакалы,
Им инструментов очень не хватало:
Лопата, тямка да бойцовский пыл...

Порой несли носилки на плечах –
Качаясь, еле ноги волоча
От голода, усталости и боли:
На всех ладонях лопались мозоли,
Мешаясь с грязью и кровотока...

Но все терпели, к цели шли, спеша,
За труд не получая ни гроша,
Трудились до упаду, но работа
Не двигалась почти что, сколько пота
Ни проливали б тело и душа.

Вот так канал и не был завершён...
Теперь вопрос почти что был решён:
Запрос в Москву послал Раззаков срочный –
На технику, добавочных рабочих,
Специалистов, – все продумал он:

Решил канал он глубже рыть, длинней,
Всё рассчитав – от средств до трудодней;
Бульдозеры, ковшовый экскаватор,

И к каждому – лихой механизатор
Запрошен был, чтоб дело шло быстрее.

Взялись и чуйцы с жаром за дела.
Быстрее воды работа потекла –
Жара уже топталась на пороге;
И, перекрыв намеченные сроки,
В поля вода из Чуй-реки пошла.

Что значит сила техники! – привык
Народ кыргызский управляться вмиг,
Как с трактором, с бульдозером и прочим;
Канал поил поля, а между прочим
Питал ветвистый городской арык.

Посев пшеницы в небо полыхал.
Таким десятки лет он не бывал.
Теперь земля долины Чуйской важно
Вся в шелк оделась – утолила жажду:
Все расцвело, хоть зной уже настал.

Дехкане свой полив вели в ночи:
Сады, и огороды, и бахчи –
Таковыми были пышными повсюду!
Один старик с утра увидел чудо:
На яблоньке, что тщетно он лечил,

На тонкой ветке сонный соловей
Пуская трель, качался тем сильнее,
Чем сок сильнее шел от корня к веткам:

Так кровоток течет по жилам крепким
Восставших ото сна богатырей.

... Когда война внезапно началась
И разорвала дел и планов связь,
И сил в стране поменьше стало вдвое,
Заброшен был и план Орто-Токоя,
И в озеро река не разлилась,

И дамбы, что начали возводить,
Чтоб воду для полива сохранить,
Разрушились, подмытые рекою...
Искак вернулся вновь к Орто-Токою,
Решив, что стройку надо возродить.

Он весь погряз в заботах, но зато,
Одетая и в камень, и в бетон
Река, водохранилище питая,
Включилась тоже в бой за урожаи,
Намного сбавив свой спесивый тон.

Вот так на Чуйской высохшей земле,
Где выгорало все на богаре,
Поля зазеленели, огороды...
Раззаков посвящал всегда народу,
Свои мечты в нелегкой той поре;

Одну мечту свершив, он за другой
Летел на крыльях дум, поправ покой,
И новый день воспринимал как вызов —

Улучшится ли завтра жизнь кыргызов? –
Народной озабоченный судьбой.

Особенности есть в родной стране:
Массив великий горный в глубине
На Юг и Север делят нашу землю,
Их разомкнув лавиной или селом,
Чтоб разделить народ уже вдвойне.

Нужна была дорога на века.
Не раз быка хватали за рога –
Овечьи тропки камнем умощая
И якобы в дорогу превращая,
Но – всё съедали ливни и снега.

Раззаков сам прорабом стал, и он,
Детально взвесив всё со всех сторон,
Решил тоннель пробить в массиве горном,
С природою поспорив непокорной, –
Проект был, наконец-то, завершен.

Был инженерный выверен прогноз –
Тоннель пробить сложнее, чем строить мост,
Но как еще связать народ в единый?
Гремели взрывы. Камни, скалы, льдины
В Кара-Балте катились под откос.

Дошли до Тее-Ашуу. От высоты
Дышали все, как рыбы без воды,
Но в глубину горы вгрызались все же,

Хотя и страх мурашками по коже
Порою полз предвестником беды.

Да, закалялась воля здесь, как сталь...
Дорогой жизни тот отрезок стал
Для чабанов большого Суусамыра:
Отрезанный лавинами от мира,
Любой из них не раз, не два мечтал

Коварный перевал преодолеть –
Отара попадала словно в клеть
В холодный плен заснеженного склона,
Когда внизу темнел уже зеленым
Весь Суусамыр – как райский дар за смерть...

Раззаков часто стройку посещал.
Бывало, гром и молнии метал,
Какие-то заметив недочеты,
Зато когда доволен был работой,
То как ребенок счастьем расцветал.

Его совет – уместный каждый раз, –
Дорожников от тех ошибок спас,
Что вдруг могли на нет свести работу;
*Кольбаев*⁹⁶ сам ценил его заботу,
А он был в деле – Мастер, без прикрас.

Не перечсть всех трудностей, проблем,
Дорожникам сопутствующих тем,

⁹⁶ Кольбаев – знаменитый дорожник, имя которого присвоено туннелю на перевале Тее-Ашуу.

Ведь шли не только месяцы, а годы.
Зависела работа от погоды
И от породы выскобленных стен:

Ведь горы не рассмотришь изнутри,
Свой каждый шаг здесь заново твори –
В зависимости всё от ситуаций...
Глаза боятся – руки не боятся,
А трудятся с зари и до зари.

Зато как много радости несла
Победа – словно вместе два крыла
Взметнулись над республикой единой.
Удобный путь бывает разве длинным?
Республика от счастья расцвела.

Раззаков тоже цвел – теперь он мог
Всегда направить общих дел поток
На Юг, на Север, Запад ли, Восток ли,
Спокойно контролируя истоки
Благодаря артерии дорог.

А из Москвы, из самых высших сфер,
Пришел приказ: поставить всем в пример
Киргизию, наградой подытожив;
На сорок пять Героев стало больше –
Героев Соцтруда СССР!

Сей звездный дождь пролился в полный зал
Театра, что лучился и сверкал:
Так Золотые Звезды бликовали.

Дорожники как дети ликовали,
И с ними сам Раззаков ликовал.

Победу он опять узнал на вкус,
И слез своих не сдерживал, и чувств,
И речь сама рвалась из сердца к людям.
Он говорил о вечной славе буден,
О том, что сброшен с плеч огромный груз –

Республика, единая теперь,
Как будто в новый день открыла дверь,
Связав и Юг, и Север общим делом;
Что голова соединилась с телом,
А, значит, жизнь наступит без потерь;

Что сорок пять Героев – это знак, –
При этом сделал паузу Искак, –
Возможности дальнейших покорений
Таких высот на благо поколений,
Что этот взлет забудут как пустяк...

Но тут же он таких больших похвал
Девятый вал обрушил вдруг на зал,
Что все Герои стали цвета мака...
Как жаль – не может выразить бумага
Той речи поэтический накал!

Затем и Осмонкул, и Алымкул
С комузом вышли, каждый сел на стул
И спели поздравленья импровизом:

Айтыш был тонким юмором пронизан,
Героев всех айтыш упомянул.

Пришел Асек, он тоже песню спел
О том, как наш народ родить сумел
В одном приплоде сорок пять Героев!
Сам Асанкан⁹⁷ оркестром, словно строем
Своих бойцов командуя, гремел:

Любой кюи он словно в вешний гром
Окутывал, но нежен был потом,
Когда Мыскал запела – вторил только...
Саид с кыяком вышел и надолго
Сердца людские в зале взял в полон.

Кюи похожи были на цветы
Неброской, самой первой красоты –
Весенние цветы высокогорья.
Двух струн смычок касался, как бы споря
С Добром и Злом наивностью мечты...

Вдруг встал весь зал, овации неслись:
Бюбюсара сама – быстра, как мысль, –
Не вышла, нет, взошла звездой бесценной
И воспарила лебедем над сценой,
То поникая, то взмывая ввысь;

Народа гордость: множество наград
Вручили ей Москва и Ленинград,

⁹⁷ Асанкан – Асанкан Джумахматов – Народный артист Кыргызстана, композитор, дирижер.

И Кыргызстан вручал награды тоже;
Бюбюсаре же были всех дороже
Любовь кыргызов и родной театр.

Как ласточки мелькают над землей,
Так был театр наполнен красотой:
Кюи звучали, песни, танцы длились...
Простые люди, что наград добились,
Запомнили свой праздник золотой.

Искак, что раньше был плановиком,
По плану сердца выстроил свой дом –
Республику, где некогда родился
И вот теперь которой он гордился,
Причастным к взлету будучи при том.

Он знал на должном уровне теперь,
Где непорядок есть, в какой из сфер –
Как в музыкальной, скажем, – ждут проблемы
Своих решений, и какие меры
Пора принять, и есть ли им пример.

Раззаков озаботился, и вот
Узнав имен известных целый взвод –
Калый, Мукаш, Насыр, Фере и Власов,
*И Раухвергер*⁹⁸, – музыкальных асов
Собрал, чтоб план наметить наперед.

Республика вошла в свою весну,

⁹⁸ Известные в республике композиторы – Калый Молдобасанов, Насыр Давлетов и др.

И музыка, чтоб поддержать страну,
Должна разнообразной быть в звучанье,
Без прежнего акцента на печали,
Без углубленья в корни, в старины;

Никто не против, впрочем, старины.
Симфонии и оперы нужны,
Чтоб утвердить людей советских кредо:
И труд воспеть, и радости победы,
И дружбу всех краев большой страны...

Таким примерно был речей накал.
Но всяк свою лишь истину искал,
Хотя настрой был общий одинаков.
Присутствующих выслушал Раззаков
И речь в конце, как водится, сказал.

Он в музыке как будто был знаток:
И термины ввернуть, где надо, мог,
И все проблемы перечислил точно,
Как будто в тех кругах вращался очно
И знал всех распрей внутренних исток.

Он так о целях музыки сказал,
Что согласился с ним бесспорно зал,
И критика проникла всем в сознание:
Ведь истина гнездится там, где знания,
У этой птицы выбор в мире мал.

Все знатоки, и асы, и творцы –
Кыргызской новой музыки отцы,

Все мастера искусства – в этом зале
Раззакова по-новому узнали,
Как узнают в полете высь птенцы.

Московский композитор, важный гость,
Давлесова, которому пришлось
Переводить, спросил вдруг между прочим:
– «Когда консерваторию он кончил?», –
Уверенный, что правилен вопрос.

– «Да он там не учился никогда!»
Был гость сражен – откуда мол, тогда
Познания эти в музыке? – Давлесов
Ответил: «Круг широкий интересов
Замечен у Раззакова всегда,

Он в отрасли любой – на высоте,
Всех поражая знанием везде...»
Ответил гость: «Я не встречал на свете
В Совмине и в Центральном Комитете
Таких руководителей нигде;

Ваш Первый любит музыку, и он
Наверно, в ней от бога одарен,
И потому поддерживать искусство
Ему велит его шестое чувство...»
Давлесов был оценкою польщен.

Гость развивал и дальше мысль свою,
Что научился многому в краю,

Где руководство так близко к народу,
И где искусство может быть народным,
Коль сам Раззаков правит колею.

xxx

Людей Раззаков разных повидал.
Иных он сам по делу приглашал,
Другие шли кто с жалобой, кто с просьбой,
И стар, и млад, Искак любого гостя –
Хоть женщину, хоть старца – привечал.

Он был всегда внимателен к словам,
О непонятном спрашивал и сам,
Обогащаясь добрыми вестями,
Делился настроением с гостями,
В себе им разобраться помогал.

Душа людей была обновлена,
Но только если не была темна,
Ведь всякое случается от века:
Такого в жизни встретишь человека –
Душа как бездна, нет в которой дна.

И вот такой к Раззакову пришел...
Как осторожен! – голос будто шелк,
Подобострастен даже цвет рубашки,
Но чувствуются старые замашки:
Приемы лести знает хорошо;

Руководя районом много лет,
С народом грубым мог он стать в момент,
Самих людей виня в любой напасти;
Как рычагом он пользовался властью,
Пуская в ход партийный свой билет.

Он был умен, хитер, но – для себя,
Когда сулила выгоду судьба,
Вокруг терпел он только подхалимов,
Сплошной «ляпай»⁹⁹ выслушивал голимый,
Лишь восхваленья в честь свою любя.

Он родичей поддерживал своих,
Другим, расти веля, давал под дых,
Когда они расти пытались вправду;
Таким он демонстрировал браваду,
Исподтишка дела подпортив их.

Он мстить умел и в тяжбах был мастак.
Кто непонятен был ему – дурак,
Кто вдруг ошибся – повод для нападок...
Злорадный смех его имел осадок –
Ведь так смеяться может только враг.

Он недоучкой был, но этот факт
Воспринимал, как свой победный пакт:
Я – самородок, нет в ученье прока!
Но книг тома в красивых переплетах
Любил держать в шкафах обоям в такт.

⁹⁹ Ляпай – выражение безоговорочной поддержки, обычно применяется для описания характера подхалимов.

Газеты он по-своему читал:
О том лишь, кто кого критиковал
И особенно, если – унижая;
А рост животноводства, урожая,
Победы чьи-то – не воспринимал.

Имея власть над многими людьми,
Он мог солгать порою и для СМИ,
И взятки брал, и смог нахапать столько,
Что и не знал, как все потратить с толком –
Хоть заводи еще две-три семьи...

Но *красный свой билет*¹⁰⁰ всегда носил
В кармане он, как символ высших сил,
Как пропуск в рай, где нет дорожных знаков...
Сурово обошелся с ним Раззаков:
Он на Бюро поста его лишил.

И вот теперь, утративший билет,
Сидел он перед Первым, как скелет:
Глаза в глазницы даже провалились,
Потухли и как прежде не искрились,
И весь он жалок был как нищий дед.

Решительность и резкость вся ушла.
Беседу начал робко про дела,
Которые прославили Исаака,
Что возродил республику Раззаков,
Которая от счастья расцвела...

¹⁰⁰ Красный билет – имеется в виду членский билет компартии.

Он «Вы» за каждым словом повторял.
Минут пятнадцать он хвалил канал –
Мол, Кулунду им очень омоложен:
Хлеба растут, сады в расцвете тоже...
«Когда б не Вы – кто делать это б стал?!...»

И Кулунду расхваливал он вновь:
– «Вы подарили городу любовь!
Живем теперь лишь будущим, не прошлым,
Детей, и то, рождаться стало больше,
В сердцах людей Вам памятник готов!

Ах, кто в Бюро насплетничал? – увы,
Остался мой район без головы!
Мы – земляки, и край наш – общий, значит,
А с земляками надо бы иначе:
С волками – волки, а со львами – львы...

Земля родная Вам не дорога?
Согнали своего, а чужака
Назначили главой родной землицы;
Он – северянин, мы другие птицы –
Южане, и на том стоим века...

Нет, северянин не полюбит Юг!
Он Вам польстил, прикинулся, что – друг,
А сам в душе южан не любит, знаю!
Проблема «Север – Юг» всегда больная,
Вам не решить ее с размаху, вдруг!...»

Искак вскипел, но, ярость притушив,
Ответил, прямо глядя, от души:
— «Напрасно я надеялся, как видно,
Что наказание не сочтешь обидой,
А, пострадав, очиститься решишь;

И взгляды пересмотришь целиком,
И больше честь не выставишь на кон,
И шанс спастись используешь не мнимо,
Вновь кыргызстанцем став и гражданином,
А не подачек ждущим «земляком»!

Принес ты вместо радости печаль;
И мне тебя отныне очень жаль:
Ты встал, увы, на путь неисправимый,
И мчишься в пропасть, жадностью гонимый,
Все с тем же злом, что зародилось встарь...

А, впрочем, нет! Бывало, в старину
Кыргызы, чтоб спасти свою страну,
Сберечь трудом заслуженное счастье,
Объединялись вместе в одночасье —
И Юг, и Север, — в армию одну.

Когда калмаки, землю захватив
И кровью наших всю ее залив,
Пытались править как в своем поместье,
Весь наш народ поднялся — вспомни, вместе! —
И ханство их разрушил, словно миф.

Для всех врагов народ непобедим,
Но лишь тогда, когда он весь един,
Вот в чем источник тайных сил кыргызов;
Как в тех веках, любой мы примем вызов,
Покуда в сердце каждый – гражданин.

Да, были мы воинственны в веках,
Ведь жили на земле, не в облаках,
Такой была народов сильных повесть, –
Лишь вместе, защищаясь, мы боролись
От нападений внешнего врага.

А в Ала-Тоо мир пришел – когда
Объединять не стала нас беда, –
Хребет Ферганский, даль и лень отчасти
Нас разделили на края, на части,
Хоть мы едины кровью навсегда.

Вот с той поры на Север и на Юг
Единый край наш делит враг и друг:
Друг – подчеркнуть, что край огромен горный,
Враг – разделяя, ждет, что власть покорно
К нему сама придет из первых рук.

Но не дождется: вновь народ един,
И сам себе отныне господин,
Не зря пришла советская эпоха:
Не птицы мы, чтоб по родам, по крохам
Клевать и в страхе ждать лихих годин.

По духу и названию народ
У нас один, и нет ему господ,
Чтоб, разделяя, властвовать над чернью;
Мы по трудам даруем лишь почтеньем
И вместе все шагаем лишь вперед!

Единый взгляд на завтра есть у нас,
Одна печаль и радость про запас,
Один Алай, и Суусамыр наш – так же,
Как Иссык-Куль, Нарын и Чуй, и даже
Один на всех единственный Манас!

Одна у нас культура, общий флаг,
Что мы несем торжественно в руках;
Один кумыс мы пьем, кыяк с комузом
Давным давно скрепили наши узы,
Нас не разделит самый хитрый враг.

Наш Север с Югом – это два крыла,
Судьба нам приз бесценнейший дала –
Единство! Однокрылый сокол разве
Взлетит в простор, которым небо дразнит?
Пусть множат зависть наши все дела,

Пусть будет больше свадеб Север-Юг:
Пусть выбирают преданных подруг
За перевалом сильные джигиты;
Пусть все мы будем общим делом слиты,
Пожатьем крепким сильных добрых рук!

Я удивлен, что ты решил делить
Родной народ: связующую нить –
Да, пуповину, – разрубить на части,
Лишить людей естественного счастья –
Не кем-то *слыть*, а просто в жизни *быть*!

Нет разницы, который регион
Взрастил кого-то, где он, мол, рожден –
В районе том иль, может быть, не в этом...
Кем стал – врачом, колхозником, поэтом, –
Вот главное! – и как в труде силен...»

Искака голос креп, звенел струной,
Раскрыл он словно крылья над страной,
Чтоб защитить ее от лжи и смуты.
А собеседник с каждою минутой
Хирел, сникал, теряя гонор свой.

– «Нет, вместе научиться надо жить
И по родам, по кланам не делить
Родной народ – пусть трудится, где может,
Трудом своим Отчизны счастье множит,
И не боится верить и любить.

Кто разделяет – тот народу враг,
Несет раздор он, сеет в душах страх,
Зовет во тьму, чтоб к цели не стремиться.
Ты говорил, что мы – другие птицы?
Кыргыз – орел, не гриф, клюющий прах...

Обида, зависть, злоба – это прах,
Сухой песок, скрипящий на зубах
Таких, как ты, кто сыт вовек не будет.
У нас в родной стране такие люди! –
Они прекрасны в праведных трудах,

Они едины, все спешат вперед,
В одном стремленье так велик народ!
Как каждый день рассвет встает за ночью,
Так скоро убедишься ты воочью:
И Юг, и Север – общей кроны плод!..»

«Земляк» смолчал, поникнув головой,
И молча вышел – словно сам не свой;
Искака речь его ли убедила
И волю, наконец-то, закалила,
А, может, сломан стебель был пустой?

Он был из тех, кто смуту сеять рад
И в жажде незаслуженных наград
На лесть готовый ради выдвиженья...
Из-за таких в стране идет брожение:
Мол, тот чужак, а этот – сват и брат...

Искак в стакан плеснул себе воды.
Вода, и та, с предчувствием беды,
И в кабинете стало очень душно.
Да, этот гость залез с ногами в душу,
Своею злобной грязью наследил...

Раззаков настежь окна распахнул.
Прохладный ветер с гор высоких дул,
Безрадостные мысли выдувая.
Опять весна! Уже преддверье мая.
Привычный ритм в дела его вернул.

Их, этих дел, казалось, несть числа.
Одни закончишь – за ночь выросла
Дел и забот опять густая чаща...
Он жил всегда, казалось, в Настоящем,
Но даль, всегда Грядущая, звала.

Он был из тех, кто ценит каждый миг,
Он отдавать всего себя привык
Делам, заботам, людям и Отчизне;
Природой был он создан так для жизни:
Чтоб ум и хватка были с риском встык.

XXX

Он просыпался раньше всех в дому,
И даже сонный был готов к тому,
Чтоб в руки взять бразды правленья с ходу:
Умывшись, брился, за окном погоду
Высматривал – одеться по уму;

За чаем ворох свежих новостей
Он узнавал; коль не было «Вестей»,

Просматривал газеты и журналы;
Он не любил заметок скучных, вялых,
Как не любил таких же он людей.

Но чай попить любил он не спеша
Из пиалы, чистейшей, как душа,
И чай с душой заваривала Роза.
За чаем он продумывал вопросы,
Какие днем он должен был решать.

Все расходились утром, как на фронт:
Спешила Роза в медицинский фонд,
Детишки торопились в школу тоже,
Искак спешил, но тем и был дороже
Тот час, когда с семьей встречался он.

Следя, как луч целует серебро,
Он размышлял о нынешнем Бюро:
Назначено Центральным Комитетом
В свой срок оно, но что-то в нем при этом
Заранее тревожило порой.

Значенье заседаний тех слегка
И завышалось, может быть, ЦК,
Но на Бюро серьезные вопросы
Всегда решались, что возникли спросом,
А не брались бездумно с потолка.

И член Бюро, присутствуя на нем, —
Будь старый кадр иль вновь пришедший он, —

Все выступление строил тем острее,
Чем больше доказательств, фактов, грея
Его азарт, сумел представить он.

Ошибку совершивший человек,
Придя сюда, за свой, пожалуй, век
Такого не испытывал испуга;
Хотя Бюро всегда с позиций друга
Рассматривало всяческий аспект.

Но, получив и выговор, они,
Неся клеймо доказанной вины,
По-разному пытались суетиться:
Один готов сквозь землю провалиться,
Другой – как рыба, снятая с блесны –

Молчит, дыша как в свой последний час...
Избитые речами напоказ
Они порой лишались и работы,
Машин, квартир и всякой прочей льготы...
Как говорится – вот уж бог не спас.

Раззаков выступал в конце всегда:
Не лил речей, текучих, как вода,
А говорил и веско, и немного,
Но намечал дальнейшую дорогу:
Как исправляться да идти куда....

Он беспощаден был к рвачам и тем,
Кто наживаться только и хотел,

Идя во власть с позиций карьеристских;
Он не щадил знакомых самых близких,
В зазнайстве преступивших свой предел.

При этом он не думал, что иной,
Пусть даже и с доказанной виной,
Мог затаить обиду с жаждой мести;
Он честен был, и с жуликами вместе
Руководить не мог родной страной.

Воров терпеть не мог он и хапуг,
Его не трогал жалкий их испуг
И наказания требовал пожестче.
Он был в своей работе озабочен
Лишь чистотой и помыслов, и рук.

Сам коммунист от головы до пят,
Билет партийный он ценил как клад
И ненавидел тех, кто им торгует,
Кто свод партийный всячески толкует,
Но нарушает сам его стократ.

Искак во многом в жизни преуспел,
И тех, кто мог отвиливать от дел,
Он выявлял, наказывая строго,
И аппетит испортил очень многим,
И потому всегда врагов имел.

Кого критиковал он на Бюро,
Те забывали вмиг его добро,
А злились, что он им устроил взбучку:

Его слова, как острый перец жгучий,
К газетчикам просились на перо.

Бледнели лица, судьбы шли в уклон,
И критика уже со всех сторон
Летела в адрес вызвавших разборки...
Раззаков, получалось, самый зоркий,
И перешел дорогу многим он.

Бюро кончалось затемно не раз.
Все расходились — тот, кто языкаст
И кто умолк надолго после трёпки,
И сбавил спесь, и стал ручной и робкий...
Влияло ль этот всё на судьбы масс?

Искак, как все, скорей спешил домой
Поужинать и встретиться с семьей —
С детишками и с Розой ненаглядной;
Он был усталым, это и понятно,
Но дневники детей смотрел порой.

Затем еще газеты успевал
Хоть проглядеть — на чём-то заострять
Внимание, а что-то пропуская,
Уже глаза невольно закрывая,
Усталостью сраженный наповал...

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

...А между тем промчалось много лет.
Республика дорогою побед
Прошла немало; были неудачи,
И счастье было — это много значит:
Росли деревья, дети солнцу вслед.

И мы росли в те светлые года —
И я, и друг мой верный *Байдылда*¹:
Мы с ним стихами жили и дышали,
Читатели в лицо нас узнавали,
Ценила и писателей среда;

И «Ала-Тоо» — наш родной журнал,
Свои страницы с радостью давал
Для наших с Байдылдою публикаций...
Однажды — в дни цветения акаций —
Раззаков всех писателей собрал.

¹ Байдылда Сарногоев — Народный поэт Кыргызстана.

Должна была пройти в самой Москве
Кыргызская декада – во главе
Писателей, стране уже известных.
Все оживились – как же, интересно,
Кто первый по читательской молве?

Кто птицу счастья в этот раз в судьбе
*На рукавицу*² вызовет к себе?
Кто во главе у нас пойдет по праву?
Тогда Айтматов был в начале славы –
Один из всех в писательской гурьбе.

Готовились к декаде сообща,
За книгой книгу выпустить спеша:
Правительство спонсировало щедро,
В Москве, во Фрунзе все, – как прежде мэтры, –
Печатались, как просится душа.

Перед декадой самой и собрал
Раззаков нас. Вошла степенно в зал
Писательская братия, как стая,
Вперед пустив *Аалы и Тугельбая*³,
Минуты важной чувствуя накал.

Мы с Байдылдой замкнули все ряды:
Коль молод ты, то ниже будь воды,
Пусть даже и добился ты успеха –

² На рукавицу – охотники сажают своих ловчих птиц, особенно беркутов.

³ Аалы Токомбаев – Народный поэт КР; Тугельбай Сыдыкбеков – Народный писатель КР.

Так нам велят традиции от века,
И, впрочем, быть последним – нет беды.

В том зале на четвертом этаже
Ждало людей немало нас уже,
И сам Раззаков к нам спешил навстречу.
Такой прием и самых робких лечит,
А все мы были храбрыми в душе.

Он руки всем пожал, дошел до нас,
До молодых, – мы словно напоказ
Стояли с Байдылдою чуть в сторонке,
Как будто бы на льду, на самой кромке,
Не поднимая с полу скромных глаз.

Но нас коснулась теплая рука...
О, как она в пожатии крепка,
Рука, что за штурвалом Кыргызстана
Ведет корабль этот неустанно
Сквозь льды невзгод в победные века!

Все – молодые, старые творцы, –
Затихли, как в одном гнезде птенцы,
Все по местам расселись, глядя близко
На лидера республики кыргызской,
Как будто на ответчика истцы.

Он начал речь свою издалека,
Используя богатства языка

В развернутых метафорах сравнений.
Тот сирота, тот смуглый мальчик, гений
Вел речь свою с искусством седока,

Что скакуна принудил через рвы
Лететь, не пригибая головы,
Лишь скорость увеличивая в беге;
Казалось, тайна в этом человеке
Живет, цветком, сокрытом от молвы.

Скакун словесный мчался, мчался вдаль,
Его искусству было нас не жаль –
Писателей, живущих слова ради...
А мы купались в этом водопаде,
Испытывая радость и печаль.

Притихли все властители пера –
Словесного Олимпа мастера,
Коль называть Олимпом Ала-Тоо;
Искак смирил приветственное слово –
Мол, перейти и к делу нам пора.

Он все заботы наши знал до дна,
Он одарил вниманием сполна
Размолвки все писательского цеха,
Патетику разбавив долей смеха
И мэтров всех припомнив имена.

Он говорил о темах, что нужны
Сегодня для развития страны,
Давал советы, как добиться спроса

На книги наши – так легко и просто,
Как будто из сердечной глубины;

Он говорил, что, мол, сердца людей
Сегодня ждут развития идей,
Что породила новая эпоха;
Еще сказал – нельзя писать «неплохо»,
А надо только кровью, жизнью всей:

– «...А самой главной темой в этот век
Стать в книгах должен новый человек:
Природы чудо, он неповторимый,
Таинственный, красивый и любимый,
Непознанный и чистый, словно снег.

Вот ваша тема, вот развалы руд,
В которых бриллиант и изумруд
Соседствует порой с пустой породой;
Литература – зеркало народа,
И в направлении этом стройте труд.

Учитесь у людей, любой урок,
Что человек преподнести вам смог,
Считайте благодатью – это крылья,
Что приподнимут над архивной пылью,
Наполнят высью творческий исток...»

Еще немало лидер нам сказал,
И с каждым новым словом тихий зал
Весь проникался важностью натуры,

В открытый фонд родной литературы
Внести готовый жизни всей запал.

Мы с Байдылдой блаженствовали – так
Напомнил выступлением Искак
Те лекции в родном Литинституте,
Где нас учили творчеству – по сути
Отсеивать от главного пустяк.

Раззаков, нам казалось, мог легко
Спустить писак блаженных с облаков,
Профессоров заткнув за пояс речью,
Безжизненное всё очеловечить
И превратить бездушное в прикол.

– «... Что ж, развиваясь, мы должны развить
Литературу нашу, с жизнью слить,
На высоту поднять, – и подытожил:
– Декады испытание поможет
Просчеты наши все определить».

Писатели, как будто путь нашли
К победе, что ведет за край земли,
Захлопали Искаку, с мест поднявшись;
Забыты были все разборки наши
В единстве этой новой колеи.

Как будто каждый дал в душе обет:
Трудиться до своих преклонных лет,
Да так, чтобы перо творило чудо,

Как будто бы прорвавших из-под спуда,
Чтоб в мире мы оставили свой след.

Искака, возмужавшего уже,
Но с тем же светом цельности в душе,
Судьба благословила быть с народом,
Лишь с ним делить и радость, и невзгоды,
И свет хранить у тьмы на рубеже.

Писатели – народ нестройной,
Но вышли все школярскою гурьбой
Как будто после лекции чудесной,
Обмениваясь самым интересным,
Что было им подарено судьбой.

Причины общей радости большой
Ясны как день: Искак сумел душой
Объять творца любого, и отныне
Он был любим, и больше: понят ими.
Коль цель ясна, то сердцу хорошо.

Творцам был вскоре выдан общий Дом, –
Правительство заботилось о том,
Чтоб расцвела в стране литература,
На ней ведь, в общем, зиждется культура,
Навек оставшись в слове золотом.

Прошла декада – десять шумных дней.
Москва стократ их делала шумней –
Киношники, художники, артисты,

Писатели, певцы и пианисты –
Переполняли залы десять дней!

Сказала беспристрастные слова
Про славную Киргизию Москва:
Все испытанья выдержали с честью,
Домой вернулись с самой лучшей вестью –
Что добрая о нас пошла молва:

Мол, в Кыргызстане опера, балет,
И голоса – каких не слышал свет,
А балерина! – имя-кастаньеты:
Бю-бю-сай-ра, ей в танце равных нету,
«Уланова!» – шептали ей вослед.

Кюи Ыбрая и Карамолдо
Не мог бесслезно выслушать никто:
Комуз пленил Москву сердцебиеньем.
Мыскал, Асек своим прекрасным пеньем
Добавили эмоции потом.

И книги обсуждались – с добротой,
Но справедливо, критики другой
Писатели не ждали: слово друга,
Пусть жёсткое, – хорошая порука:
Что бред любой сгодится на убой.

«Ваш виден рост!» – сказали москвичи,
Дотошнее, пожалуй, чем врачи,
Литературу края изучая;

Уже в застолье за московским чаем
Сказали больше: «Ваш велик почин!»

На этом *мое*⁴ столько теплых слов
Любой сказать кыргызам был готов,
И многие, конечно же, сказали;
Раззаков тоже слово взял, и в зале
Разлилась речь прекраснее цветов.

Он весь светился: цели он достиг,
И потому ложились на язык
Слова светлее солнечного блеска
И глубже южной ночи сутью веской.
И замер зал, смакуя этот миг.

Цвели в глазах Искака огоньки.
И как по мановению руки,
Лишь речь он кончил, зал взорвался, право:
Аплодисменты, звон и крики «Браво!»
Порхали всюду, словно мотыльки.

Певцы запели славу торжеству.
Блаженство сном казалось наяву.
Вот друг за другом выпорхнули пары –
Девицы-павы и джигиты-парни, –
Так стрелы покидают тетиву.

За парами следили сотни глаз.
Раззаков танцевал и сам не раз,

⁴ Той – пиршество, застолье, праздник.

Не стал он медлить в миг прекрасно-зыбкий,
Когда Бюбюсара сама с улыбкой
Его позвала выйти в круг на вальс.

От изумленья пары сбились все.
Бюбюсара во всей своей красе
И сам Раззаков – стройный, легкий, быстрый, –
Неслись по залу, обгоняя мысли,
Как первый луч по утренней росе.

И музыка была двоим под стать,
Уже им впору было бы взлетать:
Как юный парень с девушкою весенней
Они кружились посреди веселья,
И никому их было не догнать.

Все любовались грацией двоих,
Судьба соединила будто их,
Чтоб в жизни им уже не разлучаться...
Бывает мимолетнейшее счастье
Прекрасней всех намерений твоих.

Но вальс умолк, погас его огонь.
Пожал Раззаков нежную ладонь
Так осторожно, словно руку феи...
Мне этот танец трепетный наваял
Поэмы новой зыбкий полусон.

Со всеми вместе, стоя, хлопал я:
Весь зал, как будто дружная семья,

Приветствовал сложившуюся пару;
А я... поэтом, видно, стал недаром:
Уже слагал я сцены бытия,

Как эта пара светлых лебедей,
Отринув косность этики людей,
Ушли вдвоем в свое шальное счастье;
И верил – этой ночи не кончаться,
А длиться вечно тенью ярких дней...

Быть может, ночь такую и была,
Покуда не затмили ночь дела,
А все дела на свете неотложны...
Но сделать невозможное возможным,
Быть может, ночь в судьбе двоих смогла.

Наутро много домыслов, увы,
О танце шло от каждой головы,
Но многие слагались поэтично...
И о себе могу сказать я: лично
Я счастлив был! – как, может, нынче Вы...

Я только слушал, памятью согрет.
В гостинице «Москва» собрал обед
Писателей, подвигнув их на споры.
Я бережно запомнил разговоры,
Что проливали на Искака свет.

Токтоболот Абдумомунов, драматург:

– «Кызыр⁵ к двоим как будто подошел
И в них свое везение нашел!
Танцует чудно Первый наш, а прима!
Как жаль, что этот миг блеснул – и мимо
Промчался, словно крыльев легких шелк...

Их первый танец был последним... да:
Раззаков удивляет нас всегда,
Во всем он знает толк, он мысли слышит
И говорит легко, как будто дышит,
Не повторяясь в речи никогда.

Он вырос, испытав так много мук!
Он как в степи пустынной сочный луг,
Как свет, во мраке вспыхнувший внезапно,
Как лекарь душ – ведет народ свой в завтра,
Ему любой проситель – словно друг.

Писателем безвестным много лет
Я был – не драматург и не поэт,
Хотя писал романы и поэмы,
И в голове моей теснились темы,
Хоть был мой быт весьма уныл от бед.

Во Фрунзе, на окраине, в глуши,
Я жил, ни с кем не споря от души:

⁵ Кызыр – в национальной мифологии: покровитель везения, сопутствующий удачам, успеху, который встречается в облике белобородого старца.

Там были только частные строенья,
Приземистые, словно поколение,
Что наряжало крыши в камыши.

Мой быт мое здоровье подорвал,
И как лечиться, в общем, я не знал –
Болезнь такой тяжелой оказалась;
Идти к министру? – но претит мне жалость
И робостью всевышний наказал...

Увы, я таял прямо на глазах,
Весь исхудал, иссох, и только страх
В душе плескался, высекая слезы;
От безысходной этой скудной прозы
Еще живой я превращался в прах.

Однажды некий врач вселился в дом,
Он дал лекарство мне, сказав при том,
Что раздобыть его, конечно, трудно,
Но лишь ему болезнь моя подсудна,
Его годами надо пить потом.

Он был заботлив, ласков, терпелив.
В беседах наших вел он свой мотив:
Я спрашивал: «Смогу здоровым стать я?»
«Захочешь – станешь, вера – вот заклятье
От всех напастей, в ней же – сил прилив!»

Он усмирил болезнь мою навек,
Такой хороший добрый человек...

Я у него допытывался – где, мол,
Достал лекарство он? – такое дело!
– «Скажу, когда отпразднуем успех...»

И постепенно я пришел в себя,
Вновь улыбнулась мне моя судьба,
И вот ходить я снова стал, как прежде.
И у врача спросил опять в надежде,
Что всё он скажет, истину любя.

– «Раззаков сам министру поручил
Искать лекарство, а не сто причин,
Чтоб отказать, и отыскать решение;
Министры знают: нет тому прощенья,
Кто хоть бы раз свой имидж подмочил.

Нашлось лекарство лишь за рубежом,
И не рубли ведь стоило при том,
Но лишь оно могло спасти от смерти...»
Ошеломлен я был, друзья, поверьте,
Ведь был я с нашим Первым незнаком!

– «Представь себе, тебя Раззаков спас!
И о тебе он спрашивал не раз –
Как я лечу, заметны ль улучшения...
У нас вполне простые отношения,
За всех болеет он не напоказ».

Так вот кто мне на годы жизнь продлил!
Я от души его благодарил,

Ведь я ему обязан был до гроба.
Он человек высокой самой пробы,
Дай бог ему как можно больше сил!

Я сына этим именем назвал –
Ыскак! И пусть пока сынок мой мал,
Я верю, что величия частица
К нему придет удачей – счастья птица
К нему однажды сядет на дувал...»

Абдрасул Токтомушев, поэт:

– «То было время, полное невзгод.
В разрухе жил безрадостный народ.
Был нищим я и все, кто по соседству.
Мечтали мы хоть досыта наесться,
Тогда придет, мол, радости черед.

Поэму я об этом написал,
«Письмо из Какшаала» – так назвал,
Ее читали люди с восхищеньем.
Я к новой приступил без промедленья,
Как раз когда мороз наш край сковал.

Чернила замерзали на столе.
Я тоже мерз, и пальцы грел в золе,
Чтоб удержать перо еще немного.
На стеклах лед чертил свои дороги,
Всегда во тьму ведущие во мгле.

Лишь одеяло ватное меня
Спасало в свете сумрачного дня,
Но сквозь него пронзал проклятый холод...
Достать угля мечтая, шел я в город,
Представив жар крылатого огня.

Я замечтался – солнечных стихов
В уме сложить немало был готов,
Но радость угасала с каждым мигом:
Ведь даже солнце, глянув хмурым ликом,
Опять исчезло в гуще облаков.

Догнал меня Раззаков в этот миг.
Он понял все: ведь шел я, как старик,
В лохмотьях многочисленных скукожась...
Я покраснел, наверно, всею кожей,
Пробормотал приветствие и сник.

– «Скажите, как дела идут у Вас?
О чем Вы так мечтаете сейчас,
Не отводя на миг от неба взгляда?
Мечты?.. Но нет – ведь Вы другого склада,
Чтоб вдруг мечтать у мира напоказ...»

Давно о Вас не слышал я, увы...»
– «Поэт, что книг не пишет, для молвы
Никто, ничто – живет безвестным просто...
Чернила, руки мерзнут от мороза
И мысли не идут из головы.

От холода не сыщется врача.
Без радости творения стуча,
Боюсь, заледенеет скоро сердце.
Стою, гляжу: куда от снега деться,
Что небо сбросит с барского плеча?

Ведь дома нет ни дров и ни угля.
Хожу, ищу – но все попытки зря,
Не я один в тупик попал, пожалуй...»
Раззаков молча руку вновь пожал мне,
Ушел – спеша, как зимняя заря.

А я продолжил поиски: базар
Напомнил мне заброшенный *мазар*⁶,
В котором ветер выдул даже камни;
Я мёрз и уши тёр двумя руками,
Но не спешил в свой дом, бедней казарм.

Снег не пошел, а просто повалил.
Пришлось домой бежать что было сил,
Спасать лохмотья от обледененья;
И каково же было удивленье:
Сосед с детьми мне уголь в дом носил!

Как много! – куча жизни и тепла!
Кто привезти мне столько мог угля?!
Мои детишки с ведрами сновали,
Моя жена с соседкой принимали,
Друг друга бодрой шуткой веселя.

⁶ Мазар – могила, кладбище.

Сосед сказал: «Раззаков сам прислал
Для Вас с углем огромный самосвал!»
– «Не может быть! Его рукопожатье
Еще несущее...» – «Да разве стану врать я?!»
А в горле у меня комок вставал.

Я говорить не мог, жене: «Скажи!...» –
Я прохрипел, она же от души
Сказала о Раззакове с любовью,
Что он велик, но он с людьми как с ровней
Обходится, – мол, этим дорожи!

Жена, отогревая наш *зиндан*⁷,
Спросила: «Кто сказал, как плохо нам? –
Соседи в шоке, мне ж ответить нечем!»
Я рассказал жене о нашей встрече,
Что мной самим был этот повод дан.

Без вороха одежд, без одеял,
Мы всей семьей попали как на бал
В свое повеселевшее жилище.
Еще с утра я был замерзшим нищим,
Теперь я вновь творцом, поэтом стал!

Казалось, было нечто в том угле,
С чем доброе вершится на земле,
И сам Раззаков в дар частицу сердца
Прислал с огнем – так сладко было греться
И печь картошку в гаснущей золе...

⁷ Зиндан – здесь: промерзшая яма для содержания смертников.

В тот день я, словно выиграл байгу,
Сто граммов выпил – их я берегу
На самое великое застолье;
Я пожелал Раззакову здоровья,
Разнежась, как на летнем берегу.

Назавтра, весь во власти торжества,
Я шел на Первомайскую с утра,
Чтоб раньше всех Раззакова мне встретить,
Горячей благодарностью ответить,
Поцеловать за чуткий жест добра!..»

Владимир Карпов, *писатель, Герой Советского Союза:*

– «Не знал я, что, войну окончив, в Ош
Меня пошлют... Но чем ваш край хорош:
Здесь птица вдохновенья входит в душу,
Закон гостеприимства не нарушат,
Пусть на гостей уйдет последний грош.

Я хлеб и соль на-равных с вами ел,
И полюбить людей уже успел,
Людей, что воевали до Победы;
Здесь солнце наши скрашивало беды,
И вместе мы вершили много дел.

Здесь дни мои счастливые прошли.
Я мудрости учился у земли –
Чтоб не спешить, как я привык на фронте,

И самому решать о повороте
В свою, любую сторону души.

А раньше, душу в армию вложив,
И по Уставу жизнь почти прожив,
Я как свеча горел приказа ради,
И выступал – так разве на параде,
А тут на съезд послали, – ну и жизнь!

Впервые я в столице был тогда.
Немногие я видел города,
Но Фрунзе показался мне знакомым:
Уютный, чистый, в нем как будто дома
Я был, хоть в нем и не был никогда.

Война его лишила многих сил,
Но он себя достраивал и жил,
И был наполнен парковой прохладой:
Большой театр с белой колоннадой
Мое воображенье поразил.

Был зал театра ярко освещен,
Людьми наполнен был сверх меры он,
Но всем нашлись места в уютных креслах;
И было видно – людям интересно,
Кто будет избран главами сторон.

Направились в президиум чины,
В костюмы, в галстук все облачены –
Знакомые, прославленные лица.

Они смогли на сцене появиться,
Когда весь список избранных прочли.

С докладом вышел быстро, чуть не в бег,
Довольно невысокий человек:
Лишь голова видна из-за трибуны.
Но встречен был овацией он бурной,
Как будто все доклада ждали век.

«Несчастные кыргызы! – вот напасть!
С таким вождем ведь можно и пропасть!»
Сосед до слез словам моим смеялся,
Шепнуть другим соседям постарался,
И вместе все нахохотались всласть.

А я не унимался: «Что за смех!
Каков он сам, таков его успех,
Что он расскажет эдакого ныне?
Он мысль оборвет на половине –
В лесу не куст хранит пернатых всех!...»

Я, может быть, еще б критиковал,
Но гром оваций смолк, притихший зал
Готов был влет ловить любое слово.
«Послушайте!» – сосед шепнул мне снова,
Как в армии – почти что приказал.

Доклад Раззаков начал не спеша.
Все в зале ждали молча, чуть дыша.
Но я не вник пока – так в чем же тайна?

Сосед шепнул: «Нет в речи слов случайных,
В нем говорит и разум, и душа!»

Сосед помог мне вникнуть в эту речь,
И я сломал своих сомнений меч
И наслаждался вскоре каждым словом.
Так соловей звучит, так речка словно
Готова сердце в радугу облечь.

Он говорил все ярче, все сильнее,
Напоминая страстный бег коней,
Что на просторы вырвались внезапно...
В нем было много знаний и азарта,
И лжи ни капли — он не знался с ней.

А я за клячу принял скакуна!
Мозги, наверно, выбила война.
Мне было стыдно за свои нападки.
И я не стал играть с соседом в прятки,
Сказал, как есть, что думал — все, до дна:

Что он — надежда яркая для всех
Сегодня, в дни разрухи и прорех.
Так дай вам бог, кыргызы, быть с ним долго:
Он человек любви, ума и долга,
И с ним в страну придет большой успех!

Раззаков излагал за мыслью мысль,
И вместе с ним мы поднимались ввысь.
Он мне теперь казался великаном.

Великий сын большого Кыргызстана,
В ком древний дух и знания слились.

Я все ругал себя, а он все рос.
Он отвечал на каждый наш вопрос,
Как будто приготовил все ответы.
Он был рекой безудержного света...
Я хлопал так, что все мозоли снёс.

Вот так и я Раззакова узнал.
Себя за скепсис долго я ругал,
Но радовался искренне, что люди
Плывут в житейском море трудных буден,
А великан ворочает штурвал!...»

...Запомнил я те речи навсегда.
А всех троих я знал не дни – года,
Как искренних людей, прямых, правдивых...
Вот так портрет Раззакова на диво
Сложился ярко, выпукло тогда.

РАССТРЕЛЯННЫЕ БЫЛИ РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

Дни проходили, мчались чередой.
Снега сменялись новою весной.
Малыш вчерашний – смотришь ныне, – взрослый,
Отцами стали, мамами подростки...
Проходит жизнь. И кто тому виной?

Раззаков не винил течение дней,
И жизнь саму не мог винить вдвойне,
Но вот болело сердце – ведь не камень:
Сыны народа лучшие – врагами
Звались по чьей неведомо вине.

Их имена, их битвы с гидрой зла,
За что судьба к расстрелу привела,
Он оправдать решил перед народом,
Перед законом – всей страны и рода,
Подняв в архиве старые дела.

Он изучал их жизнь, проникнув в суть
Их дел и мыслей, свой правдивый суд
Сам для себя верша в своем сознание,
И подчиненным тоже дав задание
Все рассмотреть без спешки и без смут.

Вот *Орозбеков* – умным был главой,
От вымиранья спас народ родной;
*Жусуп*⁸ – интеллигентнейший политик,
В любых делах – мудрец и аналитик;
Он шел ва-банк, кыргызский новый Ной;

Ученый первый, труженик пера,
По книгам чьим училась детвора –
Касым, природный гений *Тыныстанов*:

⁸ Жусуп – имеется в виду Жусуп Абдрахманов, первый глава Совнаркома Киргизской АССР.

Он стал бы гордой славой Кыргызстана –
Пришла не в сроки смертная пора...

За счастье, независимость страны
Боролись эти верные сыны,
Они народ кыргызский призывали
Идти без страха в солнечные дали,
Что лишь свободным людям и видны.

Клеветники состряпали донос,
Мол, внуки ханов могут лишь всерьез
Народ вести на жертву, на закланье,
Своей врожденной хитростью влиянье
Используя на вкус любой и спрос.

Доноски как будто мстили тем,
Кто знаний свет за несколько колен
Уже вкусили в смене поколений
(Им невдомек, что был ученым Ленин), –
Чтоб все «никто» мгновенно стали «всем».

Так сняли сливки общества – силком.
Пытаясь совесть выбить кулаком,
Их волю, честь и мужество в подвале
Сломать навек... Невинной жертвой пали
Крылатые, чтоб век не жить ползком.

Так лучшие из лучших навсегда
Ушли... Людей, расстрелянных тогда,
Насчитывалось множество – но кто же

Их мог бы счесть, своей рискуя кожей,
А, может быть, и жизнью иногда?

Вникал Раззаков в те дела, что вел:
Когда случился в партии раскол,
И то, что было доблестью, назвалось
С обратным смыслом... Что куда девалось?
Архив, казалось, жёг рабочий стол.

«Враги народа» словно щит живой
От бед спасали свой народ родной,
И это им в вину, увы, вменяли,
И без суда, без следствий расстреляли...
А ведь народ за них стоял горой,

И был высок у всех авторитет,
Их уважали все – и млад, и сед...
Врагов, быть может, зависть породила?
Как с жертв палач свою собирает силу,
Так и завистник ищет крепкий след –

Чтоб исподволь напасть, вонзить клыки...
Клеветников дела всегда низки:
Они, сгубив людей в расцвете славы,
Все их дела подставив под потраву,
На сером фоне станут велики.

Так вот причина – личная корысть...
Палач не станет жертв ловить и грызть –
Он подневолен, он суду подвластен.

А клеветник лишь в том находит счастье,
Чтоб самому шагать по трупам ввысь.

А, впрочем, новой масти палачи
(Искак боялся даже думать – чьи)
Расстреливая мужество и доблесть,
Глумились, унижая, гнали в пропасть,
Хоть ненависть была их без причин.

Все под секретным грифом шло тогда.
А жены, дети долгие года
Все ждали, что мужья, отцы вернутся,
Что праведные судьи разберутся
И восстановят правду навсегда.

Искак жалел, что не вернуть назад
Те смутных лет, когда имен каскад
Исчез под селем лжи и провокаций;
В любимом Фрунзе с запахом акаций
Творился в душах совести распад...

Искак велел героев имена
Очистить так, чтоб каждая жена,
Любой ребенок мог отцом гордиться
И без клейма работать и учиться –
Пусть хоть они возьмут реванш сполна!

Ведь жены, дети так сказать «врагов»
Несли клеймо на чистой глади лбов –
Незримое, но действенное очень:

Учились и работали без отчеств,
Униженные властью дураков.

Их презирали, их карьерный рост
Не принимался никогда всерьез,
Да, впрочем, не давали и разбега...
Мне Озгоруш однажды – Орозбеков, –
Рассказывал, сдержать не в силах слез:

– «Раззаков оправдал отца, и нас
По сути дела от гонений спас,
Хотя спасал он нас и в дни гонений:
Деньгами, лаской, словом – добрый гений
Он был для нас, и пусть не напоказ;

Другие в нас плевали – мол, враги.
Искак Раззаков был совсем другим:
Большой души великим человеком
Он был, придя из завтрашнего века
И став для многих другом дорогим...»

А сам Раззаков, выполнив мечту,
Вернув на небо каждую звезду,
Утерянную вроде бы навеки,
И честь, и совесть в каждом человеке
Тем возродил, чтоб быть с собой в ладу.

Хоть изменилось многое с тех пор,
Завистники заводят разговор
О всех великих с явной долей злости,

Хоть им и льстят, и даже ходят в гости,
Но в адрес их несут и ложь, и вздор.

Да, «provokator» – слово не в чести,
Но до сих пор не стыдно донести
Иным «борцам» за равенство и братство
На чье-то достижение, богатство,
Чтоб пламя славы сжать в своей горсти.

Об этом спорят, я б сказал – трубят,
Что зависть губит всё и вся подряд,
Но зависть, обновляясь с каждым годом,
Иначе расправляется с народом,
Чтоб стал бесплодным весь родимый сад.

Как говорится, если валит дым,
Ищи огонь – за дымом он густым.
Искак про зависть думал мимолетно,
Как обо всем, что зависти подобно,
Ну, и совсем не думал – молодым.

И вот сейчас, жалея тех людей,
Чей до сих пор горел огонь идей,
Порой во мгле решением согревая,
Он думал, постепенно прозревая,
Что зависть, подлость честности сильнее,

И наглость, что помножена на ложь,
Которую ничем и не проймешь,
Берет измором крепость, и как видно,

Коль он бессильным станет инвалидом,
Подлец в него воткнет злорадно нож.

Чем защититься? – ведь никто не смог
Из тех, кому, погибшим, он помог
Перед народом оправдаться все же,
В смертельной схватке с завистью и ложью
Остаться – пал, как сломанный цветок. . .

СЫДЫКБЕКОВ. АУЭЗОВ

Над Ала-Тоо алый встал рассвет.
По кряжам вниз потек, играя, свет,
Чтоб Иссык-Куль поджечь своей игрою;
Спокойно море утренней порою
Лучи собирает в огненный букет.

Зато, едва подует ветерок,
Волна к волне торопится, бросок
Сопровождая брызгами и пеной,
Характер свой кыргызский непременно
Всем показать пытаясь, как исток.

Здесь, в этом море-озере, не счесть
Великих тайн – на дне там город есть,
Гласят легенды; но сюда приходят
Чтоб сил набраться в девственной природе
И счастья часть в душе своей унести.

Да, Иссык-Куль – не просто водоем...
Вот здесь гнездились лебеди вдвоем,
Играя и кружась над синью резво, –
Вот здесь решил построить Ауэзов
Свой самый лучший в жизни светлый дом.

Мухтар в те годы жил, творил без бед,
Вставал с утра, чтоб встретить алый свет
С вершин хребта текущий прямо в воду.
Здесь, в этом доме, он обрел свободу
И расцвела душа его в ответ.

Он постигал здесь тайны вещей слов.
И поддержать в беседах был готов
Его *Туке*⁹ – писатель Сыдыкбеков –
Во время летних сладостных набегов
На чашку чая, добрый спор и плов.

Они бродили берегом вдвоем,
Чтоб, нагулявшись, вновь вернуться в дом
К своей большой непрерывной беседе;
«Как две горы!» – по-доброму соседи
Их называли, правые в большом:

Две очень крупных личности, они
В беседах долгих проводили дни,
Порой духовной пищей лишь питаюсь,
Из слов, как встарь алхимики, пытаюсь
Всё высечь философии огни.

⁹ Туке – ласкательное от имени Тугельбай.

Сегодня снова, радостью горя,
За достарханом встретились друзья.
Крошили мясо ловкие джигиты,
И в пиалах, с почтеньем им налитый,
Дымился чай с оттенком янтаря.

Устроив лавку драгоценных слов,
Любой из них порадовать готов
Всех, за столом сидящих, мыслью свежей.
Боорсоки с медом таяли неспешно.
Неспешно шла беседа мудрецов.

Туке спросил Мухтара между тем:
«Ты из Ташкента – слышал, – прилетел?
Там, говорят, собрание шло большое?
Люблю, что ты рассказ ведешь с душою,
Не забывая главного из дел...»

Мухтар удобней сел, как будто он
Вопросом друга был слегка смущен,
А, может быть, Ташкентским тем собранием...
Но свой рассказ он начал со старанием,
В своей поездке словно уличен:

– «Собраний мы видали много, друг,
Пожали мы с тобой немало рук
Людей известных, властью облаченных.
Но время всё меняет, да... О чем я?
Мы изменились тоже, и не вдруг.

В Ташкенте в этот раз собрался цвет
Всех наций Средней Азии – букет,
Составленный из лидеров и замов.
Шла речь о чем? – о главном, может, самом:
Что нам Москва – помощник и завет.

Старался каждый лидер свой доклад
Вперед других поставить – в первый ряд,
Чтоб благодарность выразить полнее
Кремлю, Москве, всему, что вместе с нею
Мы называем ёмким словом «брат».

Конечно, был известный пустозвон
В речах, в докладах, в прениях сторон...
На радость мне Кунаев с речью вышел.
Но все, что я на этот раз услышал...
Скажу – что я не удовлетворен.

Его сменил Раззаков – и, ура:
Он разбудил весь зал, как луч с утра,
Что через шторы пыльные ворвался;
Он завладеть вниманьем не пытался –
Зачем? – настолько речь была остра,

Что вовлекла любого в свой контекст.
То там, то сям хлопки летели с мест –
Реакция людей была бесспорна:
Слова лились, как речка с кручи горной,
Живой водой весь мир поя окрест;

Как белый сокол – голосом высок,
Разил он словом, точно бил в висок,
И каждое из слов – как драгоценность –
Усиливало всех идей бесценность,
В сердцах рождая отклик и восторг.

Оратор сильный он, а как умен!
Он мысль как некий дар со всех сторон
Мог осветить, чтоб слушатель услышал.
На состязанье с кем бы он ни вышел,
То выиграл бы, точно, только он!

Исчезли в зале смех и шепотки.
Утих по мановению руки
Президиум, что любит комментарий.
Искак, как новых дней парламентарий,
Бросал идеи в зал, как лепестки.

Я слышал об Усманове, что тот
Нашел среди бесчисленных забот
Возможность продвижения в карьере
Раззакова – и тот, по крайней мере,
Не как другие, вспомнил этот год:

Поддержки он и капли не забыл,
Наставника он так благодарил,
Что растопил сердца сидящих в зале,
Хоть многие давно, конечно, знали,
Кто подарил ему бесстрашье крыл.

Он соль земли узбекской оправдал, –
Да, так он сам, по-моему, сказал,
И лишь потом в кыргызский край направил
Свой опыт, ум и знание всяких правил,
Чтоб край родной хозяйством ладным стал.

Усманов – будь он жив сегодня, – он,
Конечно, был бы, думаю, польщен,
Что всех свершений назван был предтечей.
Потом Рашидов выступил... Но нечем
Отметить речь: банальность и шаблон.

Скажу я ради правды, что Искак
Вниманье зала взял надежно так,
Как будто тушу в конном козлодранье;
Рашидов не сумел вернуть вниманье
И словно сжался, высох и иссяк...

Увы! – *байге*¹⁰ забрал кыргызов сын.
Аплодисментов столько он один
Из всех стяжал за время выступленья.
Вот так прошло умов больших сраженье,
Чинов собрание, высший слёт седин...

С Раззаковым встречался я не раз.
Он поддержал, я помню – как, – «Манас»:
Мы с ним его смогли назвать «народным»
И гегемону нашему угодным...
Он и меня с «Манасом» вместе спас!

¹⁰ Байге – приз.

Он вдумчив стал – в тот возраст он вошел,
Когда наш опыт, ум в ладу с душой
Принять умеют с честью всякий вызов.
Один из лучших сыновей кыргызов,
Он сам себя, я думаю, нашел;

Его теперь с высокого пути
Не сбить вовек, он смог его найти
Развив в себе любовь и благородство.
Что помогло ему? Его сиротство?
А, может, он рожден, чтоб всем светить?

Нет слов таких – оформить эту мысль...
Я им горжусь, как будто сам – кыргыз,
И в Ала-Тоо, здесь, рождались предки.
Еще скажу: Раззаков – лидер редкий,
Им наградила землю вашу высь.

Его должны ценить вы, уважать,
Скажу и пуще – так оберегать,
Чтоб с головы его не пал и волос.
Без земледельца вянет даже колос.
Так без него вам бед не избежать.

Воздайте же при жизни, наконец,
Любовью – он народу как отец,
Но и ему нужна поддержка тоже.
А кто без вас еще ему поможет?
Не каждый год рождается мудрец.

Смотрите – сожаления пусты,
Когда они – к минувшему мосты...
Вы долгий путь прошли к удаче, братья.
Пусть Ала-Тоо греют вас объятья
И так же впредь сбываются мечты...»

Из пиалы Мухтар глотнул кумыс –
Мол, я бы мог развить и дальше мысль,
Но – жажда: с ней крадется к людям старость;
И, впрочем, заслужил, мол, благодарность:
Сказал, что мог. Подскажет больше высь...

Полынный, мятный запах ветер нёс.
Манил к себе песчаный желтый плёс.
Мухтар с Туке еще бродили долго,
Но всё о том же говорили только,
Тревожась за Раззакова всерьёз.

ХРУЩЕВ СВИРЕПСТВУЕТ. ПЛЕНУМ, ОТНЯВШИЙ СЧАСТЬЕ

Раззаков не боялся трудных дел,
Он, с каждым расширяя свой предел,
Встречал победу с бурным ликованием,
Не обделяя промахи вниманьем
И успевая выправить пробел.

Он шел всегда вперед, неутомим.
Не успевали многие за ним.

Он в отношениях ровен был со всеми:
Мол, должен всех к одной подвигнуть цели.
Кто с ним пошел – уже им был ценим.

Тогда Хрущев был царь и бог страны,
Радетель кукурузы, целины,
Чем степь его казахская манила.
Москва Искаку срочно позвонила:
«В Алма-Ате Вы завтра быть должны!»

Всех облетела, видно, эта весть –
Театр Абая полон: негде сесть,
Галерки, и они, полны народу:
Чины, поэты и животноводы,
Целинники и мир ученый весь.

В речах был собран мощный урожай,
В словах лилась пшеница через край...
Но все как будто ждали что-то свыше.
Искак Раззаков на трибуну вышел:
Глазами зал обвел – объял *атпай*¹¹.

Он был в ударе – речь, сменяя рысь
На иноходь, несла за мыслью мысль,
В галоп пускаясь вдруг быстрее молний;
Весь в напряжение, замер зал огромный,
В одном порыве словно все слились.

Хрущев нутром почуял силу слов.
Не раз, не два прервать он был готов

¹¹ Атпай – весь, всё.

Трибуна неожиданным вопросом;
Он был ревнив: кто пользовался спросом –
Входил невольно в тайный клан врагов.

А здесь – слова тянули как магнит.
Президиум, который чаще спит,
И тот, был вовлечен в процесс вниманья.
Один Генсек отчет о всех заданьях
Не столько слушал, сколько делал вид.

Он думал так: «Смотри, как он речист!
Где научился думать так киргиз? –
В горах, у юрты, где он пас баранов,
Сбирал кизяк... Учился по Корану?
А, может быть, спускался все же вниз?

Смотри, каков он – сталинский птенец...
Любил в низах отыскивать «отец
Народов всех» своих служак ретивых;
Убрать его из высшего актива
Не просто будет: видом – молодец,

На родине высок авторитет...
Задам-ка я вопрос – смешной ответ
Он даст, и с речи тоже может сбиться:
Забыл, мол, цифру, – сколько вы пшеницы
Собрали за год? Пышен ли букет?...»

Звучал в его вопросе тонкий яд:
«Казахи нам сегодня, говорят,

Собрали миллиард пудов пшеницы...
А как смогли киргизы отличиться,
И в житницу каков ваш ценный вклад?»

Он цифру знал, конечно, не забыл,
Но так хотел с Исаака сбыть он пыл,
Что был в душе своей злорадства полон:
Пудов всего лишь десять миллионов! –
Мол, весь накал сейчас пойдет в распыл...

Раззаков улыбнулся: «В этот год
Преодолели сушь и недород
Кыргыз с казахом – мы едины лоном, –
И миллиард и десять миллионов
Пудов пшеницы наш собрал народ!»

За этой «схваткой» зал со всех сторон
Следил, и был, конечно, потрясен
И быстротой реакции Исаака,
И тем, как отшутился он без страха...
Аплодисментов море вызвал он!

Хрущев почуял: зряшним был наскок,
Ум человека этого высок,
Настороже с ним надо быть, пожалуй;
Он рассмеялся, чтоб не вызвать жалость,
И образ дяди доброго сберег.

Минуты шли, Исаака речь лилась,
С душою каждой он наладил связь,

Засеяв драгоценными словами;
Закончил он, но не погасло пламя:
Звезда его взлетела и зажглась.

Хрущев заметил всё, хотел ему
Хотя бы вслед ответить по уму,
Но прошептал Раззакову лишь в спину:
«Хитер киргиз! – придешь ко мне с повинной...», –
Пожалуй, сам не зная, почему.

В блестящей потом лысой голове
Рождались мысли вязью по канве:
«Будь ты хоть трижды, братец, языкастым,
Твоя судьба в моих руках! – напрасно
Свой путь торишь ты... плугом по траве!»

xxx

Всё так же в небе плыли облака,
Недели шли – всё, как во все века...
Республика же бум переживала:
Рабочая профессия предстала
В завидном свете, радужном слегка.

В училища технические шли
Девчата, парни прямо от земли:
Все в темно-синей форме, как кадеты,
Накормлены страной и одеты,
Учились от своих семей вдали.

Специалисты нам нужны! – девиз
Звучал везде, учиться стал кыргыз
На токаря, бухгалтера – и пуще,
Мечтая, что на родине в грядущем
Возьмет в науках разных первый приз.

Престиж учебы вырос до небес.
Любой отец, едва пройдя ликбез,
Чтоб иногда с трудом прочесть газету,
Для сыновей мостил дорогу к свету –
Кто по прямой, а кто-то и в объезд...

Но, главное, что дети гор вперед
Шли в завтра: знал талантливый народ,
Насколько им понадобятся знания;
Девиз «Учиться!» – это было знамя,
Судьба, надежда, жизни всей оплот.

... Раззаков вдаль глядел и был иным
Уже заполнен: мощь реки Нарын
Его давно пленяла и манила:
Река, что волны, брызгаясь, катила,
В объятьях гор, была их суть, *карын*¹² :

Их силу, их энергию, огонь
Она в себе копила испокон,
Всю ценность их растрачивая даром,
Ведь струй игра, что схожа лишь с пожаром,
Могла прийти бы светом в каждый дом:

¹² Карын – живот, брюхо, желудок; поколение.

Могла бы электричество река,
Играя, вырабатывать века,
Но укротить ее с умением надо.
Он ждал проектов с разной точкой взгляда.
Недели шли и плыли облака...

Один проект другой сменял, и ГЭС
Уже, казалось, волею небес
Должна была начаться в воплощение...
Бег времени Раззаков в увлечение
Не замечал, спеша в десятки мест.

Ему полвека стукнуло... В тот день
Он ощутил в душе тревоги тень,
Но как всегда, не думая о *мое*,
Ушел в работу, чтоб не быть в простое,
Как говорится – тень загнать в плетень.

Но телефон, увы, не умолкал:
Звонили все – народ ведь дату знал, –
Звонили из Москвы, из Ашхабада,
Алма-Аты, Ташкента, Ленинграда...
И каждый с юбилеем поздравлял.

Шли телеграммы. Пробежав слегка,
Он клал их в стол; работники ЦК
С утра большой букет ему вручили,
Все, в общем, шло, как должно, чин по чину,
С работой от звонка и до звонка.

Уже темнело. Дочь и сын, жена
Накрыли стол, игристого вина
Нашли, не удивляясь опозданию;
Зайдя, любви и праздника дыханье
Он ощутил в объятьях их сполна.

Друзья уже спешили на порог
И члены все партийного Бюро
Пришли поздравить: «Из Москвы – награда:
Четвертый орден Ленина! – мы рады,
Новорожденный – в звездной *ороо*¹³!»

Раззаков обнимался с ними, он
Вниманием был искренне польщен,
Их пожеланья счастья и здоровья
Он благодарно принимал, с любовью,
Хоть это был этический шаблон.

Они сидели дружно за столом,
Блаженствуя за яствами, вином,
И словно состязались в славословье,
Похожее порою на злословье,
Но именинник не дружил со злом.

Один промолвил: «Ты сейчас созрел
Для самых громких трудоемких дел,
В которых – счастье нашего народа.
Гордимся – одного с тобою рода
Мы все, – одна судьба, один надел,

¹³ Ороо – повязка, обмотка; пеленка.

Такого сына нам она дала!..», —
Он говорил, не встав из-за стола,
Слова жуя порою вместо мяса;
А время шло, таких сравнений масса
Из речи в речь давно уже текла:

— «Ты к нам пришел, когда поникли мы,
Когда тревогой застило умы,
И стал нам честью, совестью, надеждой!
Твои награды — эта, те, что прежде, —
С тобою вместе разделяем мы!

Оратор лучший, лидер и трибун!
Ты нас ведешь, как *жылкычы*¹⁴ — табун —
К лугам привольным счастья и богатства!
Так будь здоров, живи во имя братства
Родов кыргызских десять тысяч лун!»

Искак сказал: «Послушайте меня!
Я — только жар, народ — творец огня,
Его источник и его природа.
Я счастлив быть частицею народа.
О нем скажите хоть под вечер дня!»

Но гость один привстал и сделал вид,
Что нанесли ему полста обид:
— «Сказали все, что думали, а я-то?
Молчу, как будто в чем-то виноватый,
Пришел сюда затем, что, мол, не сыт, —

¹⁴ Жылкычы — табунщик.

Он голосом обиженно дрожал,
Хотя ему никто не возражал, –
Конечно, надо весь народ наш славить,
Но я пришел тебя, Искак, поздравить,
А тут в меня пустили столько жал!

Ведь среди всех эпох один лишь ты,
В дела умеешь воплотить мечты!
Народ наш мудр, и ты им мудро правишь.
Горжусь, что нас с собой ты рядом ставишь
От щедрости души, от доброты! –

Таким тебя на свет явила мать...
И не могу еще я не сказать
Святую мысль, что в сердце бьется годы:
Нет лучше сына, право, у народа,
Чем ты – дарящий людям благодать!...»

Другому тоже дали слово, он
Игриво начал: «С детства одарен
Я правдолюбьем; и скажу вас прямо:
Судьба – непредсказуемая дама,
Но к нам она добра со всех сторон:

Народ – мудрец, наш лидер – тоже мудр,
Мы с ним живем без страхов и без смут,
От бед в пути становимся сильнее.
Кто клеветать на лидера посмеет –
Ослепнет пусть за несколько минут!...»

Перевалило за полночь. Уже
Остался свет гореть на этаже
В одной, Искака только лишь, квартире.
И гости – все они напротив жили –
Ушли, собой довольные в душе.

Искак же долго глаз не мог сомкнуть.
Болело сердце, жгла тревога грудь.
Он не любил излишних восхвалений,
Считая – суд бесстрастный поколений
Оценит все без лжи когда-нибудь.

– «Правдивы ли соратники? Лгуны?
Льстецы ли, провокаторы они?
Зима пройдет, весна цветы распустит.
И эти дни холодной лживой грусти
Исчезнут ради истины весны. ...»

Такая мысль во тьме коснулась лба.
Что ж, пятьдесят отстукала судьба,
Ведь время безустанное крылато,
Часы стучат – бесстрашно, безвозвратно...
На новый взлет настроил он себя.

xxx

Был у Хрущева старшенький сынок,
Что нашалить с пеленок прямо мог.

¹⁵ Бутырка – простонародное название тюрьмы в Москве.

Его назвали громко – Леонидом.
Он вырос злым, спесивым даже с виду.
Что ж, в этом статус папенькин помог.

Стреляя в парке, как-то раз на приз
Решился отпрыск выполнить каприз:
На голове товарища бутылку
Мишенью сделал, но, увы, в *Бутырку*¹⁵
Лишь угодил – кровавым стал сюрприз.

Он не в мишень, а в голову попал.
Услышав крики, понял он – пропал,
И пистолет роняя, сам залился
Истошным криком... Тут отец явился.
Все оценил и в Кремль поскакал.

Он помертвел от ужаса: сынок
Расстрелян будет... Как он только мог!?..
В Кремле он знал все выходы и входы.
И вот, добравшись до «отца народов»,
Упал к ногам, уткнулся лбом в сапог.

Поскребышев и несколько других,
Что в кабинете были в этот миг,
Смотрели, поражаясь, на спектакль:
Хрущев на четвереньках полз в атаку
На сталинский сапог – обнял, затих;

И слезно стал канючить: «Наш отец!
Не дай мне жизнь испортить под конец!
Не расстреляй сынка – он не нарочно,

Не дай мне сгнуть в беде моей бессрочной...»
Пришел в себя и Сталин, наконец.

– «Я не смогу помочь тебе ничем!» –
Ответил вождь, и срочно вызвал в Кремль
Врача – чтоб освидетельствовать «гостя».
Вождь пожелтел и весь кипел от злости.
Едва живой, Хрущев ушел – бедняк.

...Хрущев нашел «умельцев», что за мзду
Закрыли дело прямо на ходу,
И летчиком военным Леонида,
Вину сокрыв, назначили для вида.
Но парень оказался на виду:

В единоборстве с летчиком-врагом
Он побеждал, был дважды награжден,
И в трудной битве сам был сбит однажды...
Отец бы мог гордиться им, отважным,
Но нет, – Хрущев был злобой опален:

Он в смерти сына Сталина винил.
И униженья тоже не забыл.
Хотя при встрече он подобострастно
Тянул ладонь и много слов прекрасных
Ввернуть – в речах, в беседе с ним, – любил;

Душа его мечтала отомстить...
Судьба порой дает нам – так и быть, –
Реванш за все обиды: прав ты, нет ли...

Усатый вождь скончался, не промедлил,
Хотя еще планировал пожить.

Свою удачу взял Хрущев в броске:
Имея карты многие в руке,
В борьбе за «трон» он выиграл сражение,
И этим не окончилось везенье:
С ушедшим бой он начал налегке:

Он собирал бессонно компромат,
Взывая к тем, кто не пришел назад
Из лагерей, лесов, каменоломен...
Он кабинет шагами мерил, вспомнив
Как ползал здесь десяток лет назад!

Сначала тихо, исподволь, затем —
Во весь свой голос стал клеймить он тень
Вождя, что почитали люди в массе;
Он доводами крепкими запасся,
Чтоб ненависть свою навесить всем.

Был довод прост, он сам себе сказал:
Коль не сегодня — то потом нельзя
Мне будет мстить, когда лишусь поста я.
Примерно мысль такая же простая
Ему попалась в книгах на глаза:

Брат Александр Ульянов был убит.
Володя, брат, решил, что царь — бандит,
И наказать его бы надо крепко...

Он речь другую вел, когда в жилетку
Засунув руки, делал умный вид:

Вещал о счастье, классовой борьбе,
О равенстве и радостной судьбе
Страны, царя лишившейся навеки...
Хрущев решил: мол, все мы – человеки,
Трудись за всех, но помни о себе...

«Мой человечек самый дорогой
Ушел так рано, юным, в мир иной,
И Сталину за это отомщу я!»
Быть может, так он думал, может – лъщу я
Его отцовской памяти святой,

Но мстил он, не жалея ни о чем:
Назвал вождя тираном, палачом,
Принизил бранью всяческое дело,
Из Мавзолея вынес даже тело
И приказал не вспоминать о нем.

Пуская из сигары тонкий дым,
Смеялся Черчилль выходкам таким:
«Хрущев, однако, сильный и могучий! –
Ведь победил он умершего *дуче*¹⁶,
Кто из усопших сможет спорить с ним?...»

А дальше – больше: сталинский расклад
Ему претил на всех постах подряд;
Решил он кадры сталинские с корнем

¹⁶ Дуче – вождь.

Убрать, вину навесив непокорным,
Ведь друг врага ему – не сват, не брат.

Зимою он, слюною исходя,
Подняв кулак, грозил друзьям вождя,
Скандаля на собраниях и съездах...
Судьбу Хрущева вспомнить тем полезно,
Кто за предел заходит, мертвым мстя.

xxx

Без недостатков в мире нет людей,
Несет в себе зерно добра злодей, –
Искак познал все это в полной мере:
Одни его хвалили, честно веря,
Что он – скопление праведных идей,

Другие – лгали, позже тихо мстя,
Хотя теряли теплые места
Не по его вине и намерению;
Они за ним тянулись мрачной тенью,
Как грязь и сумрак по следам дождя.

А дальше – больше: всю собрав молву,
Возили заявления в Москву
Вчерашние раззаковские замы,
Собрав ошибки, что вершили сами,
Валили, приукрасив, на главу –

Бумага стерпит – если надо, что ж...
Портрет Искака мало был похож

В тех заявлениях на него, — со вздохом
Генсек читал их вслух, шепча: «неплохо»,
Но не давал им все же ходу — ложь...

К Раззакову не липла клевета.
Был верен делу партии всегда
Он — сталинский последователь честный,
За что любим народом повсеместно,
За что сужала круг над ним беда.

Генсек не знал, как снять его с поста:
Уж очень примитивна клевета,
Что привезли «обиженные» снова...
Он заотделом партии Титову
Велел: «Начните с чистого листа...»

«Очистки» спешной был придуман план:
Чтоб с новых строк начался Кыргызстан,
Лишить поста Раззакова и прочих,
Таких, как он; на прошлом сделать прочерк...
На все на это срок был тоже дан.

Титов во Фрунзе вылетел тотчас.
Он, гонор свой являя напоказ,
Мог рассмеяться грубо и бестактно,
На совещанье прерывал Искака,
Вставляя шутки в речь его не раз.

Он был уверен — все пойдут за ним,
Что он, Москву являя, тем любим,
И говорил по-барски он небрежно,

Оговорившись – ваш, мол, лидер прежний, –
Чтоб замер зал, сомнением томим.

Как подсудимый, рядом с ним сидел
Раззаков, отодвинутый от дел:
Титов как будто сам решил собрание
Вести, отдав Исаака на закланье,
Как прокуратор новых Иудей.

Хлебнув воды, он к прениям воззвал.
Ни жив, ни мертв сидел притихший зал.
*Кулатов*¹⁷ на трибуну тихо вышел.
Кто из бедняги дух как будто вышиб? –
Он речь свою бубнил, жевал, шептал...

А у Исаака кровь кипела вся,
Как будто, на сыром кресте вися
Он был привязан проволокой колючей...
Кулатов всё бубнил, но дальше – лучше:
Поправки к обвинениям внося.

Докладчик не смотрел по сторонам,
Как будто на дороге, полной ям,
Он вел свою телегу-развалюху.
Раззакова не выдержало ухо:
– «Вы иль не Вы сейчас – признайтесь нам!»

Вопрос был просто снят, как «ни о чём»,
И пленум шел, ведомый москвичом,

¹⁷ Турабай Кулатов – член Бюро в те годы, а в 70-е – Председатель Верховного Совета Киргизской ССР.

Разыгранный, как будто бы по нотам,
И очень круто с каждым оборотом
Являя стукача за стукачом:

Такая ложь откуда-то лилась,
Из прошлого вытаскивалась грязь,
Которой места не было в природе:
Шутил, мол, Первый как-то при народе,
Над кукурузным пугалом смеясь...

Но вдруг один солидный баритон
Дискуссию вернул в приличный тон
И высказал все то, что было правдой:
О том, как люди всей Отчизны рады,
Что есть Раззаков, что ведет их он;

Что он, забыв себя, и день, и ночь,
Работает, чтоб родине помочь,
Что для себя он выгоды не ищет,
Что скромнен он, зовет на «Вы» детишек
И никого в сердцах не выгнал прочь;

Что не дает землячеству, родству
Мешать единству, дружбе, естеству,
Что ненавидит хамство, алчность, лживость —
Он партию от них избавил живо,
Они и мстят сегодня потому;

О знаниях, об опыте сказал,
О том, что как трибун он держит зал,
И что знаток Искак во всех искусствах,

И что с таким умом и зрелым чувством
Его терять республике нельзя...

Был вне себя от ярости Титов:
Боялся он, что сила честных слов
К себе притянет многих, и в мгновенья
Изменит весь настрой, все выступления...
Он был бороться до конца готов.

Он в руки папку взял и встал – пора:
«До завтра! Заседание – с утра!».
Все разошлись, пристыженные словно,
Никто не смел друг другу молвить слова.
Единство, дружба – всё была игра...

Титов совсем не думал отдыхать:
Вернувшись в зал, он начал вызывать
К себе Бюро – по одному – неспешно;
Что говорил – не знаем мы, конечно,
И можем только лишь предполагать.

Одно понятно: он не мог никак
Сказать Генсеку: «Выиграл Искак!»,
Мол, болтунов не усмирил я, глупый,
И увольняюсь с этой же минуты,
Коль провинился перед Вами так...

Титов собрал всю мощь свою в кулак,
Чтоб доложить, вернувшись: «Снят Искак!»,
Решив загнать служак ретивых в угол,

Урок им дать, навесив всюду пугал,
Вложить в них речь и дать им в руки флаг!

Двоих-троих он даже похвалил:
«Вы – молодец, какой похвальный пыл!
Быть может, завтра, ход дадут достойным»...
Концовку затуманил – мол, спокойно,
Вас изберут, коль в деле хватит сил:

«...Понятно, почему я вызвал Вас?
Вы не боитесь смело, напоказ
Критиковать начальство, если надо?
Сначала – дело, а потом – награда...
Так выступите завтра, не боясь?..»

Другому: «Я заметил, Вы никак
Не высказали мнения – Искак,
Я понимаю, – он довлеет очень...
Но завтра он с поста уходит, впрочем.
Подумайте о завтра – просто так...»

Так всех Титов измором брал, пока
Они не станут слушаться пинка,
Когда настанет нужная минута;
Он отпускал людей, засеяв смутой
И обнадежив будущим слегка.

А. главное, никто ведь не хотел
Лишиться места, отойти от дел
И вслед за Первым кануть в неизвестность.

Как говорится, двум ведущим тесно.
Не ум, так разум – кто вперед успел...

Одна лишь ночь – для многих ночь без сна, –
Решила очень многое она:
Отстуканы доклады на машинке,
А совесть, как Дюймовочка в кувшинке,
Уснула крепко – сей цветок без дна...

Один – уже по летам борода,
Но как птенец, что выпал из гнезда,
Барпы Рыспаев – ночь трудился рьяно,
И накатал такого! – то ли спьяну,
А то ли вправду думал так всегда:

Докладов десять написал для тех,
Кто, предвкушая завтрашний успех,
Решились трон захватывать, не глядя,
Кто прав, кто нет – Раззаков или дядя,
Судьбу страны решающий за всех...

Искак провел с домашними досуг.
Никто не знал, о чем тревожный стук
В груди отца и мужа в этот вечер...
Шутил с детьми и с Розой он – беспечен,
Лишь умолкая без причины вдруг.

Всю ночь он только делал вид, что спал:
То холодом, то жаром обдавал
Внезапный гнев, что как огонь подспудный

В душе все тлел, рассудку неподсудный,
И то и дело в сердце оживал.

Придя на заседание с утра,
Искак заметил – черная дыра
Вокруг него в толпе образовалась:
Она случайно как бы расступалась,
Хотя такого не было вчера;

Еще – что каждый словно прятал взгляд,
Здороваясь небрежно, невпопад,
И все молчали – словно перед казнью...
Ну, что же, пленум – в общем-то не праздник,
А форма общепринятых расплат.

Титов же папку красную раскрыл:
– «Товарищи! Пора оставить тыл
И в бой идти без всяких компромиссов!» –
Высказывая резво мысль за мыслью,
Он проявил весьма горячий пыл.

Пошли доклады тут – один, второй;
Один и тот же автор и герой,
Не спяну – сдуру писаны, наверно...
Но каждый выступал, надеясь Первым
Уйти сегодня с пленума домой.

– «Искак работал десять с лишним лет.
Да, кое-что он сделал, спору нет,
Советуясь с другими в каждой мысли...

Кыргызов он, как нацию, возвысил
В ущерб другим народам, видит свет.

И сам себя возвысил – не в пример
Другим чинам: себя без всяких мер
Он прославлял в своих поездках долгих,
Пока мы здесь, одни, из чувства долга
Решали круг проблем его же сфер...».

Так член Бюро на яд сменил елей,
Ведь говорил другое в юбилей:
«Своей работой дал ты счастье роду,
Отчизне, кыргызстанскому народу...» –
За краткий срок он стал себя умней?

Сказал другой, обманутый в ночи,
Что, власти, мол, получит он ключи:
– «Стремление работать у Искака,
Конечно, есть – работы нет, однако,
Одних лишь слов кипящие ручьи...»

Еще один, слюною исходя,
Вскричал: «Другого надо нам вождя!
Раззаков наш – давно не победитель,
Нет, он скорее – нации вредитель!»
Вспотел он, как сбежал из-под дождя.

Другой как будто исповедь вверял:
– «Искака я давно, пожалуй, знал,
Но отвернулся от него навеки –

Разочарован в этом человеке.
Мне стыдно, что ему я доверял!..»

Совсем недавно он твердил о том,
Что с юных лет Раззаковым пленен:
– «...моя неиссякающая сила,
Горжусь, что нас одна земля взрастила,
Что здесь у нас с тобою общий дом...»

Да, эта ситуация была
На радость всем на свете силам Зла.
Вчерашние друзья и сослуживцы,
Состроив скорбно козьей мордой лица,
Крушили все, что им судьба дала.

И кто сравнил с горами лишь вчера
Раззакова, сегодня со двора
Гнать предлагал, и чуть ли не метлою...
«Ослепнет пусть, кто смеет мыслью злою
Задеть Искака – наш оплот Добра!..» –

Тот самый рот, что это утверждал,
Сегодня гром и молнии метал,
Чтоб очернить Раззакова сильнее:
– «..Я партии лишь верен, вместе с нею
Хочу от лжи очистить пьедестал:

Раззаков так зазнался, что, увы,
Решив поднять престиж свой для молвы,
По школам раздает еду бесплатно,

Хоть говорили мы неоднократно:
Учение – не для сытой головы;

Кыргызскую он учит молодежь,
Растит их кадры... Снова видим ложь:
Другие сами крутятся народы;
Он одевает, кормит столько сброда
Из сел глухих! ...цена тем кадрам – грош;

Закоренелый националист,
В средневековье всех он тянет, вниз:
Язык кыргызский взяв на попечение,
Он русский сокращает в обученье...» –
Ослеп душой сказавший так кыргыз.

На пленуме, пожалуй, лучше всех,
Хоть не стяжав заслуженный успех,
Сказала Менсеитова о многом;
Ей, Рабие, тот пленум стал уроком
Как выше быть толпы, что впала в грех:

С доклада Суйеркулова Абды
Начав, она, набравшим в рот воды
Безмолвным соглашателям, сумела
Вломить словами так, что то и дело
Ей с мест шипели многие: «уйди!»

Все остальные дули вновь в дуду,
Что смастерил Титов им на ходу,
Одной и той же лжи держались в спорах,

На жожака кидаясь словно сворой,
В награду чуя сытную еду.

Но вот Андрей Усыянов слово взял.
Шахтерский труд он с малых лет познал,
Рожденный в Кыргызстане русский парень,
Он не любил узды – в толпе ли, в паре,
Сам за себя всегда он отвечал.

В тот год он был вторым секретарем
Тянь-Шанского обкома, и о том,
Что здесь идет расправа над Искаком,
Он понял сам – уж очень одинаков
По смыслу был докладов снежный ком.

Усыянов счастье в правде находил,
И справедливость – то, чем только жил
На свете он, работая по чести;
Он уважал Искака – но без лести,
Что и теперь в докладе подтвердил;

Он перечислил просто тот задел,
Что совершить Искак уже успел,
Добавив к ним дела, что в планах только,
Сказав, что им не будет в жизни толка,
Коль отстранят Раззакова от дел.

Он говорил взволнованно, остро:
– «Вы так легко забыли всё добро
И, думаю, из личной лишь корысти!

Сейчас, поправ святейшую из истин,
Мы причиняем всей стране урон:

Мы черной краской мажем все, что есть,
Что составляет гордость нашу, честь!
Останется в истории Раззаков,
Он – личность, не во всем он одинаков,
Но он – грядущих дней благая весть!

Вы рядом с ним эпохе не видны...
Он прибыл к нам с узбекской стороны,
Работал день и ночь – не без отдачи,
Ведь без него мы жили бы иначе,
Плоды его работы всем видны!

Людей без недостатков на земле
Не может быть... Но что искать в золе –
Мол, то, не то полено было в топке!?
Сойдя с пути, домой по тайной тропке
Несете ложь, как баба в подоле...»

Титов охрип от злости и осип,
Глаза готовы выпасть из орбит:
– «Ты в адвокаты, что ли, записался?
Назавтра во вчера бы не остался,
Подумай, что судьбе твоей грозит!

Ты лести целый выплеснул ушат...
Пусть мед Исаку, но тебе-то – яд!
Хвалить без оснований – преступленье!

Сойди с трибуны, дай закончить пренья!
Тебе – не слышишь, что ли, – говорят!..»

– «Зачем грубить, на «ты» переходя?
Мы не друзья, не вижу в Вас вождя,
Не лично Ваша и трибуна эта;
Закончу речь, и Вы, как должно, следом
Своё скажите, список свой ведя...»

– «Уйди! Сойди с трибуны, я сказал!
Еще чуть-чуть – и ты покинешь зал!
Сойди! Не понимаешь русский, что ли?!..»
– «Вас не боюсь – увы, – не в Вашей воле
Моя судьба и жизни всей стезя.

Коль не сойду – Вы в драку, на рожон
Готовы лезть? Я, право, поражен.
Чиновник проучить решил шахтёра...
С секретарей, возможно, снимут скоро,
А из шахтеров? – может, тоже вон?

Профессию, простите, не отнять,
Как честь на рабство не перековать!.. –
Усыанов был взволнован, но закончил: –
Таких, как наш Раззаков, между прочим,
Навряд ли небо нам пошлет опять!

Главой страны становятся лишь раз
Такие люди – с честью, как алмаз,
В которых мудрость с совестью сдружились;

Да, карьеристы, склонные к наживе,
Им мстят за честность – что и есть сейчас...»

Он говорил от сердца, и над ним
Казалось, пламя вихрем голубым
Само возникнув, пляшет, растекаясь...
Но растопить словами правды зависть
Огонь не смог – растаял, словно дым.

Титов в своем расчете вышел прав:
Раззакова как личность растоптав,
Единогласно все Бюро решило,
Что критика лицо вождя раскрыла
И что лишить его пора всех прав.

Искак не подал виду, что беда
Его врасплох застала – как всегда
Он на трибуну вышел, столь спокоен,
Как будто должен выступить на тое,
А все, что было – так, журчит вода...

На самом деле тяжелей горы
Он униженье нес, до сей поры
Он сердца боль скрывал под этой маской;
Но он собрал все силы не напрасно:
Все ждали – *как* он выйдет из игры.

– «Спасибо вам за критику, друзья.
Нет, обижаться не намерен я,
А то кого расстрою ненароком.

Я счел все выступления уроком.
Теперь другою станет жизнь моя!..»

Как будто сговорившись разом, зал
Раззакову, когда он всё сказал,
Захлопал так, что стекла задрожали.
В душе-то все Исаака уважали,
Что из-под спуда вышло, словно залп.

Титов вскочил, от злости вне себя:
– «Таких, как вы, тюрьмой клеймит судьба!
Кого вы провожаете с восторгом?
Вы не партийный, а... сказал бы – орган,
Не коммунисты, просто – голытьба!..»

Зал отрезвел от этих резких слов.
Контроль над залом быстро взял Титов.
Лес рук поднялся «за» в притихшем зале –
Чтоб «снять»... Те руки, что рукоплескали,
Любой под кресло спрятать был готов.

Раззаков понял: кончена игра,
Еще немного – скажут, мол, пора
Покинуть сцену Вам и в зал спуститься ...
Он понял – ждать такого не годится,
И в зал спустился: «коль нейдет гора...».

Стучало сердце, боль текла в висок.
Он сел на первый ряд, спиной, не мог
Взглянуть хоть мельком в эти – в зале, – лица.

Сидел, слегка нахохлившись, как птица,
Которой вдруг надели *колпачок*¹⁸.

Он сразу одиночество познал,
И не покинув даже этот зал:
Все обходили, словно он изгоем
Отныне стал, и это чувство злое
Его сразило в сердце наповал.

Где подхалимы, где толпа льстецов,
Что лезли, как мошка, всегда в лицо?
Как мог не замечать он их двуличья?
А где друзья? И в чем же их отличие
От явных неприкрытых подлецов?

В машину сел. Шофер спросил: «Куда?»
– «Давай-ка в Басболток!..» – Искак всегда
В минуты смуты ехал в сад фисташек,
Что сам сажал на склонах знойных наших,
Где так близка вечерняя звезда.

Ушел он в сад и оземь там упал,
И в полном одиночестве рыдал:
«Земля моя, земля моя родная!
В чем виноват я пред тобой – не знаю,
Я все, что мог, с любовью создавал!

Младенцем я покинул твой предел
И на чужбине рос, а так хотел

¹⁸ Ловчему беркуту надевают специальный колпачок, чтобы он прекратил охоту.

Вернуться и для родины трудиться!
Ты позвала, дала в себя влюбиться,
Еще дала свершить немало дел...

Я тратил ум и знания на тебя,
Все, что вершил – свершил я лишь любя,
Тебя считая матерью, святою...
Прости – я, может, слез твоих не стою,
Прости, – моя надежда и судьба!

Я счастье лишь в тебе искал всегда,
Я ел твой хлеб, а сладкая вода
Твоя меня поила как младенца...
Скажи – куда теперь мне в жизни деться?
Я жив тобой... – куда идти, куда?!...»

Он землю обнял крепко, как сумел.
Лицо в слезах белело, словно мел.
Ему лежать хотелось долго очень,
Вдыхая запах трав, весенних почек –
Он надышаться этим не успел.

– «Прощай, моя земля! Уеду вдаль –
Куда, не знаю... Бесконечно жаль
С тобой, любимой, мне навек расстаться...»
Кому еще он в этом мог признаться?
Кому тоску поведать и печаль?

Пусть он расстался с властью и судьбой,
Но оставался он самим собой:

Таким же честным, выдержанным, мудрым...
Вошел в свой дом таким, как вышел утром,
Но встретил дом печальной тишиной.

Повисла будто в воздухе беда...
Да, Роза стол накрыла, как всегда,
Для мужа – для хозяина достатка.
Поели молча, и уже за сладким
(Хотя казалось горькою еда)

Она спросила, чай налив ему:
«Ну что? Предали все – по одному?»
Эркин с Эльмирой взгляд уткнули в блюда,
Отца жалея, сияясь улыбнуться,
Чтоб подчеркнуть, что верят лишь ему.

Он посмотрел спокойно на жену.
Она, опять нарушив тишину,
Спросила: «Помнишь, как тебя хвалили?»
Прошло полгода – что, уже забыли?!..»
Было тон суров, как вызов на войну.

Ответил он спокойно, как сумел:
– «Да, пленум был... Меня он, в общем, съел.
Все те, кто, соревнуясь, в щедрой лести,
Меня хвалили так – загрызли вместе...
В броню я сердце спрятать не успел.

Наш хлеб и соль, наверное, забыв,
Они один лишь помнили мотив:

Что чересчур люблю народ кыргызский...
Всего больней терять друзей и близких
И жить, талант в чужой земле зарыв...»

Не мог заснуть он долго в эту ночь,
Хоть гнал, как мог, воспоминанья прочь
О лицах, перекошенных от злобы,
О выступленьях самой низкой пробы...
И ведь никто не смог ему помочь!

Он вспомнил всех, кто с честью вел дела,
Кому природа совесть, ум дала,
Как на Искака преданно глядели...
Куда они девались, в самом деле?!
Их тоже зависть в дебри завела?

И вереница лиц вставала вновь —
Людей, предавших совесть и любовь:
Жульё, корыстолюбцы, карьеристы...
Как изменились люди эти быстро!
Как будто им вакцину влили в кровь...

Но было их ему до боли жаль,
Его терзала горечь и печаль:
Пусть предан был Раззаков ими, что же,
Он не предаст их даже в мыслях тоже —
Ведь разве ржа возьмет измором сталь?

Они не чуют, в чем их главный грех,
Нацеленные в жизни на успех,

Они печаль и боль других не знают,
У них и совесть на ухо больная,
Судить ли можно их за это всех?

Отца и мать, пожалуй, предадут,
Чтоб уберечь себя от всяких смут.
Ушел Раззаков – будут льстить другому,
Не выходя из чувств сердечных комы,
Чтоб в нужный час свершить неправый суд...

Что натворил в Киргизии Хрущев,
Узнали из «Свободных голосов», –
Америка весь мир объяла сплетней:
Мол, этот кадр сталинский последний –
Раззаков – удален со всех постов.

Да, интерес народа был задет.
О пленуме судачил белый свет
И многие Усьянова хвалили:
Андрей всего лишился, говорили,
Но справедливость он не предал, нет!

СУДЬБА УСЛОЖНЯЕТСЯ

Раззаковский уютный кабинет,
В котором просидел он много лет,
Занял другой – далекий от ошибок,
Не терпящий у служащих улыбок
И шторой закрывающий рассвет.

А те, кто предал, победив, теперь
Хотели бы закрыть Исаку дверь
На родину – мол, он в любви к ней клялся,
Так пусть бы без нее навек остался,
Считать вдали свой перечень потерь.

Они его боялись – ну, как вдруг
Он мстить начнет? Страшней врага тот друг,
Что предал – по себе он всех измерит,

И никому отныне не поверит,
За выстрел примет в двери тихий стук...

Искак, что унижение с детских лет
Познал на вкус, а с ним и сотни бед,
Не мог без слез терпеть их натиск скверный.
Страну он принял в год послевоенный
И все же смог зажечь надежды свет;

Ему полвека минуло – народ
Доволен был им, твердо шел вперед,
Он сам задач больших наметил много...
И вот – ему закрыта та дорога,
Что проложил он сам в далекий год.

Но, нет, свои холодные глаза
Они вонзили в сердце, голоса,
Что он, отдавший жизнь за них, бесправен,
И каждый запустил в Искака камень,
Изгнанием с родной земли грозя.

Изгнав его, неужто мир и лад
Они в душе холодной ощутят?
Его отъезд для них – желанный праздник?
Один *тилек*¹⁹ среди нападок разных,
Прицельно завершающий распад?

Вот так Искак отправлен в ссылку был.
Да, ссылка – ведь навек разрушен тыл,
Что называем родиной, друзьями...

¹⁹ Тилек – цель, намерение, желание.

Не дай же бог, чтоб так случилось с вами!
Страшна судьба, коль вся пошла в распыл.

С сарказмом смаковали эту весть,
«Друзья», что позабыли стыд и честь:
Ему в Москве, мол, дадена свобода...
Так оказался он «врагом народа»,
Хоть вслух не говорилось это здесь.

Искак отъезд как ссылку ощущал.
Он видел, что в тупик, увы, попал,
И впереди – не план судьбы, наброски:
Опять чужбина, серый дождь московский,
Воспоминаний горестный оскал...

В одно мгновенье прошлые года
С руки слетели птицей навсегда,
Пропали, как табун в тумане зыбком;
С его лица совсем ушла улыбка,
В зрачках погасла светлая звезда.

Его спасла работа: день и ночь
Трудился он, прогнав печали прочь, –
Он здесь, в Москве, писал свой труд бессонно.
И лампа над столом казалась солнцем,
И грела сердце мысль: смогу помочь

Родной стране – анализом всех дел,
Что он свершил, что сделать не успел...
Опять он словно заново родился,

Водой волшебной словно исцелился,
И стать собой опять-таки сумел!

Сквозь сито аналитики провел
Он всю эпоху; стал рабочий стол
Бескрайним полем нового сраженья
За новые наметки и свершенья,
За будущего четкий ореол.

Издалека понятней все стократ:
Он видел то, что много лет назад
Прошло, как тень, его вниманья мимо;
Он взвесил то, что ценным было мнимо,
И от чего, напротив, шел расклад.

«Да, иногда парил я в облаках,
Работая за совесть, не за страх,
Не тех людей в партнеры выбирая,
Не разглядев, что лошадь-то хромая...
Ах, жаль, что дело сделал я не так...

А вот за это – братья было зря.
Ведь тоже, словно в облаке паря,
Работников, что надо, отодвинул
Других назначил... Заложил ведь мину –
Рванула в должный день календаря...

Работников хороших сколько раз
Я отстранял – порою напоказ,
Чтоб неповадно было ошибаться

Другим, плохим, что могут улыбаться.
Когда ронять бы слезы им из глаз...

Свою поддержку сам искоренил –
И чашу сам свою до дна испил...»
Он Самарканд припомнил – сколько света,
Друзей, цветов, свиданий до рассвета...
Он с Розой там всю ночь порой бродил,

Приняв решение – жизнь прожить вдвоем,
Родить детей, построить добрый дом...
Он вспомнил вдруг слова Машраба, друга:
«Бывает, птица счастья, как подруга,
Приходит в жизнь, но только вот притом

Растет число врагов – и тем быстрее,
Чем больше счастья в дом приходит с ней...».
Искак прошел как будто очищение
От слепоты былой, и воскрешение
Его сильнее сделало, добрей.

Окрепло сердце, ясно видел взор
Все то, что скрыто было до сих пор,
Врагов простить сумел он без оглядки;
Лишь на висках теперь белели прядки,
Как будто снег на дальних склонах гор.

Вся боль в душе зарубцевалась в шрам.
Любой *адал* всегда затмит *арам*,²⁰

²⁰ Адал, арам – согласно мусульманскому верованию все на свете делится на чистое и на нечистое, т.е. на адал и арам.

А он себя отдал добру навеки.
Общаясь с ним, в нем, в добром человеке,
Любой свой лучший образ видел сам.

А враг, увы, общеньем с ним теперь
Унижен был – так злобный хищный зверь
Ни доброты не терпит, ни участия...
Нашлась ему работа в кадрах – счастье,
В его просвет опять открылась дверь.

«Не зря он был раньше секретарем,
Народ, наверно, счастлив был при нем,
Хороший человек, в нем есть основа, –
Так москвичи судачили о новом
Работнике, соратнике своем, –

Но словно тайну носит он в себе,
В глазах, в улыбке... Что стряслось в судьбе
До перевода этого в столицу?
Увидишь разве что такие лица
Лишь на иконах где-нибудь в избе...»

Москва оценит мужество всегда.
Взошла опять Раззакова звезда:
Ему давались сложные задания,
Примером стал он вновь для подражания,
Поскольку не сдавался никогда.

Но помнил он Лейлек, долину Чуй,
Игру лучей в речной прохладе струй,
И ту сквозную рощицу фисташек...

Он жил в Москве престольной, Фрунзе краше,
В достатке, в ласке – утром поцелуй

Жена дарила, служба в гору шла,
Решались интересные дела...
Но горевал нередко он о крае
Своем, родном – о высохшем курае,
И то, тоска в поля его вела.

Он думал, что забыл его народ
За время то, что он в Москве живет,
И он забыл земли родимой запах...
Здесь даже небо в облачныхakraпах
Ему казалось низким, как живот.

Был счастьем – гость, из дома человек.
К примеру, как поэт *Кубанычбек*²¹,
Что близок был Раззакову душою –
Высокой, поэтической, большою, –
В Москву частенько он свершал набег,

И каждый раз спешил на встречу к ним,
Как к самым близким родичам своим,
В подарок вез кумыс и боорсоки,
*Чучук*²², ягненка мясо, даже соки,
И, если б смог, привез кизячный дым!

Он понимал о родине тоску,
Что не развеешь, в общем, на скаку,

²¹ Кубанычбек Маликов – Народный поэт Кыргызстана.

²² Чучук – домашняя конская колбаса.

Но хоть частичку дома другу вез он;
Ровесники, прожив немало вёсен,
Хлебнули оба много на веку.

И, встретившись, неспешный разговор
Они порой сплетали как узор
Всю ночь, без сна, — о судьбах Ала-Тоо,
О тайнах, что пролиться не готовы,
Но в сердце их чувствителен напор...

Раззаков жаден был до новостей —
Еще бы! — с каждый месяцем гостей
Все меньше было в их московском доме.
Кого винить? — заботами ведомы
Друзья все были, плюс — надзор властей...

Порою даже Маликов не мог
Прийти к ним без оглядки на порог,
Хоть выше всех ценил Искака-друга.
Он, на прощанье пожимая руку,
Читал взхлеб ему наплывы строк...

Рос Кыргызстан, и рос со всех сторон:
Дорогой прежней шел спокойно он,
Что проложил Раззаков в годы власти;
Но не делил, увы, с Искаком счастья —
Искак ни разу не был приглашен,

Хоть праздники торжественные шли,
Сбор объявив со всех краев земли,
Где чествовали многих без заслуги...

Искак с Отчизной, помня друг о друге,
Близки ведь были даже и вдали:

Его задумки дали рост стране.
Так почему же был он в стороне?
Как заключенный, хоть не арестован,
Как осужденный без суда – со стоном
Он думал так, живущий без корней.

Будь он как все посредственностью лишь,
То до сих пор бы властвовал – глядишь, –
Работал бы, ничем не выделяясь,
Не возбуждая в людях рядом зависть,
А тихой сапой жил бы, словномышь.

Так значит знания, опыт, сердца жар
Его сгубили... Слишком щедрый дар
Дала судьба в довесок к испытаниям;
И здесь, в Москве, держа свой опыт в тайне,
Он, выделяясь, зависть возбуждал.

Вот почему он не был приглашен
На *той* любой, что там, в Отчизне, шел:
Проста разгадка: вдруг опять народу
Понравится Раззаков, ведь природа
Ему дала и ум, и речи шелк;

Притянет обаянием своим
Людей, и ложь развеет, словно дым,
И место вновь займет свое по праву...

Устроить лучше памяти потраву!
Прервать навеки связь любую с ним!..

Так десять лет тоски его прошли.
Он шестьдесят отпраздновал вдали
От дома, от родных своих просторов...
Махнув рукой, решил, что Ала-Тоо
Сам навестит, как сын своей земли.

Уже спустилась осень на поля.
Его встречала Чуйская земля
Высоким небом, солнечной улыбкой.
Не встречен властью, он в сомненьях зыбких
Не думал, впрочем, что приехал зря.

Пусть власть и не подаст ему руки,
Он чист душой наветам вопреки,
И не к чинушам ехал, а к народу,
Тому, простому, что как часть природы
Своим не ставит сети и силки.

Всегда душа народа широка,
И зрение его наверняка
Увидит справедливо, беспристрастно
Что безобразно в жизни, что – прекрасно,
И только ложь осудит на века.

Его встречали люди кто как мог,
Заполучить спеша на свой порог
И в хлебосольстве щедром соревнуясь;

Сиял Раззаков, лишь за то волнуясь,
Что не объедет всех за краткий срок.

Его в свой дом, где сад был словно рай,
Заполучить успел и *Тугельбай*²³.

Они вели серьезную беседу:
Писатель чуял, что за ним по следу
Крадется некто – тихо, но *такай*²⁴;

То там, то сям ему мешая жить,
С людьми встречаться, думать и творить...
Его ценил Искак в былые годы,
Давая, сколько мог, ему свободы,
Чтоб до конца талант его раскрыть.

Раззаков знал: кыргызам нужен он:
Не зря природой щедро одарен
Седой писатель с быстрым зорким взглядом.
Его изустной речи стройным складом
Раззаков был, как прежде, покорен.

НА БЛАГОДАТНОМ ИССЫК-КУЛЕ

Искак решил проделать длинный путь,
Чтоб память освежить и отдохнуть.
Он сам маршрут поездки выбрал долгий,

²³ Тугельбай Сыдыкбеков – Народный писатель Кыргызстана.

²⁴ Такай – вплотную, близко; упорно, настойчиво.

Чтоб жизнь народа всю увидеть с толком
И сладкий воздух родины вдохнуть.

На Иссык-Куль, конечно, он, спеша,
Направился – туда звала душа
Вперед всего – к озерной чистой глади,
Где иссыккульцы носят синь во взгляде,
С рожденья синью озера дыша.

Он побродил неспешно по песку.
Гасили волны всю его тоску,
К ногам ласкаясь, обдавая пеной
В своей любви и вере неизменной,
И к другу обращенной, и к врагу...

В селе с названием *Крупный-Сары-Ой*²⁵,
Где *Жоомарт*²⁶ окончил путь земной,
Перешагнув едва за тридцать в жизни
И посвятив весь жар души Отчизне,
Погиб в пути в аварии шальной.

Он другу *Темиркулу*²⁷ за три дня
Сказал: «Увидишь вряд ли ты меня:
Тебя, меня судьбы достанет пуля –
Так чую... Дай, прощаясь, поцелую!...»
Близки друг к другу – больше чем родня, –

²⁵ Чон – крупный, большой.

Сары – желтый, рыжий; знаток общественных событий.

Ой – мысль, помысел; совет, обсуждение; низина, впадина, котловина.

²⁶ Жоомарт Боконбаев – Народный поэт Кыргызстана.

²⁷ Темиркул Уметалиев – Народный поэт Кыргызстана.

Они обнялись: Темиркул опять
На фронт спешил, чтоб дальше воевать,
Закончив краткий отпуск по ранению;
А Жоомарт спешил в служебном рвенье
Статью очередную написать:

Корреспондентом был он в дни войны...
В Чон-Сары-Ой светило с вышины
Такое солнце, полное цветенья!
Тянулись ввысь весенние растения,
И соловей рассказывал про сны;

Пылали по обочинам дорог
Сплошные маки – алый их покров,
Как будто кровь, залил Прииссыккулье.
Что ж, у судьбы свои отлиты пули.
Поэта смерть вела в его исток.

Чон-Сары-Ой – погост и колыбель
Поэта, что великой из потерь
Стал для всего кыргызского народа:
Он здесь погиб, где так щедра природа,
Своей судьбы захлопнув в завтра дверь...

Искак об этом думал здесь, в селе,
Шагая тихо в предвечерней мгле:
Он Жоомарта был чуть-чуть моложе –
Лишь на полгода, – но вдвойне он прожил
Ту жизнь, что тот увидел на земле.

В Ташкенте с ним не встретился Искак,
Не удалось и после им никак
Найти друг друга в дружеской беседе.
Осталось только строк его наследье
И придорожный буйный алый мак...

Искак, шагая, тихо, для себя
Читал стихи поэта, где судьба
Родной земли с его судьбой сплеталась;
Свистели птицы, озеро плескалось –
И все дышало вечностью, любя...

Назавтра путь лежал в Чолпон-Ата.
Курортный город – спешка, суета
Стоят все лето; но порой осенней
Переживает город потрясение:
Не зря в названье *первая звезда*²⁸;

Он весь – прозрачен, светел, чист, лучист...
Концерты задержавшийся артист
Еще дает – о чем кричат афиши,
Но только запах яблок всюду слышен,
Их, краснобоких, не прикроет лист –

Таких огромных больше нет нигде,
Хоть на земле ищи, хоть на звезде...
Искак припомнил детских лет веселье:
Их праздники венчал апорт осенний –
Он, иссыккульский, славился везде.

²⁸ Чолпон – Венера.

Здесь нет двора без сада, без цветов.
Из школ несутся сотни голосов...
Он вспомнил иссыккульского поэта,
Которым это время так воспето! –
Он, *Алыкул Осмонов*²⁹, был готов

Назвать детьми стихи свои, и в путь
Их отправлять, опустошая грудь
От сильных чувств, порой идущих кровью...
Он Иссык-Куль любил такой любовью!
Его любовь пребудет вечно пусть.

Родился он в селе Каптал-Арык,
Но приезжал сюда, и жить привык
В виду волны гуляющей озёрной,
Где белый лебедь, где и лебедь черный
Плывут попарно – шеи, клювы встык...

В Чолпон-Ате прославился поэт,
Где он прожил не так уж много лет –
Сгорел в своей любви и страсти рано.
В литературе он всегда, как рана,
Кровоточит, но эта кровь – лишь свет.

Искак и с ним не встретился – когда
Он в Ала-Тоо прибыл навсегда,
Поэт Осмонов, мир объяв любовью
И заплатив за дар свой вещей кровью,
Ушел во тьму как яркая звезда.

²⁹ Алыкул Осмонов – Народный поэт Кыргызстана.

Ыскак всегда поэта восхвалял,
Он наизусть стихов немало знал,
Перебирая их, как самоцветы;
Мечтал он сделать памятник поэту
В Чолпон-Ате, где часто сам бывал.

Врагам в укор – среди насущных дел,
Что он, увы, закончить не успел,
Осталось это – и сейчас он грустно
Подумал, как без памятника пусто
В краю, что Алыкул в стихах воспел.

Тем временем уже промчался слух,
Что сам Раззаков здесь – не только дух,
Что иссыккульцы свято сберегали;
Его повсюду с радостью встречали:
Огонь любви в народе не потух.

О встрече с ним мечтал любой кыргыз.
На достарканах мясо и кумыс
Сосеждествовали с грудой боорсоков,
Лежал *нават*³⁰ окаменевшим соком
И абрикосы – солнечный каприз.

Все было вкусно, но еще вкусней
Беседы были – видел в них ясней
Раззаков беды, радости, надежды...
Он воплотил бы все надежды прежде, –
Жгло сожаленье сердце все острой.

³⁰ Нават – колотый фруктовый сахар.

К Искаку вдруг приблизился старик.
Он говорить, как видно, не привык,
Но тут сказал с улыбкою щемящей:
«Горжусь рукопожатьем! – настоящий
Живой мудрец с небес сошел на миг!

Здоровы ли? Как там, в чужих краях?
Позвал домой отцовский сирый прах?..
Вы не смущайтесь – мудрецом прозвали
В народе Вас, и знает кто едва ли,
Как имя зарождается в устах:

Ни чин, ни пост, ни самый высший сан –
Скажу я, не указ людским устам,
Как должность Ваша бывшая – к примеру;
Вам – шестьдесят, и Вам, пенсионеру,
Как мудрецу я почести воздам!

Как Вы – такие люди раз в сто лет
Рождаются на этот грешный свет...
Весь наш народ, рожденный в Ала-Тоо,
Гордась, как прежде, мог бы с Вами снова
Идти вперед дорогою побед!..»

В одном селе, что рядом с кромкой вод,
Остановил машину пешеход:
Он *калпаком*³¹ махал им, суетился

³¹ Калпак – мужской национальный головной убор из белого войлока.

И от улыбки радостной светился,
Вскричав, когда водитель сбавил ход:

– «Все слышали, что Вы у нас в гостях –
На Иссык-Куле, – видит сам аллах,
От этой вести все село на взводе,
Уже ягненок блеет в огороде,
И старики расселись на местах;

Побудьте в нашем доме, я прошу!...»
Село сбежалось радостно на шум.
Пришлось принять Исакаку приглашение.
Ломился в доме стол от угощения:
Не яблоку – нельзя упасть ножу!

Хозяин суетиться продолжал:
– «Мой сын Алым, я так его назвал,
Он Ваш *кешик*,³² – кумыс ли, бешбармак ли, –
Поест за Вами вслед, а Вы ведь святы,
Хочу, чтоб сын, как Вы, таким же стал...

Кешик придаст энергию ему,
Добавит силы телу и уму,
Он, мой Алым, Вам станет словно братик!...»
...Конечно же, не только сына ради,
Раззакова он принял – потому,

³² Кешик – остатки пищи. Существует народное поверье, согласно которому, если ребенок съедает остаток пищи великого, знаменитого и т.д. человека, то его качества передадутся ребенку.

Что весь народ Искака уважал,
Да что там – прямо скажем: обожал,
И на руках готов носить был даже;
За десять лет изгнания пропажей
В глазах простых людей Искак не стал.

Не счесть домов, в которых побывал
В поездке этой; в каждом восседал
Он на тѐре почетным самым гостем,
И много слов хвалебных в каждом тосте
Он о себе с волнением услышал:

В них не было ни лести и ни лжи:
Любой сельчанин думал так, как жил.
Один джигит с сердечностью простою,
С женою пошептавшись, после тоя
Коня привел Искаку от души:

– «Отец Искак! Ведь столько добрых дел
Свершили Вы для нас, простых людей,
Заботой Вашей мы с тех пор богаты;
Примите дар – вот мой скакун крылатый,
Он будет Вам поддержкой каждый день!»

– «Сынок, спасибо – очень щедрый дар!
Прекрасный конь! Но я для скачек стар,
И тяжело его мне холить будет;
Душа моя о даре не забудет,
И сердце будет греть ваш добрый жар³³!»

³³ Жар – возлюбленный; тот, кто оказывает помощь, поддержку; крутой берег; оповещение, клич.

– « Хотя бы согласитесь, *атаке*³⁴,
На скакуне промчаться налегке:
Вдвойне его я буду холить, зная,
Что атаке Искак – его хозяин,
Что этот повод был в его руке...»

Искак в седле размялся и потом
Таким довольным он покинул дом,
Как будто бы душа омолодилась,
Когда с конем горячим породнилась,
Глаза, и те, наполнились огнем.

Что ж, Иссык-Куль любил и прежде он.
Не раз один и тот же снился сон:
Он входит в воду, чистую, как слезы,
Ему с аллей кивают вслед березы
И горный кряж встает со всех сторон...

Как часто он в былые времена
Спешил сюда, где нежная волна
К ногам лизалась, верная, как псина...
Он привозил сюда Эркина, сына,
Чтоб насладился озером сполна.

С отцом гуляя берегом, Эркин
Делился впечатлениями с ним
О красоте природного богатства,
О доброте людской – он чуял братство
Народа, что с его душой един.

³⁴ Атаке – отец, батюшка.

Эркин был рядом с ним и в этот раз.
Искак решил поведать сыну сказ
О прошлом, что ушло от них далёко:
Вот так же вдаль без весел мчится лодка,
Куда причалит? – бог не спросит нас...

Пошел он мыслью дальше, в глубь веков.
Два братских рода в образе врагов
Друг друга проливали кровь, сражаясь,
Главенствовать и властвовать пытаясь,
Под тяжестью надуманных оков.

Два рода – *Сарбагыши* и *Бугу*³⁵ –
Пришли к единству здесь, на берегу
Святого моря-озера, что вечно.
С тех пор, трудом свой край очеловечив,
Живут два рода, дружбу берегут.

Озерный берег полон дичи, птиц.
Рождает Иссык-Куль певцов, певиц,
Великих музыкантов, комузистов...
Здесь *Саякбай*, сказитель, жил, неистов,
Ибрай Туманов – чудо-комузист;

Кыдыр аке, *Садыр* и *Тилекмат*,
Карамолдо... так длинен этот ряд
Богатырей искусства, славы рода,
Больших сынов кыргызского народа,
Кем Кыргызстан воистину богат.

³⁵ Сарбагыш и Бугу – названия кыргызских родов.

Вот мавзолее Балбая: он же сам
В сердцах живет и, слава небесам,
Удачей, сном ли помогает людям;
Всегда он здесь незримо – в гуще буден,
И в праздники; приставь ладонь к глазам –

Увидишь: под землей и на земле
Не счесть героев славных. Мавзолее
Воздвигнут не над каждым, но в народе
О них живая память колобродит,
Воспитывая смелых сыновей...

Пришла дорога в город Каракол.
Восток страны, вершины снежных гор –
Приют зари, каких немного в мире.
Внизу синее озеро сапфиром,
Куда ни глянешь – стройных рощ костер.

Здесь *Тыныстанов* жил, творил, страдал...
Своей судьбы *Касым* еще не знал,
Что обернется стороной жестокой;
Он рыцарь был без страха и упрека...
Здесь *Тугельбай* не раз, не два бывал;

Мукай и *Абдрахмана сын – Жусуп*
Здесь узнавали только жизни суть;
Здесь соль и хлеб едал и *Турусбеков*...
Для Розы этот край был краем предков:
Ее надежда, тыл, опора, суд...

Искак сюда нередко заезжал,
Родно жены он знал и уважал,
И этот город он любил – ведь Розу
Взрастив, как ветку хрупкую мимозы,
Ему далекий город этот дал.

Всплыли картины дней счастливых тех:
Его приезд, Эркина звонкий смех,
Рассказы *тай эне*³⁶ ему о маме,
Как яблоки несла она в кармане
На улицу, и угощала всех...

Увидел он народ, что счастлив был, –
Его старанья не пошли в распыл.
А вечером, доехав до Покровки,
Он вспомнил вдруг одну командировку
И казус, что он в жизни не забыл.

Весь день в делах промчался, и они
Лишь к вечеру свернули на огни
Столовой – к занавесочкам из ситца;
Раззакова помощник – Нагавицын,
Шофер, Искак и провожатый с ним.

Поели – и во Фрунзе: все дела,
Как говорится, вьюга подмела.
Водитель был дорогою доволен:
Ровна, чиста, с настроем общим вровень...
Доехав до Барскоона – села,

³⁶ Тай эне – бабушка по материнской линии.

Раззаков у помощника спросил:
– «А за еду ты нашу заплатил?»
Машина вдаль летела словно птица.
К нему склонился ближе Нагавицын –
Вопрос его как будто устыдил,

И он ответ свой выдал едва:
– «Райисполкома заплатил глава...»
– «Останови! – велел Раззаков резко, –
Назад, в Покровку!»... Вот была поездка! –
Луна, дорога, ночи синева...

На тридцать километров сделав крюк,
Искак, что не любил чужих услуг,
Вернул кассиру деньги, что потратил
Глава райисполкомовский – приятель,
Но подневольный: лишь по службе – друг.

Помощнику тогда был дан урок,
Чтоб впредь не брать чужого – тот зарок
Помощник взял за принцип и в дальнейшем.
За то ярлык Искаку был навешен –
Потом, с годами: он, мол, так жесток!

Летели по обочинам луга:
Прошли Барскоон, Тосор, уже Тамга
За окнами мелькнула; Тон под вечер
Зазвал их в гости – что ж, обычай вечен,
И ночь уже пришла на берега.

Сказали тонцы: «Мы Вам в дар хотим
Кусок земли отличнейшей найти,
Где можно дом большой воздвигнуть, белый;
А сад посадим мы – такое дело,
Так вскоре будут яблони цвести;

Участок тополями обнесем,
Чтоб солнце, в них застряв, впадало в сон,
Чтоб озеро сквозь кроны голубело...
Покой в душе – такое, право, дело;
А воздух здесь! – ведь слаще меда он;

С женою Розой вместе без забот
Здесь отдыхать Вы будете весь год,
Зимой гуляя и купаясь летом...
Искак-ата, скажите нам: «Приеду!» –
И будет здесь Ваш тыл и Ваш оплот...»

Искак заколебался – не привык
Он принимать дары, но вот язык
Не повернулся на слова отказа;
Он дал понять, что не ответит сразу,
Благодаря за светлый этот миг.

Характер иссыккульцев так широк –
Как Иссык-Куль, и так же ум глубок,
Они чисты и в помыслах, и в чувствах;
Они живут в работе и в искусстве
Естественно, легко, как ветерок.

Давно он иссыккульцев полюбил.
Вдали от них он многое забыл
И вот теперь открытием наслаждался:
Как ждал он этих встреч, и вот – дождался,
В его душе проснулся прежний пыл.

«Как долго я к своим открытиям шел!
Характер иссыккульцев – словно шелк,
Их души светят яркими лучами,
Они чисты, как дети изначально...
Люблю их, и взаимно – хорошо!...»

МАСАЛИЕВ. НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОГО НАРЫНА

Искак как будто крылья нарастил –
Теперь на юг он мысль свою пустил,
Чтоб вслед за ней лететь туда, где прежде
Бывал – в других чинах, с другой надеждой,
И что-то, может, даже упустил.

Река с ущельем носят здесь всегда
Название одно – *Кара-Балта*³⁷.
Здесь до Искака было бездорожье.
Он вспоминал не раз, как с шумной дрожью
Валились скалы, камни, глыбы льда...

³⁷ Кара - чёрный; вороной; тьма; силуэт, очертания; опора; грамота; ложь, неправда; траур; горе, печаль; злой дух, нечистая сила; виновный, обвинённый; простой, безыскусный; быть в ярости.

Балта – топор; валет (карточн.)

Как много средств – припомнишь ли теперь, –
Ушло на то, чтоб здесь пробить тоннель,
Одеть в асфальт пробитые дороги...
Искак тогда, как ментор самый строгий,
Следил за тем, чтоб в Юг открылась дверь.

Теперь, поднявшись вновь на перевал –
*Тее-Ашуу*³⁸ народ его прозвал, –
Он удивлялся: продырявить гору
Они сумели в ту былую пору,
Когда казался чудом самосвал;

Гора из камня – это вам не сыр!
Он о героях думал, в Суусамыр
Уже спускаясь – в райскую долину...
На Ала-Беле встретил их машину
Сам секретарь горкома Таш-Кумыр.

Он звался Масалиев Апсамат.
Они встречались много лет назад,
Один был молод, юн другой предельно,
Зато сегодня с гордостью о деле
Мог доложить, как верный младший брат.

Былые планы он продолжил так,
Что мог гордиться только им Искак:
Вот ГЭС – ей Токтогула имя дали, –
Плотина из бетона, камня, стали,
Над ней кыргызский гордо реет флаг;

³⁸ Туу - знамя, стяг; всходить (о солнце, луне), ашуу – горный перевал.

К ней примыкает озеро, оно
Как море – два села ушло на дно;
Не скажешь – рукотворное, величием
Оно пылает, схожее с обличьем
Озер природных, что живут давно.

Раззаков на глазах помолодел.
Не отрываясь, он в окно глядел.
В Чычкан спустились – там, в ущелье, речка
Сквозь лес петляла змейкою беспечной,
Оглядывая свой лесной надел.

На скалах, что отвеснее стены,
Работы, что не кончены с весны,
Вели здесь альпинисты-скалолазы,
Почти что неприметные для глаза;
Ревел под ними вспененный Нарын.

Невольный страх вползал в углы души:
Трудились люди, словно мураши,
Ползли, ревя, игрушки-самосвалы,
Везли бетон, чтоб заливать отвалы,
Толпились горных кряжей миражи;

Внизу уже виднелся Кара-Куль.
Нет, городок строителей *Назгуль*³⁹
Назвать бы надо – столько в нем кокетства:
Он с кряжем каменистым по соседству
Напоминал изящный бег косуль, –

³⁹ Назгуль – изящный цветок.

Так улочки извилисты, легки,
Дома светлы, как будто мотыльки
К камням прильнули в теплый вечер лунный;
Что ж, Кара-Куль был город очень юный,
Он рос суровым будням вопреки.

Искак взглянул направо – скальный срез,
Взглянул налево – камни, край небес,
Что в обрамление каменном суровы;
Водитель чертыхался через слово –
То камень, то песок наперерез.

Большой Нарын ползет, как злой дракон,
Не до конца еще он укрощен,
Здесь много ГЭС появится, чтоб люди
Имели свет и в праздники, и в будни,
Чтоб звезд земных был полон каждый дом.

Раззаков думал, по камням трясясь,
Что как при том прекрасна будет связь
С соседскими республиками – светом
Делиться так приятно, словно хлебом,
И не при чем здесь деньги, сила, власть...

Вслед за ущельем глинистый *такыр*⁴⁰
Привел в шахтерский город Таш-Кумыр.
Раскрытые ворота в сад тенистый
Их зазывали внутрь, шептали листья,
Что отдых ждет, обед, сосед-*бабыр*⁴¹ ...

⁴⁰ Такыр – голый, без растительности (о земле, о крае).

⁴¹ Бабыр – собеседник-говорун.

Все вышли из машины: этот дом
Был Апсамата домом, и при том
К приезду гостя было все готово;
Осталось лишь приветственное слово
Сказать – и гость радушьем был ведом.

Жилище было скромным, но зато
Сияло все покоем, чистотой,
И достаркан накрыт был честь по чести;
Супруги гостя потчевали вместе.
Их общим счастьем был Искак пленен.

И два *бабыра*, два говоруна, –
Их загодя позвала в дом жена, –
Сидели рядом, и текла беседа;
Всю жизнь рубили уголь два соседа,
А славой их гордилась вся страна:

Сын Темирбая был один – Мойдун,
Другой, любитель философских дум, –
Кудайберген, – был сыном Чыныбая;
Друг другу век ни в чем не уступая,
Катили жизни общий их валун;

Успех они делили на двоих.
Когда судьба давала им под дых –
Они и это вместе принимали,
Делили на двоих, переживали, –
И слава вспоминала вновь о них.

Искаку льстило: словно с мудрецом
С ним говорили оба, хоть отцом
Любой из них мог быть ему, пожалуй;
Он удивлялся летам их немало;
Держались оба, в общем, молодцом.

Шла смена блюд: душистый плов с айвой,
С арбузом вместе, с дыней золотой
На стол приплыл как яхта в окруженье
Веселых шлюпок, что из уваженья,
Приплыв, скорее встали на простой.

Душа, и та, насытилась вполне.
Искак во дворик вышел, в стороне
Играл ребенок; «как зовут?» – спросил он.
– «Меня зовут Исхаком!» – что по силам
Ответил тот, румяным став вдвойне.

Большой Искак взял на руки мальчика,
Расцеловал – за маму, за отца,
Так благодарность выразив душевно;
Благословил их светлый дом волшебный,
И – в путь: опять дорога без конца.

Вот, наконец-то, и Джалал-Абад.
Он здесь бывал так много лет назад –
Всегда в заботах, быстрый, словно птица...
И лишь теперь сумел он насладиться
Курортом тихим пару дней подряд.

СУЛТАН ИБРАИМОВ. ТАИНСТВЕННАЯ ОШСКАЯ НОЧЬ.

В Оше всю ночь не спал он – звезд игра
Мешала, как и речка Ак-Буура,
Что под окном звенела в лунном блеске,
Как посвист птиц в соседнем перелеске –
Хоть и была осенняя пора...

*Султан*⁴² главой в Оше был в те года.
Стремительно взошла его звезда,
Авторитет крепился год от года,
Был уважаем он, любим народом,
Не поступаясь честью никогда.

Раззакова он тоже почитал,
Его по духу близким он считал,
Переживал его отставку очень,
Но был тогда в карьере он лишь прочим
И был помочь не в силах, хоть мечтал;

Еще мечтал хоть раз наедине
Поговорить с Искаком в тишине.
Прошли года – мечта осуществилась:
Судьба ему явила эту милость,
Раззакова встречал он как во сне;

Он руку подал с радостью ему,
Как брату по душе и по уму.

⁴² Султан Ибраимов, видный государственный деятель Кыргызстана, Председатель Совета Министров в начале 80-х годов.

Искак подпал тотчас под обаянье
Его манер, речей и глаз сиянье;
Но жгла тревога сердце, – почему?

Казалось, кто-то рядышком следит
За каждым словом, жестом, – не бандит,
Скорее – подневольный согладатай;
Увы, на откровенья небогатой
Была беседа даже и на вид.

Султан, однако, понял, в чем вопрос.
Искаку в номер вечером принес
Он разных ошских яств и сувениров.
Наедине беседа просто, мирно
Сложилась под сиянье южных звезд.

Зеленый чай, что так приятно пить,
Помог беседу долгую продлить,
Из уст лились и тайны, и советы...
Так две души, наполненные светом,
В ночной тиши смогли поговорить.

Великих два кыргыза в этот миг
Не думали – мол, кто из них велик,
О будущем народа толковали,
Часов, летящих вскачь, не замечали:
За мыслью мысль неслась в беседе встык.

Бледнело небо, лампы свет пожух.
Искак с Султаном рассуждали вслух

О прошлом и о будущем народа,
О том, что может дать еще природа
Своей стране, как предков добрый дух.

Все их слова могли опорой стать
Любому – в них струилась благодать
И глубина, присущая великим.
Властитель дум не может быть безликим.
Ведущий должен путь грядущий знать.

Проговорив всю ночь под свет луны,
Искак с Султаном были сил полны,
Довольные друг другом и беседой;
О наболевшем, наконец, поведав,
Они зарею были смущены:

Да, солнце прямо било в их окно,
Как будто было с ними заодно,
Как будто *кадыр тун*⁴³ они встречали
И будущее счастье привечали,
К деянью приготовившись давно.

Та ночь в Оше магической была.
Она обоим многое дала –
Мечты едины были и крылаты.
Такое ли забудется когда-то?
Они простились. Дальше жизнь пошла...

⁴³ Кадыр тун – согласно мусульманскому верованию: ночь предопределения, 27-й день рамазана. В эту ночь принято встретить утро без сна, думая о будущем, и эти мысли непременно сбываются.

В ЛЕЙЛЕКЕ – НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Знакомый путь – равнины да холмы.
Повторы любят мирные умы.
Здесь столько раз Искак бывал, и взглядом
Он словно пил и впитывал отраду
Простых примет преддверия зимы.

Ущелья, горы, реки – вновь и вновь
Перебирал он взглядом, и любовь
Переполюняла страждущую душу.
В садах желтели яблоки и груши,
Алча краснела каплями, как кровь,

Сулили нивы щедрый урожай...
Они уже въезжали в Кадамжай.
– «Останови! – велел Искак шоферу, –
Перекусить, пожалуй, было б в пору,
Вот чайхана... Сюда и подъезжай!»

О Кадамжае многое он знал.
Эпохи городок переживал,
Спокойно, не меняясь, их встречая.
Искак сидел в *чарпае*⁴⁴ с чашкой чая,
Приглядывался к людям, размышлял.

Наверняка бывал здесь, и не раз,
Прославленный поэт Молдо Нияз,

⁴⁴ Чарпая – деревянная беседка.

И Полот-хан – молдо-Ысака воин –
Здесь отдыхал от ран, от тяжких войн,
Своих бойцов построив напоказ.

Здесь Орозбеков, может быть, как он.
Бывал проездом, думой утомлен,
Сидел один в *чарпае* мирно, тихо;
Мурат, его ровесник, сын Салиха,
При встрече с ним отвечивал поклон...

К Исаку старец вдруг приковылял,
Ладонь, как корень дерева, подал,
Как будто был знаком он с ним полвека;
Приятным оказался человеком.
Без лишних слов он речь свою начал:

– «Вам подарить хочу один пустяк...
Когда-то жил такой поэт – Туяк,
Из Пума родом он, поэт чудесный,
Близки народу все Туяка песни,
Одна из них звучит почти что так...»

Старик запел дрожащим тенорком.
Искак был с этой песней незнаком,
Она была чиста и задушевна.
Туяк большим поэтом был, наверно.
Как жаль – не знал он раньше о таком...

Старик закончил песню, отошел.
Он спел ее с любовью и с душой,

И удалился скромно, но с поклоном.
Всем в Кадамжайском крае был знаком он —
Богач, искусства знал он хорошо.

Искак взглянул на скромный столик свой,
Качая в изумленье головой:
Он яствами буквально переполнен! —
Наполнился он с быстротою молний
Урюком, абрикосами, айвой. . .

Какой-то парень, женщина, старик
Ему дары несли, буквально вмиг
Явился *май*⁴⁵, и с ним лепешки рядом,
Внесли *себет*⁴⁶ с отборным виноградом,
Поставили дымящийся шашлык. . .

Все улыбались, много славных слов
Любой сказать Искаку был готов,
Доверив старцу речь, видать — *чечену*⁴⁷ :
«Ты нашей славой был, трудился честно,
Так будь как сокол весел и здоров!

Мы знаем, ты в Москве живешь, увы,
Почти не поднимая головы.
Так знай, что здесь любим ты, уважаем!
А хочешь — оставайся в Кадамжае,
И с нами много добрых лет живи!..»

⁴⁵ Май — топленое масло.

⁴⁶ Себет — корзина из прутьев.

⁴⁷ Чечен — человек, обладающий даром красноречия.

Он благодарность высказал в ответ,
Запомнив этот «чай» на много лет.
Душа его была полна покоя –
Давно забыл про чувство он такое.
Да, Кадамжай в душе оставил след.

Машина вскоре скорость набрала.
Рассеялась в лице Искака мгла.
Он похвалил водителя – за дело:
Машина, словно птица, вдаль летела,
Пейзаж меняя в раме их стекла.

Шли перевалы, вдруг озерный блик
Мелькал за поворотом, как тайник,
То снова степь стелилась золотая...
Вот так, картины вечные листая,
В Лейлек примчались – памяти родник.

Нахлынули минувшие года.
Не забывал о детстве никогда
Искак, но здесь он словно стал ребенком.
Полвека с лишним жизнь текла сторонкой,
Лейлек мерцал как дальняя звезда.

А здесь земля родная, словно мать,
Звала в объятья, – чтоб ее обнять,
Искак припал к земле, целуя травы...
Он полон был – такое чувство, право,
Дано однажды в жизни испытать!

Всю ночь не мог заснуть он – юность вновь
К нему вернулась буйством давним в кровь,
Его дразнили запахи и звуки:
Его взяло бывшее на поруки,
Вернув почти забытую любовь.

Галдёж пернатых всех поднял с утра.
Искак вскочил с улыбкою – пора! –
Всё было так любимо, так знакомо:
Вон земляки собрались возле дома,
Как будто у зажженного костра.

Развевая чаем, шуткой, смехом сон,
Решили вместе ехать в Коросон –
Село, что так Искаку снилось часто,
Где он родился, где навеки счастье
Ушло, сверкнув как молния вдгон.

Все ближе, ближе горное село.
К нему вернуться все же повезло,
Чтоб освежить забытые картины...
Он теребил, как маленький, Эркина,
Чтоб рассказать, что было, что прошло.

Он все же был увидеть не готов
Развалины пустующих домов,
Дувалы, что осыпались, просели,
И улочки – невзрачные, как щели,
Не улочки, а что-то – между слов.

Но кое-где вставал жилой дымок.
И коросонцы – все, кто только мог, –
Уже спешили выйти из подворий...
Кто дом лепил себе на косогоре,
А кто – внизу, чтоб видеть речки сток.

Здесь дом-кибитку строил Ыразак,
Как все, – без всяких планов, просто так.
Но здесь Искак родился, крови каплей
Из пуповины здесь впервые капнул,
Здесь получил он имя – Ысаак...

«Земля родная, пусть в тебя сойду!» –
Так плачут люди, чувствуя беду:
Разлуку с милой родиной безвинной.
Их Коросон усох наполовину.
Народ переселился в Кулунду.

Отцовский дом в развалинах лежал.
Отцовский дом! Его до боли жаль,
Ведь он – пути начало в мир огромный,
Причал всех дум – пусть маленький и скромный, –
Но жизни всей и стержень, и скрижаль.

Его из камня строил Ыразак,
И не один сломал тогда тесак,
Потом он стены так оштукатурил,
Что за стеною только были бури,
Не проникая в этот дом никак.

Он опустел, бесхозный бедный дом.
Смотрел он долго в мир пустым двором,
Ему года почудились веками...
Искак прижал к груди какой-то камень –
Как серебра и злата ценный ком.

Все удивились жесту молодца.
– «Он, этот камень, может, знал отца
И помнит рук тепло его, наверно;
Не человек ведь – камень, он-то верный,
Хранит он наши чувства до конца...»

Окаменел Искак и сам лицом:
Как будто вновь прощался он с отцом,
И все не мог от слез освободиться.
Душа его, как раненая птица,
Стонала об утраченном, былом.

Сынок Эркин не мог смотреть без слез,
Как *атаке* к развалинам прирос.
Но вот Искак оставил этот камень,
Он положил его двумя руками
На стену – словно строился всерьез.

Но кто-то подошел и рядом встал.
Искак его сначала не узнал,
Потом взгляделся... Тот молчал, как будто
Все ждал он подходящую минуту,
А, может, от Искака что-то ждал.

– «Жайнак? Ведь ты!..» – Искак воскликнул вдруг.
Ему раскрыл объятья тотчас друг,
Они смеялись, что-то говорили,
И радовались – оба не забыли
Созвучный их сердечный перестук.

Жайнак – Ормона сын, земляк, сосед!
Они дружили с самых малых лет,
Ровесники – играли в догонялки
Да в альчики, зимой делили санки,
И теплую одежду, и обед;

Порою и ругались сгоряча;
Но с кувшинами вновь до Агача
Спешили, чтоб набрать воды скорее;
А ослик их! – в колючках от репея
Он важно шел, поклажу волоча...

Их разлучили ровно в восемь лет.
Той близости уже, конечно, нет,
Но по плечу похлопал с уважением
Жайнак Искака – с хитрым выраженьем:
Мол, ты велик, но все же ты – сосед!

Жайнаку тоже было шестьдесят.
Он годы не растратил невпопад –
А жил, работал, честно, и за это
Сельчане называли все соседа
«Татыктуу»⁴⁸ » лет десять, говорят.

⁴⁸ Татыктуу – достойный.

Искаку эта встреча сил дала:
Пошел уже спокойней вдоль села:
Босым пройти хотелось в Коросоне –
В речушке детства, медленной засоне,
Что в памяти сияющей была.

Искак село покинул сам не свой.
Да, повидался с отчею землей,
В траву, как будто в детстве, опустился,
С отцом и мамой словно вновь простился
И оросил развалины слезой;

Он человеческий свой исполнил долг.
Но в сердце боль росла, и каждый вздох
В нем словно стоном горьким отдавался.
Со стороны никто б не догадался,
Что каждый вздох к Исаку так жесток.

Он в Исфане остался – отдохнуть,
Чтоб поспокойней свой продолжить путь.
Он в Кулунду решил поехать дальше.
«Да, в Кулунду!» – шептал во сне он даже
Своей тоске, что всё вонзалась в грудь.

Наутро он поехал в Кулунду.
Его терзала дума на ходу,
Что в годы те, когда он был могучим,
Мог Коросон родной он сделать лучше
И быть сегодня с совестью в ладу.

Он вспоминал свой дом, очаг и двор...
Как мог же он забыть с далеких пор
Об этом горном маленьком селенье,
О людях, что ушли на поселенье
В чужие села – бросив всё, как сор?..

В горах, увы, так много сел таких –
Заброшенных, запущенных, плохих, –
Они живут в ущельях молча, гордо.
Переселить не раз пытались горцев,
Да вот равнина не прельщала их.

Раззаков сам когда-то им вещал:
– «Не прикипайте, милые, к вещам!
Низина – это пастбища и нивы.
Подумайте о будущем счастливом,
А человек кует ведь счастье сам!

В садах селенья будут утопать,
Свекла, пшеница, хлопок – благодать! –
За труд ответят щедрым урожаем;
Из этих голых гор переезжая,
Вы новой жизни станете под стать.

Там, в Кулунду, дома начнут расти
Вдоль стройных улиц, где легко идти;
Там сыновей пожените, а дочек
За женихов завидных, между прочим,
Вы отдадите – здесь их не найти...

Там свадьбы вы сыграете с душой;
Комуз и песни там, где хорошо,
Где *той* бывает каждым воскресеньем;
Цветок весенний, виноград осенний
Должны увидеть в жизни вы еще.

Там, в Кулунду, совсем другая жизнь.
Все ваши возраженья – миражи.
Скажите, кто там дом поставит первым?
Начнем работать, а не портить нервы,
Давай, земляк! Дал слово – так держись!...»

Слова Искака – друга, земляка, –
Поколебали многих, но слегка:
Не сразу вняли этому призыву
Простые люди – пусть и еле живы,
Но страхов больше всех у бедняка.

Да, Кулунду был сливками земли,
Но сливки снять не все тогда пошли.
А те, кто все же бросил дом в селенье,
В долине начал строиться без лени,
Живя в кибитке глиняной, в пыли.

Искак из самых лучших чувств тогда
Их звал в долину – там была вода,
Поля, деревья... Все лейлекцы знали,
Что их лишь ради будущего звали
Переселиться ниже навсегда.

Они тогда трудились как рабы,
Пот заливал в жару упрямцев лбы,
Они тесали камни, через скалы
Канал вели – и этот труд немалый
Вознагражден был волею судьбы.

Арыки зазвенели в Кулунду
Как слава непосильному труду;
Дома, сады поднялись вдоль дороги,
То зеленея, то желтея в сроки,
Всё рос *абат*⁴⁹, меняясь на ходу.

Искак сюда частенько наезжал.
Его поселок просто поражал:
Дехкане хлопок сеять научились,
И на *кырманах*⁵⁰ с крышами из чия
Под осень хлопок, словно снег, лежал.

И вот теперь он, в шесть десятков лет,
Сюда приехал – что там, спору нет,
Стал Кулунду похож на город ныне:
Больницы, школы, ясли... Кто отнимет
Его прогресс? – горит ночами свет

На улицах широких и прямых,
Вода в арыках, и не только в них,
Она из кранов льется в каждом доме...
Да, выгода видна как на ладони.
И стон в груди Искака вдруг затих.

⁴⁹ Абат – населенная местность, город.

⁵⁰ Кырман – ток, гумно.

Его задумки, планы и расчет –
 Все воплотил с достоинством народ:
 Он сделал степь цветущим райским садом.
 Так вот она – прекрасная награда
 За все лишенья, муки, тяжкий пот!

Случилось все, как предсказал Искак:
 По воскресеньям все гуляют так,
 Как могут только в счастье веселиться:
 Веселые приветливые лица,
 Большой благоустроенный *кыштак*⁵¹.

Рожденья, свадьбы, даты, что красны,
 Здесь празднуют всю зиму, до весны,
 До полевых работ; *байга* любима,
 Здесь люди, кони так неутомимы,
 Что состязанья к ним приходят в сны.

Сильны лейлекцы, славу силача
 Здесь добывают в праздники, в *мурча*⁵²:
 На конных состязаниях за тушу,
 Иль на помосте: кто кого обрушит,
 Тот победил, но чаще здесь ничья.

Да, силачами славится Лейлек,
 Как будто все вкусили здесь *мурек*⁵³.

⁵¹ Кыштак – село, селение.

⁵² Мурча – досуг.

⁵³ Мурек – живая вода. Согласно легенде, по национальной мифологии, выпившие воды-мурек, люди становятся бессмертными.

Раззаков, позабыв переживанья,
Сам принимал участия в состязанье,
Блаженствовал, коня пуская в бег.

Все дни считали, что пробудет он,
Чтоб пригласить успеть на достаркон,
Его друг к другу даже ревновали
И каждый день к обеду приглашали,
И приглашенья шли со всех сторон.

Все говорили: «Вы родились здесь,
И потому здесь дом Ваш был и есть»;
«Вы – человек нам близкий, очень шибко,
И что в Москве живете Вы – ошибка!»
Пытался кто-то даже в душу влезть:

– «Вам от тоски, наверно, тошно там!
Душа тоскует по родным местам?»
Другой твердил: «Душа у Вас – в народе,
Ведь не бывает двух на свете родин!»
И тут же – вслед: «Останьтесь навсегда!

Переезжайте! Вас ведь на руках
Поднимут люди! Пусть потерпят крах
Враги, лишить хотевшие отчизны!
Здесь доживете в радости полжизни,
И здесь с любовью упокоят прах...»

Благодарил Искак от всей души.
Иным казалось – что-то он решил,

Быть может, и останется... Однако,
Он был со всеми ровен, одинаков,
И все же обещаньем не грешил.

Однажды кто-то вдруг, поднявши тост,
Решил задать Раззакову вопрос:
– «В душе своей ношу вопрос я долго,
Скажите: от души, из чувства долга
Вы северянам всем давали рост?

Из Ваших уст хочу узнать ответ:
Поддерживали Север или нет?
Ведь Вы южан в карьере прижимали,
Когда Вы пост огромный занимали?
А, может, это сплетни Вам вослед?..»

Он шмыгнул носом, «смелостью» своей
Вовсю смутив умолкнувших людей.
Все обернулись в сторону Искака.
Нет, из седла не выбила «атака»
Мудрейшего из множества гостей.

Он так сказал: «Я думал, мой-то род
На Север-Юг не делит весь народ.
Вы так мудры, я с вами рад общаться.
А если кто-то вздумал пободаться –
Глядишь, – на козлодранье попадет!..»

Искак другим вернулся из села –
Душа была бодра и весела.

Он сбор увидел хлопка и пшеницы,
Он понял, как он родиной гордится,
И как она прекрасна и светла!

Он оглянулся много раз, когда
Они в дорогу тронулись; вода
Бежала вслед как будто за машиной;
Он чуть не плакал – в край родной мужчиной
Вернулся он, увы, не навсегда;

Сумеет ли приехать он опять?
Увидит свой Лейлек еще? – как знать...
Чтоб слезы скрыть, Искак сощурил веки.
Судьба сама свои расставит вехи.
Прощай, бывшего счастья благодать!..

МОСКВА. ГОДЫ ЗАБВЕНИЯ И ПЕЧАЛИ

Когда Искак собрался в свой вояж,
Жена решила – это просто блажь.
Соскучился по людям Ала-Тоо? –
Зачем, мол, так стремиться ехать снова
Туда, откуда изгнан как «не наш»?

– «Ведь ты разочарован в людях тех,
Что не простили ум твой и успех,
За все заслуги сделали изгоем...
И неужели ты простишь такое?!
И каково опять увидеть всех?..»

– «Ну, что ты, кучка бесов – не народ,
Мое изгнание – их проделок плод,
Их всех сгубила подленькая зависть.
К ним на поклон идти не собираюсь,
Меня земля родимая зовет!»

Когда они вернулись, то Эркин,
Оставшись дома с матерью один,
Сказал ей: «Знаешь, наш отец – великий!
Не ценим мы его, увы, – привыкли,
А он – мудрец, доживший до седин!

Истории свидетель он живой.
Он создал сам историю такой,
Что люди чтят его, как чтят пророка.
И пусть он даже снят с поста до срока –
За ним всегда пойдет народ родной.

Он людям много пользы оказал.
Он правду говорит всегда в глаза,
И не боится никого на свете.
Его, как бога, Юг и Север встретил,
Встречать пышней, наверное, нельзя:

И стар, и млад тянулись все к нему,
И с каждым он, как равный по уму,
Готов без лжи беседовать, без лести.
Я рад, что мы в поездке были вместе!
Теперь отца во многом я пойму...»

Едва не выдал Розу сердца стук –
Авторитет отца поднялся вдруг,
Чему она была безмерно рада,
Как будто жизнь Раззакову награду
Вручила – из сыновних нежных рук.

Москва дышала осенью – всегда
В такое время были холода, –
В лицо швыряла осень с неба брызги...
Искал жене привез привет от близких,
Далеких, как незримая звезда.

Ему тоска опять сдавила грудь.
Привыкнет он к Москве когда-нибудь?!
Здесь дни и годы серые, как мыши.
Здесь ощущал всегда себя он лишним,
Как будто на чужой вступил он путь.

Дожди, метели, ливни, вновь дожди...
Как пасмурно! Не скажешь – подожди,
Вернется солнце, звонкое, как дома...
Он словно брел дорогой незнакомой
С привычной болью, сдавленной в груди.

Москва пути отрезала назад.
Он уходил надолго в парк ли, в сад,
На выставки картин и в галереи...
Другими были даже здесь деревья:
Как будто свечи черные стоят.

Он узнавал, читая, из газет
Как раздувает лесть авторитет,
Ходил в театр, дремал под телевизор...
Пришла зима и скупое, как провизор,
Цедила в мир московский серый свет.

Весна пришла, и молнии, как кнут,
Снега согнали в несколько минут,
Мир затопив грозой весенней первой.
А у него совсем сдавали нервы:
Он видел в блеске молний высший суд.

Искак не слышал запаха весны:
Да, грозовые молнии видны,
Но город пах асфальтом и бензином...
Он шел на воздух, но до магазина
Не мог дойти – душил угар весны.

В Москву пришло и лето в свой черед.
Толпа водила пестрый хоровод,
Он задышался в воздухе горячем,
Холодный пот катился – словно плача
Тащился он, а думал, что идет.

Шли дни за днями, осень вновь пришла.
Пенсионер, оставивший дела,
Так тосковал он, хоть опять в дорогу.
Но таяли надежды понемногу,
Как пепелища легкая зола.

Так девять лет прошло с поездки той,
Прекрасной, незабвенной, золотой...
Москва ему уже осточертела
И эта жизнь – без дружбы и без дела.
Он был обманут горькою судьбой.

Была б вина доказана, тогда,
Он срок бы отбыл – вот еще беда,
А так, безвинный, срок мотая жизнью,
Навеки оклеветанный в Отчизне,
Он угасал, как павшая звезда.

Он восемнадцать лет без отчих мест
Как в клетке жил; и пусть шумел окрест
Громадный город, что чужим остался.
Уж лучше б он в родных горах скитался,
И нес бы свой отшельнический крест!

Туман, туман – в судьбе, в груди, в глазах...
Мечты давно развеялись, как прах.
Искак ушел на дно тоски, и – чудо:
Кайсын Кулиев словно ниоткуда
Явился – как послал его аллах.

Река с рекою встретились тогда,
К звезде явилась близкая звезда,
И не могли они наговориться –
Два мудреца, которым в жизни сбыться
Чужая помешала суета.

Они познали оба ссылки груз.
Безвинным, им навек досталась грусть
О родине, о самых близких людях...
Сиротский путь и в детстве очень труден,
А в старости!.. Кромешный ад для чувств.

Кулиев, впрочем, сослан был в тот год,
А вместе с ним и весь его народ,
Когда война гремела, – был он взрослым,
Как сам Искак, – и стал таким же гостем
В своей стране, хотя прошел и фронт.

Был на виду, талантливый поэт,
В отчизне рос его авторитет,
И в одночасье стал никем, изгоем –
Случается на свете и такое,
Бесцветным может стать и яркий цвет.

Раззаков так же – в ссылке от тоски
Болел и чах, – Москва взяла в тиски
Его свободный дух, с рожденья гордый.
Его везенье съел огромный город,
Хоть он попал на родине в силки.

К Кайсыну же опять пришел успех,
Вернув ему открытый нрав и смех,
Сиянье славы сделало крылатым,
Авторитет стал выше, чем когда-то,
Он вновь желанным другом стал для всех.

Но он все муки ссылки помнил так,
Что сам нашел в Москве, где жил Искак,
Чтоб пустоту в душе его наполнить,
Чтоб поддержать, с любовью Фрунзе вспомнить,
Хлеб преломить и пригубить *арак*⁵⁴.

От добрых слов приходит много сил.
Немало теплых слов сказал Кайсын
Изгнаннику-кыргызу, – стал ведь близким
Кайсыну в ссылке добрый край кыргызский,
За что добром воздал Кавказа сын.

Поэта астма мучила, но он
Шутил, смеялся – словно опьянен
Был встречей с очень мудрым человеком.
Он знал: лекарство, верное от века –
Беседа с другом и шуточный тон.

Искаку он воистину помог:
Беседа, словно родины глоток,
Его вернула в край, родной до боли.
Он пожалел: Кулиеву в неволе
Он толком-то ни в чем и не помог!

Кайсын унес тепло его речей
И ясный взгляд, как звездный свет ночей,
Какими ночи были там, во Фрунзе...
Искак в душе остался с тяжким грузом:
«Я не помог Кулиеву ничем!..»

⁵⁴ Арак – водка.

Он ощутил их близость, душ родство,
В стихах его увидел мастерство
И чуткость чувств, и волшебство таланта:
Кайсын, тяжеловесней эфланта,
В стихах был легок, словно божество.

Когда взошел Кулиев на порог,
Искак свое изгнание как порок
Вдруг ощутил из страха вызвать жалость;
Но вскоре даже тени не осталось
От этих мыслей, что копил он впрок...

Жена ему лекарства принесла.
Она его лечила, как могла,
Но сильный кашель тряс его и мучил:
Так старый беркут, некогда могучий,
Взлететь пытаясь, оземь бьет крыла...

Звалась болезнь попросту тоской.
Она его манила на покой
От тяжких дум о родине, народе,
Об Ала-Тоо, о своей невзгоде
В квартире чужеродной городской.

Молился он: «народ и Кыргызстан!» –
Два этих слова будто бы *дастан*⁵⁵
Слетали с губ Искака днем и ночью;
Он был своей кончиной озабочен,
Что будет прах земле Москвы предан.

⁵⁵ Дастан – поэтическое произведение, поэма.

Подставив мужу хрупкое плечо,
Жена сиделкой стала и врачом,
То ободряла, то его журила,
Нередко ночью нежно говорила:
– «Нашел же беспокоиться о чем!

Не истязай себя, еще не срок!
Не надо завещаний, мой дружок,
Мы победим твой кашель – эка малость,
Тебе еще немало лет осталось,
Весной в Лейлек поедешь – мой зарок!

Земля родная сил тебе предаст,
Как побеждала недуги не раз,
Ее увидев, вылечишься сразу!..»
Искак согласен с Розой был, но разум
Ему шептал: «Последний близок час!»

Однажды он сказал: «Проходит март,
И я сейчас поехать был бы рад;
Двоих бы внуков взял – пускай узнают
Как по весне снега в Лейлеке тают,
А в них тюльпаны первые стоят...

На поезде поехать надо нам,
Спокойно посмотреть по сторонам,
В Ташкенте побывать, остановиться,
Цветением урюка насладиться,
Потом – Лейлек, к его весне, к цветам.

И в Коросон хотел бы я попасть,
Своей печали вновь отдаться всласть,
Пусть внуки поглядят на дом в руинах,
С которым я повязан пуповиной,
Что надо мной всю жизнь имеет власть;

Я покажу внучатам весь Лейлек, –
Меня там помнит каждый человек –
Великодушный мой народ любимый...»
Его глаза закрылись, словно мимо
Помчались мысли, ввысь беря разбег.

Он погрузился в сладкие мечты,
Оглядывая словно с высоты
Далеких гор вершины, реки, ели,
Раскачиваясь, словно в колыбели,
В виденьях про цветущие сады...

Случилось то, чего никто не ждал:
Скакун судьбы внезапно ускакал
И перестало сердце сразу биться.
Лишь семь десятков лет! – а жизнь, как птица,
Ушла навек в небес пустой провал.

Искак заснул навеки, ясных глаз
Прекрасный свет, что грел других, угас,
И вместе с ним тоска его погасла...
Так, значит, жизнь была его напрасна?
Спросите весь народ, спросите нас –

Писателей, читателей, сельчан...
Он был как шанс стране родимой дан,
И этот шанс оправдан был стократно!
В лице застывшем тень тревоги внятно
Твердила: «Мой народ, мой Кыргызстан!..»

Во Фрунзе ли, в Лейлеке схоронить
Его жена хотела: так любить,
Как он любил родную землю, – редкость,
Его, мол, дух, хотя бы, с духом предков
Земля смогла бы вновь соединить...

Но лишь хотели тело повезти,
Вернул звонок из Фрунзе с полпути:
«Нельзя! Ни в коем случае!» – начальник
Почти кричал – без горечи, печали
И даже без дежурного «прости»...

В Москве – Искак тревожился не зря, –
Он в землю лег; московская заря
Над ним взошла, окрасив небо алым...
С поста его снимали со скандалом,
Попрали в смерти, злобою горя.

Покуда жил, боялись, но теперь?
И перед телом вновь закрыли дверь,
Крича по телефону истерично,
Как будто мертвый мог поймать с поличным
И посадить корабль лжи на мель.

Приехали «шестерки» из ЦК,
Пришли к вдове, дрожащие слегка,
В глаза взглянуть не смея, на вопрос же –
Мол, почему бояться все до дрожи
Вернуть из ссылки тело земляка? –

Могли одно ответить – мол, приказ.
Искак был предан вновь и в этот раз.
Людишки... Больше чувств в автомобиле!
Спеша, искали место для могилы,
Спеша, читали речи напоказ...

Зато потом пустили в ход и ложь:
Не отдала жена, мол, тело – что ж:
Имущество ее, мол, – так хулили,
Перед начальством хвостиком юлили,
Что если умный – сразу все поймешь:

Его унижить мертвого решив,
Своей судьбы и родины лишив,
Отнять его хотели у народа –
Мол, просто тело – вещь такого рода,
Что лишь вдова горюет от души.

Он только мужем разве в жизни был?!
Он свой народ и родину любил,
Его слова и мысли, ум и совесть
Живут и ныне в нас, не успокоясь,
И дух его в кыргызах не остыл!

На кладбище московском в скорбный день,
Когда официоз убрался в тень,
Друзья Искака самых разных наций,
Пришли толпой навеки попрощаться,
Сказать об этой горшей из потерь.

Татары и узбеки, русский люд,
Кыргызы, – все по несколько минут
Держали речь, как был велик ушедший;
Он скорбно слушал этот митинг вещий,
Уйдя навек от всех сует и смут.

Из Азии приехали сюда
Ученики, кому его звезда,
Став путеводной, путь торила в жизни;
Ташиев, Дыйканбаев – цвет отчизны,
Соратники, сподвижники труда.

И Туменбай Байзаков, как во мгле
Стоял, с печальной думой на челе,
И Рабия рыдала... Всюду лица
В слезах, в печали – больше не родиться
Такому человеку на земле!

Один момент затронул все сердца:
Весь Коросон отправил в путь гонца,
Чтоб на могилу тот привез землицы –
Да, горсть земли родной, что из тряпицы
Земляк, рыдая, вытряс до конца.

Искака поминая, за столом
Шмелев, ученый, так сказал о нем:
— «... Он для народа жил, не для парада.
Мне самому ученым стать когда-то
Помог Раззаков; и скажу при том:

Я у него учился языку —
Да, русскому, представьте, — я не лгу!
Судьба и по работе нас сводила
И многому, скажу вам, научила!
Жизнь без него представить не могу...»

Искак ушел и целый мир унес
Из бытия во тьму незримых грез.
Семья — вдова, Эркин и дочь Эльмира, —
Когда пустою стала их квартира,
Задумались о будущем всерьез.

Их пустота грозила поглотить:
Концы с концами все трудней сводить
Им было — что решал отец при жизни,
Хоть пенсии не видел от отчизны:
Ему Москва давала шанс прожить.

Перебирая мужа ордена,
Рыдала Роза; думала она:
«Как Ала-Тоо стал ему неблизким?
Искак рожден был матерью кыргызской,
А мать у нас как родина — одна...»

Увы, но тот вопрос не возникал
На родине, что лучший аксакал
Ни в Чуйской, ни в земле лейлекской милой
Не удостоен чести лечь в могилу:
Кыргызский гений вечным ссыльным стал.

Простой народ воспринял как удар,
Что не воздвигнут здесь ему мазар.
Никто народ не принял во внимание:
У власти были те, кто на закланье
Смогли отдать с небес сошедший дар.

И после смерти он был страшен им.
Чтоб затуманить память, словно дым,
Ни строчки о его кончине в прессе
Не допустила власть, сплотившись вместе:
Одной тревогой каждый был томим.

И восемнадцать лет о нем потом
Не вымолвили слова, — но о том
Народ шептался: кто-то взял, мол, много
Греха на душу, подменяя бога, —
В земле луну не скроет ведь никто!

Не смог народ Раззакова забыть,
Хоть имя это и произносить
В иных кругах считалось преступленьем.
Но слава мудреца сквозь поколения
Идет по жизни — как ее убить?

Врагом назвать не смея, как к врагу
Власть отнеслась к Искаку, – не могу
Сказать, что был и нож приставлен к горлу:
Его как ватой резали, – и корни
Отрезали почти что на бегу.

Когда мы жить сумеем без вражды?
От зависти, от этой злой беды,
Откажемся – от чёрной и от белой?
Соперничая даже с мёртвым телом,
Подобны мы ослице без узда.

Как много об Искаке мудрых слов
В душе людей осталось, где любовь
Живет к нему – в груди немой, как в ссылке:
Глаза у власть имущих на затылке...
Как их не жжёт раззаковская кровь?!

ВНОВЬ НА РОДИНЕ

Всходило солнце, вновь в свое гнездо
Катилось к ночи... Кладбище-ордо⁵⁶
Под Кунцево ждало бессонно дара.
Могила, по приказу *окумдара*⁵⁷
Воздвигнутая в Кунцево бедой,

⁵⁶ Ор – жать, косить; яма, ров.

⁵⁷ *Өкүмдар* – иронично-презрительно: властитель, выносящий приговоры, производное от слова *өкүм*, те есть, приговор,.

Стояла, словно странник, без креста.
Над ней светила яркая звезда.
Могильный холмик был печален, будто
Он грустно ждал: окончив время смуты,
За ним вернется родина сюда.

Враги злорадно думали, что – вот,
Еще немного времени пройдет,
И холмик вместе с именем исчезнет.
Но слава не подвержена болезни:
Не забывал Раззакова народ!

Лейлекцы все решили как один:
Раз Кыргызстана самый славный сын
Властям не нужен, мы напомним власти,
Кто для нее кует богатство, счастье,
Иначе – клином можно выбить клин!

Послали президенту свой запрос.
Но не решался долго их вопрос.
Тогда *Жунай Мавлянов*⁵⁸, друг мой смелый,
Решил своей персоной двинуть дело:
Он, фронтовик, отважным с детства рос,

Вступал со смертью в схватку он не раз,
Друзей немало там, на фронте, спас...
И вот сейчас, на палку опираясь,
К Акаеву пришел он, не стараясь
Свои заслуги выдать напоказ.

⁵⁸ Жунай Мавлянов – Народный писатель Кыргызстана.

Сказал он просто: «Буду трижды в день
Я к Вам ходить, пока не снимут тень
С Раззаковского имени, и тело
Не привезут домой, – такое дело...»
И он ходил! – он знал, что трусость, лень

Чиновниками вертит в тех делах,
Где с колеи сойти мешает страх...
Акаев был «забывчивым» на просьбы,
Порой на память он ссылался просто,
А, в общем, он не вел дела впотьмах:

«Подумать надо!» – значило: узнать,
И обсудить, и взвесить, и понять...
Газетчики, прознав, о том писали,
Раззакову поэты посвящали
Стихи как в годы прошлые опять...

*Силаеву Борису*⁵⁹ президент
Велел созвать старейшин видных в центр,
Чтоб весь вопрос решить коллегиально.
Столкнуть всех лбами – просто гениально
Узнать кто друг, кто враг в один момент!

Сказал Силаев: «Будьте все точны –
Без колебаний вы сказать должны:
Нет, надо ль – прах Раззакова в Отчизне
Нам схоронить... Он изгнан был при жизни
Без веских оснований из страны;

⁵⁹ Борис Силаев - в то время мэр города Бишкека.

Поднимем руки – против или за...»
Старейшины попрятали глаза:
Кто просто нерешителен, кто скрытен,
Кто в уголке привык сидеть, кто – лидер,
Но в прошлом предавал Искака сам...

Треть зала отказала вновь ему
На родину вернуться... Почему?
Но остальные – больше половины –
Решили, что Раззаков был безвинно
В Россию сослан; надо по уму

Здесь провести, в Бишкеке, ритуал,
Чтоб памятник в родной столице встал,
Чтоб тело упокоилось в Отчизне,
Что весь народ присутствовал на тризне...
Решенье то не весь одобрил зал.

Завистники, что предали тогда
И думали: Раззаков навсегда
Исчез, и даже имя в душах стерто,
Его боялись так же даже мертвым.
И мертвым мстят из страха иногда.

Так выявилась каждая лиса...
Жунай пошел к Акаеву – нельзя
Затягивать решение старейшин!
Он счастлив был; Акаев рад не меньше,
Что миновала всполохом гроза.

Враги от злости грызли кулаки.
В Москву собрались снова земляки,
Чтоб привезти Раззаковское тело;
Они признали: разрешилось дело
По божьей воле склокам вопреки.

xxx

Соединив Искака с Розой, бог
На много испытаний их обрѣк,
И этим сблизил души их навечно.
Друг другу доверяя бесконечно,
Они прожили вместе долгий срок.

Там, в Самарканде, пережив любовь,
Они ее впитали в плоть и кровь,
Вкусили вместе счастья и свободы,
И на двоих делили все невзгоды,
В них возрождаясь, словно Феникс, вновь.

Призывно в доме свет горел, они
Опорой для детей и для родни
Сумели стать, друзей не забывая,
Работали с душой во славу края,
Не замечая, как несутся дни;

В тепле весны и в зимнюю метель
Они делили мысли, хлеб, постель,

И грустные, и радостные вести;
Болезнь, и ту, переживали вместе.
По этой жизни вдруг промчался сель:

Они и в ссылку отбыли вдвоем,
Покинув свой родной обжитый дом...
В подушку слезы капали ночами,
Но днем, не выдав горя и печали,
Работал клерком он, она – врачом.

Они все ждали солнышка с утра.
Но... подросла в России детвора,
Без солнца, без лепешек – на баланде...
Как много было солнца в Самарканде!
Какая незабвенная пора!

Искак ушел, увяла Роза вмиг.
Эркин вдруг умер – вовсе не старик.
Похоронив за мужем сына, Роза,
Как будто опаленная морозом,
И память потеряла, и язык.

Она, людей лечившая сама,
Не то чтобы совсем сошла с ума,
Но стала безучастной, равнодушной.
Не поднимая головы с подушки,
Так, в полусне, она во тьму ушла.

XXX

Эльмира, дочь, сама жила с трудом:
За пару лет совсем распался дом,
Она одна осталась с сыном Эрком.
Отец, и мать, и брат – по высшим меркам
Не много ли от женщины мы ждем?!

Она частенько слышала: отец,
Внезапный свой предчувствуя конец,
Жалел, что похоронят здесь, в России.
Его утешить были все бессильны.
Не все подвластно жалости сердец.

И вот гонцы из отчего села
Приехали к Эльмире, чтоб смогла
Благословить решение, и могилу
Перенести домой, к отчизне милой
Дала согласие, а не *айгайла*⁶⁰!

Молитву прочитали и потом
Всплакнули вместе – было ведь о чем;
Жолборс и Рабия с Темир-дастаном,
И Кимсанбай с задумчивым Аскараром, –
Отправились к могиле напрямиком.

Эльмира с Эрком, бледные как смерть,
На свежий грунт боялись посмотреть.
Работники кладбищенские рьяно

⁶⁰ Айгайла – караул; бить тревогу.

Работали лопатами, и яма
Уже зияла, страшная, как клеть.

Еще друзья Исаака подошли.
Молитву из Корана вновь прочли,
И новый гроб печально принял тело.
Теперь осталось разве что полдела:
Свезти его в предел родной земли.

Его в Бишкеке ждал родной народ.
И ждали те, кто был, наоборот
В тревоге смутной: что, мол, будет с нами?!
Что ж, даже мертвый, был Раззаков – знамя,
И трусил кое-кто: переворот!

Июнь, второе. Утром сотни глаз
Подняты к небу: самолет в «Манас»
Вот-вот прибудет, в нем летит Раззаков,
Источник склок, надежд и бурных страхов:
«Груз двести» – да, но он живой для нас...

История свершила свой виток.
Заря опять вернулась на восток.
Народ встречал из ссылки как живого
Раззакова Исаака дорогого.
Пропах цветами свежий ветерок.

Кто против возвращения был, увы,
Теперь, не поднимая головы,
Спешили к гробу, чтоб попасть в газеты:

Чтоб как друзья смогли бы быть воспеты
Слепыми пересудами молвы.

На площади – под окнами, где он
Порой глядел, работой утомлен,
На улицу, на парк из кабинета,
Там гроб стоял под знаменем с рассвета,
Почетным караулом окружен.

Шестнадцать лет он здесь гулял не раз.
Теперь как тело людям напоказ
Он выставлен – холодный, неподвижный.
Вот тот балкон, куда б он прежде вышел,
Чтоб ободрить улыбкой в праздник нас;

По Первомайской улице всегда
Текла толпа в те дальние года
Вся в алых бликах флагов, транспарантов;
Шел Первомай – как смотр людских талантов,
Парад героев мира и труда;

Искак Раззаков был душой торжеств.
Кто жил тогда, наверно, помнит жест:
Сначала к сердцу, после, взлетом, – в небо...
Тот светлый праздник был дороже хлеба.
А к пьянке позже вырос интерес...

Держал в руках Раззаков всю страну.
Как поднимал в умах он старину! –
Должна гордиться нация корнями;

И то, что наш язык сегодня с нами –
Ему поклон, пожалуй, одному.

Он и с Москвой общался словно брат
И никогда слова свои назад
Не брал – когда бы, что бы ни грозило;
Он был всегда в своих уверен силах,
Наш мудрый вождь и партии солдат.

Есть люди, что исходят все на нет,
Заметив, что высок авторитет
У тех, кто рядом с ними шел по жизни.
Такие люди есть в моей отчизне, –
Увы! – несовершенен белый свет!

Несчастья, смерть готовые призвать
Они на тех, кто смог их выше стать,
И очернить умеют глупым толком...
А, впрочем, – ну их! Терпит бог недолго.
Я о другом хотел бы рассказать.

Толпа текла на площадь с двух сторон.
Лежал Искак в гробу; казалось – он
Всего лишь спит в спокойном отрешенье,
Приняв навеки важное решение,
С каким никто живущий не знаком.

Я был тогда на площади, в толпе.
То был момент ответственный в судьбе
Республики, и это знал Акаев:

Он был предельно четок, выступая,
Он говорил о прошлом, о себе,

Что продолжает он Искака путь,
Освободившись лишь от шор и пут,
Что навязал нам строй тоталитарный;
И не жалел он слов комплиментарных,
Чтоб вклад Искака в дело подчеркнуть.

Речь президента всем была ясна,
Она слова прекрасные несла,
Сметая все препоны и преграды,
Как будто вновь вручая все награды
Искаку сквозь былые времена.

Акаевым доволен был народ –
И за Искака к славе новый взлет,
И за тысячелетие «Манаса»;
И я скажу довольно беспристрастно:
Он растопил сомнений многих лед.

На митинге потом не без слезы
Я слушал Дыйканбаева Казы,
Что выступал от имени старейшин;
Других запомнил я, пожалуй, меньше.
Растрогал Эрк – Эльмиры юный сын.

Искак, казалось, тоже слушал всех.
Что ж, – через сорок лет к нему успех
Опять вернулся, смерть была бессильна

Предать забвенью Ала-Тоо сына,
Что был примером мудрости для всех.

Бах зазвучал – печали полный марш.
Так был закончен грустный митинг наш.
И гроб поплыл – его несли джигиты
В сопровожденье бесконечной свиты
В «Ала-Арчу»⁶¹, где ждал надгробный *таш*⁶².

К полудню время шло. Звучал оркестр.
Стекались люди с самых разных мест –
Из всех домов, дворов и ближних улиц.
Был растревожен город, словно улей.
Зиял могилы свежей черный врез.

По ритуалу вниз спустили гроб,
И *казанак*⁶³ закрыли плотно, чтоб
Земная суета не проникала.
Так и для тела ссылка прошлым стала,
И дух забыл московский свой окоп.

Во власти смерти что мы чуем? – нет
Людей, кто мог бы дать на то ответ.
Искал, быть может, чувствовал: отныне
Он слит с землею-матерью, с богиней,
Которой он молился столько лет!

⁶¹ «Ала-Арча» - кладбище в центре Бишкека, пантеон знаменитых людей Кыргызстана.

⁶² Таш – камень.

⁶³ Казанак – полумесяц. Узкий вход свежеврытой могилы.

Прочел суру Корана Кимсанбай.
И Эрк прочел молитву. Через край
Цветы уже к ногам переливались:
Все люди, что на кладбище собрались,
Несли цветы, как флаги в Первомай.

Правительство справляло тризну-той,
Лейлекцы тоже стол собрали свой –
Поминки длились долго друг за другом,
Звучали речи страстные по кругу,
И в них вставал Раззаков как живой.

Природа же на кладбище с тех пор
То присылает ветер с чистых гор,
То зажигает звезды, то рассветы,
Цветы растит повсюду, чтоб букеты
Могилу покрывали, как ковер.

Известный скульптор мучился не зря:
Похож Искак! А взгляд его, паря,
Взлетает к солнцу, к тучам белопенным.
Работал скульптор долго, вдохновенно,
Вносил поправки, замыслом горя.

Мы в мастерской бывали много раз.
Внимательно выслушивал он нас
И принимал советы благодарно.
Прекрасный скульптор! Был бы он бездарным –
Ходил бы, дулся, пробы пряча с глаз.

И Рабия старалась каждый штрих
С ним обсудить, чтоб мир, узрев, притих
От сходства и от внутреннего света...
Была работа многими согрета,
Как на устах – народный вечный стих.

И вот когда на горы, как верблюд,
Присели тучи гроз, дождей и смут,
И соловей воспел царицу сада,
Сумел ваятель сделать все, как надо:
Похож Раззаков! Был окончен труд.

Стоял он над могилой, как живой,
Стоял с поднятой гордо головой,
В лице читалась мудрость, ум и сила;
Он любовался – как вокруг красиво! –
Спокойно возвышаясь над толпой.

Дочь подошла к могиле; чувств прилив
Ее встряхнул: отец, казалось, жив,
И вот сейчас он к ней сойдет, обнимет,
Весь груз с души, как прежде было, снимет,
И колыбельной напоет мотив...

Сознание теряя, чуть дыша,
Рванулась дочь к нему; ее душа
Слова отца услышала как будто:
«Ну, как живешь ты, дочка?..» – на минуту
Она от слез ослепла, вся дрожа.

Ее любил и баловал отец,
Когда она как маленький птенец
К нему ласкалась... Вроде – так недавно...
Придя в себя, Эльмира благодарно
Сказала всем: «Спасибо! Жив отец!..»

Эльмира каждым утром в магазин
Шла за цветами, с ней нередко сын,
Чтоб поддержать, спешил; они букеты
Несли к могиле; осень или лето –
И в снег, и в зной чтоб не был он один.

Эльмира здесь, в столице, подросла.
Она красивой в юности была,
В нее влюблялись многие, но чаще
Она в ответ смеялась: настоящей
Любви своей Эльмира не нашла.

Она была счастливой, но – увы:
Когда семья лишилась головы,
Она подранком стала, словно крылья
Сломались, и судьба покрылась пылью,
Как скальный склон без кустика травы...

Отец, жалея, так смотрел на дочь,
Как будто бы хотел он ей помочь,
Сойти однажды просто с пьедестала,
Обнять... Увы, – кумирам не пристало
В наш век шагать с высот законных прочь.

Эльмире душу тешила молва:
Хоть после смерти добрые слова,
Что сорок лет подспудно в людях зрели
И обрасти легендами успели,
Твердил Бишкек, вещала и Москва.

Еще бы! – мудреца такого век,
Каким был этот умный человек –
Раззаков, – не рождалось здесь на свете!
А если будет? Как его мы встретим?
Урок усвоен? Или – хил побег?..

Кто смог его достойно оценить?
Кто не терял связующую нить
С безвинным, с ним, отправленным в изгнание?
Кто заслонил от лжи на том собрание,
Где горстка бесов козни стала вить?

Растерянность ли, скромность? – ерунда! –
А что друзьями двигало тогда?
Быть может, страх лишил смекалки многих,
И уносили люди просто ноги
От зыбких мест, где их ждала беда?

Ему ломали крылья – напоказ,
Чтоб устрашить, увы, надолго нас,
Лишали славы и авторитета...
Как можно свет лишить сиянья света?!
Мы оплошали – вот и бог не спас.

От имени законов Октября
Заткнули рты – ведь с ними спорить зря:
Народ, твердилось, с партией едины;
С тех давних пор, как рыбины на льдине,
Мы трепыхались молча: «Одобря...»

Нам не хватило воли и свобод,
Чтоб открывать для правды только рот,
Мы долг свой человеческий попрали.
Да, мы себя раскаяньем карали,
Переживая, как и весь народ,

Что личность не смогли мы уберечь,
Что не смогли поступком сделать речь,
Что даже, в рост идя его дорогой,
Сказать о том боялись: тень острога
Гнала скорее спрятаться за печь.

А вот Искак Раззаков был другим.
Не ради лести я слагаю гимн, –
Да что уж льстить, его ведь нет полвека!
Храбрее не встречал я человека,
Защищены мы в жизни были им.

О будущем кыргызов думал он.
Кто ни шипел бы вслед со всех сторон,
Он совершал поступки, чтобы завтра
Никто не смог итог вернуть назад бы,
Поставить начинаниям заслон;

Он дальновиден был, и все дела,
Что он затеял, жизнь в скрижаль внесла,
Хотя враги гасить пытались планы –
Чтоб вновь не стал он в новом деле главным!..
Что ж, зависть бьёт нередко зеркала.

Расправа, что над ним свершили, – зло,
С которым всей стране не повезло.
Но он не умер даже после смерти.
И в жизненной глубокой круговерти
Пусть не штурвал он ныне, но – весло.

Его бессмертный дух во всех живет.
Национальной гордости оплот –
Он будет жить, пока на белом свете
С кыргызской кровью в мир приходят дети,
Покуда жив кыргызский наш народ!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Проходит все. Закончен и дастан.
Спросить осталось только Кыргызстан:
Из всех людей, пришедших к высшей власти,
Кто, как Раззаков, дал нам столько счастья?
Кто жил для всех, а не кормил свой клан?

Он, сирота, сумел подняться ввысь,
Вооружил он знаниями мысль
И честь свою он сделал смыслом жизни;

Он первой был звездой в своей Отчизне,
Такие люди – редкий божий приз.

Всегда был полон мудрых он идей.
Как пресловутый Данко, для людей
Он из груди готов был сердце вынуть,
Свое благополучие отринуть,
Не спать, почти не есть по много дней;

Красивый, обаятельный, простой...
Он создал фонд искусства золотой
И храм наук, музей, театры, вузы...
Киргизия в пример всему Союзу
Тогда, при нем, была передовой;

Жизнь посвятил народу он; народ
В нем видел мудрость, славу и оплот,
Но излечить не смог при всем старанье
От ностальгии – следствия изгнания,
Что не один, увы, тянулось год;

Его болезнь – болезнь всей страны;
Да, – как один, мы были все больны
Душевной глухотою, слепотою;
Мы занимались только лишь собою,
Не понимая собственной вины.

Так Кыргызстана лучший человек,
На нас, любя, растративший свой век,
Стал жертвой равнодушия, лжи и страха.

Людская совесть – это наша плаха.
Бег времени – он от себя лишь бег.

Я все сказал, что я хотел сказать.
Не все сумел, быть может, я объять
В повествование: жизнь всегда полнее.
Как жизни этой часть, и я был ею,
И вслед идущим должен передать:

Гордитесь, что Исаака сильный ген
Природой дан в наследство вам – затем,
Чтоб жили вы, как он, трудились с честью
И помнили, что был и, в общем, есть он
В родной земле как семя перемен.

Весною, летом, осенью, зимой
Пусть вам поможет мой рассказ простой
Передавать для вечного хранения
Святое имя в каждом поколеньи:
Кыргыз Искак Раззаков – наш герой!

1995-1997,
1999-2009.

*У памятника Исааку Раззакову - народный поэт Кыргызстана,
Герой Кыргызской Республики Сооронбай Жусуев и поэт, переводчик,
Заслуженный деятель культуры КР Светлана Суслова*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лицо эпохи без прекрас	5
Мать.....	12
Ыразак и Ысак.....	20
В приюте для сирот.....	29
Самарканд – царица городов.....	43
В красавице-Москве и легендарном Ленинграде.....	68
В Ташкенте он нашел свое счастье.....	83
Юсупов. Война. Победа. Сталин.....	93
Ата-Тоо – земля Отцов.....	120
В Нарыне поднебесном.....	127
На просторах Чуйской долины.....	141
На ниве культуры.....	161
В неповторимом легендарном Таласе	172
Еще раз о Сталине.....	187
Токомбаев. «Манас». Алай.....	192
Жизненный путь набирает высоту. Барпы.....	230
Народное горе. Кайсын Кулиев.....	241
Разные времена. Разные дела. Разные мысли.....	250
Очень важные десять дней.....	281
Расстрелянные были реабилитированы.....	303
Сыдыкбеков. Ауэзов.....	310
Хрущев свирепствует. Пленум, отнявший счастье.....	317

Судьба усложняется.....	353
На благодатном Иссык-Куле.....	363
Масалиев. На берегу великого Нарына.....	378
Султан Ибраимов. Таинственная ночь Оша.....	384
В Лейлеке – на родной земле.....	387
Москва. Годы забвения и печали.....	402
Вновь на Родине.....	417
Послесловие.....	434

Сооронбай Жусуев

Судьба Раззакова

Редактор - К. Кыдыршаева
Верстка и дизайн - Д. Светин

Подписано в печать 20.04.2013. Формат 84х108/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 27,375 Заказ 176.

Издательство «ЖЗЛК», 2013.